

Акад. А. И. Соболевскій.

Лингвистическія
и
археологическія
наблюденія.

—
ВЫПУСКЪ I.

Отдѣльный оттискъ изъ журн. Р. Ф. В. 1910 г.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА
1910.

Представляя на судъ читателя 1-й выпускъ своихъ мелкихъ статей и замѣтокъ по исторіи, главнымъ образомъ, русскаго языка, я прежде всего долженъ сказать, что многія изъ этихъ статей и замѣтокъ въ разное время были уже напечатаны и что теперь онѣ являются только въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Но цитаты сохранены по старымъ изданиямъ, и Супрасльская рукопись цитруется по изданію Миклошича, Лаврентьевскіи и Ипатскіи списки лѣтописи—по изданіямъ 1871 и 1872 гг., двинскія грамоты — по „Актамъ Юридическимъ“ и т. п.

Нѣкоторыми выводами и нѣкоторыми данными издаваемыхъ нынѣ замѣтокъ я уже воспользовался въ послѣднихъ изданіяхъ „Лекцій по исторіи русскаго языка“.

Этотъ выпускъ не имѣетъ указателя, надѣюсь дать указатель къ нему при 2-мъ выпускѣ.

А. Соболевскій.

Москва.
20 августа 1910.

Древнѣйшія славянскія названія монеты и хронологія общеславянскаго смягченія гортанныхъ.

Церковно-славянскій языкъ имѣеть два слова специально для означенія металлической монеты ¹⁾.

Одно изъ нихъ — *пльнѣсь*. Оно нерѣдко въ памятникахъ. Въ виду того, что это слово знаютъ почти все славянскіе языки, мы можемъ считать его обще-славянскимъ. Все согласны, что *пльнѣсь* — заимствованное слово, что его оригиналь — герм. **rhenningos*, откуда др.-в.-нѣм. *rhenning*, др.-сѣв. *renningr*. Этимологія его неясна. Судя по *rh*, *rf* ²⁾, передъ нами слово заимствованное германцами изъ неизвѣстнаго намъ языка, но, можетъ быть, снабженное германскимъ суффиксомъ. Германское слово, широко распространенное въ германскихъ языкахъ, имѣеть специальное значеніе: металлическая монета. Слѣдовательно, славяне заимствовали отъ германцевъ это слово вмѣстѣ съ предметомъ, вмѣстѣ съ металлической монетою.

Другое слово въ разныхъ памятникахъ пишется разное.

Др.-русское Архангельское Ев. 1092 г. имѣеть *стѣльѣсь*; др.-русская Рязанская Кормчая 1284 г.: *стѣльѣсь*; др.-русское Галицкое Ев. 1144 г.: *скѣльѣсь*; др.-сербское Мирославово Ев. к. XII в.: *скѣльѣсь* и т. д. Повидимому, основная форма — *стѣльѣсь*,

¹⁾ Третье слово — *цѣта* мы опускаемъ, такъ какъ древнѣйшее значеніе неясно. Русск. *цѣта*, польск. *сѣтка* значитъ: бляшка, металлическая пластинка

²⁾ *Lottner*, KZ. XI, 173 Производство отъ **rhanpa* (*rfanne*), принимаемое *Kluge* (Et. Wb.), болѣе чѣмъ сомнительно; о связи съ латинскимъ *pendere* также не можетъ быть рѣчи.

подъ вліяніемъ слова *стѣкло* измѣнившаяся въ **стѣкласъ*, откуда уже *скласъ*.

Такъ называемый Законъ судный людямъ имѣетъ *щласъ*, т. е. *штласъ*. Русская Начальная Лѣтопись и еще нѣсколько памятниковъ, переведенныхъ, повидимому, не въ древней Россіи, имѣютъ *щлягъ*, т. е. **щьлягъ* ¹⁾.

Изъ приведенныхъ формъ наиболѣе древнею слѣдуетъ считать *стѣласъ*; изъ нея легко могла возникнуть форма **штѣласъ* съ обычною для церковно-славянскаго языка грушею звуковъ *шт*. Форма **щьлягъ*, повидимому, получилась изъ **стѣлягъ*; послѣдняя — вариантъ къ *стѣласъ*, безъ смягченія гортаннаго.

Въ виду находенія слова *стѣласъ* и др. въ разныхъ славянскихъ языкахъ, необходимо считать его принадлежащимъ обще-славянскому языку.

Все признаютъ, что *стѣласъ* и др. — заимствованныя слова и что ихъ оригиналомъ должна быть одна изъ германскихъ формъ — или предокъ готск. *skillings*, др.-в.-нѣм. *scilling*, или какая-нибудь сходная, съ *t* послѣ *s*. Этимологія германскаго слова неясна; суффиксъ — германскій. Несомнѣнно, германское слово имѣетъ значеніе: металлическая монета. Слѣдовательно, славяне заимствовали его отъ германцевъ также вмѣстѣ съ предметомъ, вмѣстѣ съ металлической монетою.

Время заимствованія обоихъ словъ лингвистически опредѣляется легко: это — періодъ до смягченія гортанныхъ подъ вліяніемъ предыдущихъ мягкихъ гласныхъ. Но это время можно приблизительно опредѣлить и на обычный нашъ счетъ вѣковъ.

Конечно, отдѣльные экземпляры греческой и римской монеты могли попадать къ нимъ въ руки относительно рано ²⁾; но они не могли, по своей рѣдкости, служить монетою; ими могли пользоваться какъ украшеніями, цѣнными бездѣлушками

¹⁾ Между прочимъ, въ Дѣянїяхъ ап. Ѳомы у царя Гундафора (по Чудовск. сп. XIV в.) Польск. *szelag* — позднѣйшее заимствованіе изъ нѣмецкаго *schilling*.

²⁾ О кладѣ греческихъ монетъ V-го вѣка до Р. Хр. близъ Бромберга см. у *Sadowski*, Die Handelsstrassen der Griechen und Romer, Jena, 1887, стр. 72.

и т. п. Въ это время могли появиться у германцевъ и предки pfenning'a и schilling'a.

Распространеніе металлической монеты и употребленіе ея именно какъ монеты могло развиться у германцевъ лишь передъ самымъ Р. Хр. У Тацита въ V главѣ его „Германіи“ мы читаемъ: Proximi (германцы) ob usum commerciorum aurum et argentum in pretio habent formasque quasdam nostrae pecuniae agnoscunt atque eligunt. Inferiores simplicius et antiquius permutatione mercium utuntur. Pecuniam probant veterem et diu notam, serratos bigatosque (монеты съ зазубреннымъ ободкомъ и монеты съ изображеніемъ пары коней въ колесницѣ) ¹⁾.

Итакъ, во времена Тацита лишь ближайшіе къ римскимъ владѣніямъ германцы пользовались металлическою монетою римскаго происхожденія, по преимуществу старой, конца республиканскаго періода. Что до германцевъ сѣверо-восточныхъ, сосѣдившихъ со славянами, то они не пользовались металлическою монетою и еще будто-бы вели мѣновой торгъ; но знакомство съ этой монетою какъ монетою должно было появиться у нихъ и у сосѣднихъ славянъ уже въ I в. по Р. Хр. ²⁾.

Въ то же время должны были перейти къ славянамъ и слова **лѣнлѣгъ* и *стѣллѣгъ*, еще безъ смягченія гортаннаго. Слѣдовательно, переходъ *l* въ *s* подъ вліяніемъ предыдущаго *l* совершился уже позднѣе. Такимъ образомъ необходимо принять

¹⁾ „Въ Римѣ первый *сerratus* появился во время второй Пунической войны; ...остальные же выпуски ихъ послѣдовали послѣ болѣе чѣмъ столѣтняго промежутка, приблизительно съ 91 года, и съ перерывами продолжались до 54 года, послѣ котораго выдѣлка ихъ была прекращена на всегда“. Р. Шерцль, Римское монетное дѣло, Харьковъ, 1893, стр. 79.

²⁾ По Садовскому, монеты императоровъ Клавдія и слѣдующихъ, особенно Домиціана и Траяна, найдены не разъ въ предѣлахъ Силезіи и нынѣшняго Царства Польскаго. Значитъ, во II в. римская монета уже ходила здѣсь въ качествѣ монеты. Подробныя данныя о римскихъ монетахъ въ Пруссіи и вообще въ Германіи у *Wiberg'a*, *Der Einfluss der klassischen Völker auf den Norden durch den Handelsverkehr*, Hamburg, 1867 (перев. съ шведск.). Срв. данныя о находкахъ римскихъ монетъ въ южной Россіи у *Самоковасова*, *Исторія русскаго права*, II, Варшава, 1884, стр. 126 сл.

за время перехода *z* въ *s* (а вмѣстѣ перехода *ж* въ *ц*, въ *отъцъ* и т. п.) самое раннее — конецъ I столѣтія по Р. Хр. А такъ какъ переходъ *z* въ *s* и вообще гортанныхъ въ свистящіе подъ вліяніемъ предыдущихъ мягкихъ гласныхъ совершился еще на почвѣ обще-славянскаго языка, то окончаніе обще-славянскаго періода приходится относить къ эпохѣ около II в. по Р. Хр. §

Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о праславянской родинѣ.

До-историческая этнографія располагаетъ (въ настоящее время по крайней мѣрѣ) очень скуднымъ количествомъ данныхъ и еще болѣе скуднымъ количествомъ хорошо обоснованныхъ выводовъ; поэтому каждый новый фактъ, хотя бы онъ имѣлъ скромное значеніе, представляется заслуживающимъ вниманія.

И одинъ такой фактъ я позволю себѣ указать и на немъ нѣсколько остановиться.

Этотъ фактъ — существованіе рядомъ двухъ названій озера Селигера. Одно — нынѣ употребляемое, общеизвѣстное, которое въ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку XIV в. является въ видѣ *Серегурь*; другое — нынѣ уже, кажется, неизвѣстное, *Селижаръ*; оно не сохранено намъ памятниками, но легко возстановляется на основаніи названія рѣчки *Селижаровки* или *Селижаръ* (выходящей изъ Селигера и впадающей въ Волгу) и названія посада *Селижарова* (при впадении Селижаровки въ Волгу) ¹⁾.

Прежде чѣмъ разсмотрѣть и оцѣнить эти названія, необходимо сдѣлать маленькій экскурсъ въ область славянскаго языковѣдѣнія.

Славянскіе языки знаютъ два смягченія гортанныхъ звуковъ вообще и звука *г* въ частности. Первое смягченіе состо-

¹⁾ Другая рѣчка *Селижаровка* или *Селижарка* упоминается въ писцовыхъ книгахъ по Коломенскому уѣзду. См. „Указатель“ къ „Писц. кн. изданнымъ Имп. Р. Географ. Общ.“, стр. 42.

ить въ измѣненіи гортанныхъ въ шипящіе, въ частности въ измѣненіи *z* въ *ж*: *боже*, *божество* (отъ *богъ*); второе смягченіе состоитъ въ измѣненіи гортанныхъ въ свистящіе, въ частности въ измѣненіи *z* въ *s*: *боси* (мн. ч.). Время завершенія перваго смягченія намъ въ точности неизвѣстно, но въ древности его нельзя сомнѣваться. Оно равно свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ; слѣдовательно, мы можемъ относить его къ тому обще-славянскому періоду, когда всѣ славяне составляли еще одинъ народъ и говорили однимъ языкомъ, который закончился едва ли много позднѣе Р. Хр. Что до завершенія втораго смягченія, то и его древность слѣдуетъ считать глубокою, обще-славянскою, но не въ такой степени, какъ древность перваго смягченія. Между тѣмъ какъ первое смягченіе одинаково свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ, второе смягченіе имѣетъ въ разныхъ славянскихъ языкахъ нѣкоторыя разности, признакъ того, что обще-славянскій языкъ въ эпоху этого смягченія уже раздѣлялся на крупныя говоры. Такъ, въ русскомъ языкѣ всякій гортанный звукъ передъ *ь* и *и* (изъ дифтонга) перешелъ въ свистящій; а въ западно-славянскихъ языкахъ, рядомъ съ переходомъ *ж* и *z* въ свистящіе, есть случаи перехода *z* въ шипящее *ш*; или, въ русскомъ языкѣ передъ *въ* и *ви* гортанные подверглись смягченію: *цвѣтъ*, *звѣзда*, а въ тѣхъ же западно-славянскихъ языкахъ въ подобныхъ словахъ нѣтъ смягченія: *квѣтъ*, *звѣзда*.

Къ сказанному о смягченіи необходимо прибавить два слова о судьбѣ *ь* (соотвѣтствующаго долгому *e* родственныхъ языковъ) послѣ перваго смягченія. Этотъ звукъ послѣ шипящихъ и *j* перешелъ въ *a*, такъ что изъ древнѣйшаго *жъ* получилось *жа*. Всѣ славянскіе языки знаютъ переходъ *ь* въ *a*, и потому его слѣдуетъ считать завершившимся въ обще-славянскій періодъ.

Теперь рассмотримъ названіе *Серетьрь*¹⁾. Въ немъ мы видимъ звуковую группу *ьрь*; эта группа не подверглась то-

¹⁾ Списки 1-й Новгородской лѣтописи имѣютъ въ этомъ словѣ послѣ *ь* то *e*, то *ь*, то *и*, что указываетъ на нахождение въ немъ въ древности *ь*.

му, что мы называемъ вторымъ смягченіемъ. Слѣдовательно, слово *Серетьрь* вошло или въ обще-славянскій языкъ въ самую позднюю эпоху его существованія, уже послѣ того какъ въ немъ завершились оба смягченія гортанныхъ, или, скорѣе, уже въ русскій языкъ, послѣ того какъ обще-славянскій языкъ распался. Изъ этого можно заключить, что обще-славяне или русскіе славяне подошли къ озеру Селигеру и здѣсь усвоили себѣ его названіе отъ болѣе раннихъ обитателей береговъ озера относительно поздно, конечно, задолго до начала исторической эпохи, но во всякомъ случаѣ позднѣе Рождества Христова.

Перейдемъ къ другому названію того же озера *Селижаръ*. Стоитъ только повнимательнѣе въ него всмотрѣться, чтобы признать въ немъ то же слово, что и *Серетьрь*, только съ болѣе древней звуковой окраской. Какъ выше указано, при первомъ смягченіи гортанныхъ *ь* перешло въ *ж*, а потомъ *ъ* послѣ *ж* измѣнилось въ *а*. Слѣдовательно, *Селижаръ* восходитъ къ болѣе древнему *Серетьрь* (или *Серетьръ*), заимствованному обще-славянами у своихъ сосѣдей въ обще-славянскій періодъ и измѣненному въ звукахъ (какъ всѣ заимствованныя въ то время слова), согласно законамъ обще-славянскаго языка.

Заключеніе, которое мы можемъ вывести, таково. Обще-славяне имѣли уже нѣкоторое понятіе объ озерѣ Селигерѣ; можетъ быть, они доходили до него въ своихъ набѣгахъ на восточныхъ сосѣдей; значить, они жили уже относительно недалеко отъ Селигера; иначе говоря, одна часть границы обще-славянской прародины, именно ея сѣверо-восточный уголъ, находилась сравнительно близко отъ западной границы нынѣшней Тверской губерніи ¹⁾.

Но согласно ли наше заключеніе съ другими данными?

Можно похвалиться тѣмъ, что оно вполне согласно.

Если мы предположимъ, что около озера Селигера и въ

¹⁾ Мы не должны удивляться тому, что названіе озера Селигера было заимствовано дважды: одинъ разъ въ обще-славянскій періодъ, въ глубинѣ его, прежде завершенія перваго смягченія гортанныхъ, второй разъ — значительно позже, когда завершилось не только первое, но и второе смягченіе гортанныхъ. Подобные случаи — не рѣдкость въ языкѣ. Укажемъ на два названія Карпатскихъ горъ (см. ниже).

глубинѣ обще-славянскаго періода, и позднѣе, жили финны (точнѣе: западные финны)¹⁾, то будемъ имѣть право воспользо-ваться данными изъ области взаимныхъ отношеній языковъ славянскихъ и западно-финскихъ.

Данныя русск. языка указываютъ намъ на очень древнее знакомство славянъ съ финскими племенами. Мы не знаемъ нарицательныхъ словъ, заимствованныхъ въ древности славянами у финновъ, но имѣемъ рядъ названій финскихъ племенъ. Одно изъ нихъ — *Ижера*, соответствующее финскому *Inger*-; въ немъ мы имѣемъ то древнее первое смягченіе гортаннаго, о которомъ уже говорили; значитъ, это названіе было получено еще обще-славянами, когда Ижера жила значительно южнѣе, чѣмъ въ историческое время. Другое — *Ъмь* и *Ъмь*, соответствующее финскому *Näm*-; во второмъ вариантѣ этого названія²⁾ мы находимъ тотъ древній переходъ *ъ* послѣ *j* въ *a*, о которомъ уже упоминали; значитъ, названіе *Ъмь*—*Ъмь* было получено также еще въ обще-славянскій періодъ. Третье — *Весь*, живущее донинѣ въ названіи города *Весьёионска* и соответствующее финскому *Veps*-; измѣненіе группы *ъс* въ *с* принадлежитъ къ числу древнихъ; оно совершилось въ обще-славянскомъ языкѣ; слѣдовательно, названіе *Весь* перешло къ славянамъ въ тотъ же обще-славянскій періодъ, когда *Весь* жила южнѣе и западнѣе, чѣмъ въ историческое время.

Данныя собственно-финскаго языка говорятъ намъ о томъ же. Этотъ языкъ имѣетъ много нарицательныхъ словъ, заимствованныхъ у славянъ; изъ нихъ нѣкоторыя сохраняютъ такія группы звуковъ, которыя были только въ обще-славянскомъ языкѣ и которыхъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ; между прочимъ группы *al*, *ar* въ серединѣ словъ, тамъ, гдѣ русскій языкъ имѣетъ полногласныя *оло*, *оро*, церковно-славянскій языкъ — *ла*,

¹⁾ По изслѣдованіямъ Томсена и финскихъ ученыхъ, западные финны нѣкогда, до прихода на берега Балгійскаго моря, жили южнѣе, въ связи съ Мордвою и Черемисою.

²⁾ Подобные варианты вполне обычны въ славянскихъ языкахъ: современн русск. *ъсть* и *ъсли*, др.-русск. *ъдь* и *ъль*, др.-русск. *ъзва* и *ъзѡ* и т. п.

ра: корельск. *talkkuna* (= обще-славянск. **тѣлѣно*, др.-русск. **толокно*, церк.-слав. **тлакно*) и т. п. ²⁾.

Итакъ, славяне на своей общей прародинѣ, въ глубинѣ вѣковъ, жили по сосѣдству съ нынѣшней Тверской губерніей (западнѣе ея). Когда же они перешли на территорию этой губерніи?

Названіе озера *Селижаръ*, какъ видно изъ сказаннаго, не стоитъ одиноко. То же можно сказать и о названіи *Серетръ*. Если мы всмотримся въ названія озеръ, рѣкъ и т. п. тверской территории, то между ними замѣтимъ названія *Кебердово*, *Ке-задро*, также безъ смягченія гортаннаго, названіе рѣки (и потомъ города) *Тъхвърь* ¹⁾, безъ смягченія *x* передъ *въ*, и т. п.

¹⁾ Мы пользуемся данными *Mikkola*, *Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen*, I, стр. 43.

²⁾ Такъ обыкновенно пишется это слово въ Новгородской лѣтописи по Синод. сп. Запись Устава Церковнаго, написаннаго въ Твери въ 1438 г. (Синод. Библ. № 331), имѣетъ постоянно: Тфърь.

Б е с к и д ъ.

При этомъ названіи Карпатъ, общимъ словакамъ, полякамъ и русскимъ, есть другое, менѣе распространенное названіе тѣхъ же горъ — *Bieszczad*, извѣстное въ польскихъ книгахъ XVI—XVIII вв., употребительное теперь въ Силезіи ¹⁾ и восходящее къ **бескъд-*, *бескѣд-*.

Нѣтъ сомнѣнія, что оба эти названія заимствованы славянами у своихъ сосѣдей, второе въ обще-славянскій періодъ (*щ* изъ *ск* могло произойти и при первомъ, и при второмъ смягченіи гортанныхъ), первое много позднѣе, въ эпоху существованія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, когда сочетаніе *ки* уже опять существовало въ славянскихъ языкахъ.

Форма им. п. ед. ч. извѣстна и у русскихъ: *Бѣскидѣ*, *Бѣскидѣ*, *Бѣскедѣ*, и у поляковъ: *Beskid*, *Beszkid*, *Bieszczad*. Такъ называются и Карпаты вообще, и (иногда) отдѣльныя вершины. Сверхъ того, есть указаніе на употребленіе русскаго *бескѣди* какъ нарицательнаго: скалы, горы (Желеховскій).

¹⁾ *Biblioteka Warsz.* 1850 г., III, стр 436.

Мелкія замѣтки по славянской и русской фонетикѣ.

1.

Какъ извѣстно, церк.-славянскій языкъ нерѣдко имѣетъ *a* тамъ, гдѣ другіе славянскіе языки имѣютъ *ja*: авити при др.-русск. *javiti*, и т. п.

При разсмотрѣніи въ церк.-слав. языкѣ древнѣйшихъ церк.-слав. текстовъ и ихъ древне-русскихъ списковъ, тѣхъ словъ, гдѣ *a* находится на мѣстѣ *ja* другихъ славянскихъ языковъ, а иногда и церк.-слав. языка, приходится придти къ заключенію, что во всѣхъ этихъ словахъ *a* восходитъ къ праславянскому *ā* или *jā* и что такимъ образомъ нѣтъ случаевъ, гдѣ бы церк.-слав. *a* восходило къ праслав. *ъ* или *jъ*.

Мы видимъ:

- 1) *акы*, *амо*, *аблько*, *авити*, *агньць*, *азъ*, *аице*, *моа* (формы имен. ед. женск. р., имен. мн. ср. р.), *вънезаапж* и т. п.;
- 2) *адро* (при *нъдра*), *аздити*, *ахати* (при *ъздити*, *ъхати*), *амь* (при *ъмь*), *адъ венечит* (при др.-русск. *ъдъ*), *азва* (при др.-русск. *ъзва*), *азъ стѣрахос* (при русск. *ъзъ*) и т. п.

Рядомъ нѣтъ: съ одной стороны *ъкы*, *ъблько*, *ъице* и т. п. ни въ древне-русскомъ, ни въ чешскомъ, ни вообще въ какихъ-либо славянскихъ языкахъ (церк.-слав. написанія *ъкы*, *ъзъ* Мар. Ев. и т. п. имѣютъ *ъ* съ значеніемъ *ja*), — съ другой стороны *ахати*, *адъ* и т. п.

Въ виду этого мы можемъ рѣшительно высказываться относительно нѣсколькихъ спорныхъ случаевъ:

въ формахъ имперфекта несѣахъ и т. п. *a* не можетъ восходить къ праславянскому *ъ* или *ǰъ*;

въ мѣстоименіи азъ *a* также не имѣетъ отношенія къ *ъ* и эта форма не можетъ быть связываема сколько-нибудь тѣсно съ греч. *ἐγώ*, лат. *ego* и проч.

Такъ какъ въ обще-славянскихъ именахъ *ѡма*, *ѡръ*, *ѡснѣ*, *ѡръмѣ* мы всегда видимъ въ древнѣйшихъ церк.-слав. текстахъ только *ѡ* (или его графическій вариантъ *ѡ̄*) и никогда не встрѣчаемъ *a*, — нѣтъ основанія возводить *a* этихъ словъ къ праславянскому *ǰ* или *ǰǰ*; здѣсь *ѡ* восходитъ къ праславянскому *ъ* или *ǰъ*; срв. обще-славянское *ѡсли*, гдѣ корень несомнѣнно *ъд*.

Необходимо помнить, что въ средне-болгарскихъ, старо-сербскихъ и позднихъ (съ конца XIV вѣка) русскихъ текстахъ, съ искусственною церк.-слав. орѡграфіею, можетъ встрѣчаться *a* вмѣсто *ѡ* въ началѣ и серединѣ словъ во всякихъ словахъ и формахъ. Такъ, въ русскихъ текстахъ обычны формы род. ед. женск. р. *моеа* = ц.-слав. *моеѡ* и т. п. Конечно, данныя этихъ текстовъ не должны быть принимаемы во вниманіе.

2.

Существуетъ мнѣніе, что до-славянское *s* не переходитъ въ *x* послѣ *e*.

Позволительно сомнѣваться въ его основательности. Мы имѣемъ:

формы 2-го л. ед. ч. наст. вр. обще-слав. *берешь*, гдѣ *ш* изъ *x*;

рядъ существительныхъ съ суффиксомъ *-ex-*: русск. *лепёха*, *лепёшка*, *дурёха*, *заварёха* (*драка*, *ссора*, *Якушкинъ*), *красёха* (*красивая женщина*, *Даль*), *лысёха* (*лысая корова*, *Даль*), *шварёха* (*сварливая баба*, *Даль*), *бабёха*, *тетёха*, *Алёха*, *Матрёха* и т. п.;

рядъ прилагательныхъ съ суффиксомъ *-ex-* (гдѣ *e* не можетъ восходить къ *ъ*): *живёхонекъ*, *живёшенекъ* (*ш* изъ *x*), *малёхонекъ* и т. п. (*сербскія* прилагательныя *живахан* *живенекъ*,

мекахан мяконекъ, гдѣ *a* можетъ восходить къ *ъ* или *ь*, — иного образования);

глаголь брезати;

сущ. лѣмехъ, лемешъ (*ш* изъ *x*), польск. *lemiesza* лепешка (*Prace Filolog.*, IV, 837);

сущ. русск. чехоль, обще-слав. *чехъль (?); въ великорусскомъ нарѣчїи XVI—XVII вѣковъ такъ называлась какая-то одежда: повобрачная на себя положить чехоль и шубу нагольную (свад. чинъ при Домостроѣ, по изд. Забѣлина стр. 184); современные великорусскіе говоры знаютъ это слово, между прочимъ, въ значенїи: полотенце; польск. *czochać się* тереться.

Вотъ еще нѣсколько словъ съ *e* передъ *x*, неясныхъ для насъ въ томъ или другомъ отношенїи: русск. бздѣхъ, жѣрежъ (рыба), мѣстное названїе Желеховъ, чешск. *Želechovice*, русск. жоухъ (бабка лежащая вверхъ спинкой), чешск. *kožešina* (мѣхъ), русск. мачеха (*e* изъ *jo?*), омѣха (котомка), шѣрежъ (мелкій ледъ на рѣкѣ), обще-слав. этнографическое названїе чехъ.

Вѣроятно, нѣкогда было *x* послѣ *e* въ камешекъ, гребешокъ, корешокъ, кочешокъ, кремешокъ, ремешокъ, черешокъ, олешокъ (отъ олень), веретешко (отъ веретено); но всѣ эти слова представляютъ значительныя затрудненїя для объясненїя въ нихъ отсутствїя слѣдовъ звука *n* (срв. камень и т. д.) и вообще неясны. — Срв. 1) однородныя барашекъ, ладоши, лукошко (при лукно), окошко, бревешко (при бревно), гумешко, головешка, говешка, дровешки (дрова), полѣшко (полѣно) и 2) голяшка (при голень).

3.

Небольшой рядъ словъ съ *s* имѣютъ при себѣ слова съ *x*: русск. тряхать, тряхнуть (Псковск. лѣтоп., по изд. Погодина стр. 136), трухнуть, при трасѣ, тржсъ и т. п.;

малорусск. жажъ (ужасъ), сѣв.- и южно-великор., малорусск. ужасаться, ужаснуться, пол. *żachnąć się* (*Wiśła*, IX, 431), при ужасъ и т. п.;

русск. помѣха, чешск. *míchatí* (мѣшать), русск. псковск. мѣхать (мѣшать), при мѣсити и т. п.;

великорусск. и бѣлор. прохать (просить; бѣлор. романъ о Тристанѣ: прохали, по изд. акад. *Веселовскаго* стр. 44), при просити;

сѣв.-великор. опояхать (*Колосовъ*, *Замѣтки*, 16; *Изв. р. отд. Ак. Н.* 1896 г., II, 342), при поясъ и т. п.;

русск. псковск вѣхать (вѣшать), при вѣсъ и т. п.;

чешск. *česhrati* (расчесывать), при чесати (срв. чехоль);

малор. пелелатий, при ц.-сл. пелесъ, русск. пелёсина, пелёсоватый (срв. чешскія мѣстныя названія *Peleschov* и *Pelesov*);

великор. полѣхъ (житель Полѣсья), при лѣсъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ словъ можно предположить суффиксъ *s* (изъ обще-индо-европ *s*), находившійся пѣкогда послѣ корня. Срв. русск. *взмахъ*, *махать*, при *маять*, *помавать*; *смѣхъ*; *ѣхать*; малор. и бѣлор. *зѣхать* (*зѣвать*), великор. *зѣха* (*зѣвака*), серб. *зијехати*; ст.-польск *blochać* (*блевать* ?); великор. *вѣха*, при *вѣять*; *бахарь*, *жизарь*, *знагарь*, при *баять*, *жить*, *знать*, и др. Далѣе можно предположить переходъ *s* изъ обще-индо-европ. *ss*, *k's* въ *x*.

Сравни переходъ *s* изъ древнѣйшаго *ts* въ русск. *пѣхота*, *лягъ*, *прязга*, *неряга*, *прирягнуться* (*прицарядиться*), *вѣха* (*извѣстie*; *Колосовъ*, *Обзоръ*, 178), олонек. *гнехать* (*ударять*, *Куликовский*). чешск. *ostychati* (*стыдиться*).

4.

Группа *xn* (изъ *sn*) на обще-славянской почвѣ дала *n*: *чърнъ* при санскр. *kr̥śnas*, прусск. *kirsnas*; *вѣно* (въ ц.-слав. яз. еще въ значеніи: плата) при санскр. *vasnas*, *vasnam*, греч. *ῥυος*, *ῥυή*, лат. *vēnum* (польск. *wiano*, безъ *d*, устраняетъ сопоставленіе съ греч. *ἔδνον*).

Въ виду этого позволительно думать, что эта группа *xn* нѣкогда находилась въ обще-слав. ясень (срв. литовскія названія деревьевъ на *-snis*) и въ русскихъ прилагательныхъ: *здоровѣн(ь)ный*, *злѣнный*, *глубочѣнный*, одинаково свойственныхъ великорусскимъ, малорусскимъ и бѣлорусскимъ говорамъ (срв. литовскія формы сравнит. ст. на *-esnis*). Двойное *nn* можетъ быть въ нихъ позднимъ явленіемъ (какъ и въ причастіяхъ).

5.

Кажется, уже всеми принято, что гортанные согласные при втором смягчении, органическомъ и неорганическомъ, переходятъ въ свистящіе. Но вмѣстѣ съ этимъ оставленъ безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія вопросъ о происхожденіи тѣхъ шипящихъ, которые находятся на мѣстѣ ожидаемыхъ свистящихъ въ западно-русскомъ нарѣчій и въ западно-славянскихъ языкахъ. Въ виду этого мы прежде всего остановимся на данныхъ.

1) Извѣстная грамота рижанъ въ Витебскѣ, ок. 1300 г., имѣетъ двѣ формы мѣстн. ед.: у Витебьще, у Смоленьще.

Западно-русскій сборникъ XVI в.: у воище (*Arch. für slav. Ph.* IX, 366) ¹⁾.

Западно-русская Псалтырь XVI вѣка (Рум. Муз.) имѣетъ форму им.-вин мн.: поставлю передъ обличьемъ твоимъ грѣши (л. 51).

Современное бѣлорусское нарѣчіе кое-гдѣ знаетъ форму мѣстн. ед. въ горóшѣ (отъ горохъ) ²⁾ и слова: шѣдый (*Р. Филол. Вѣстн* 1909 г., № 3, стр. 216) и шѣрый; срв. великорусск. сѣдой и сѣрый.

2) Старо-польскіе памятники употребляютъ рядомъ формы дат. и мѣстн. ед.: *Polszcze* и *Polsce*, *w maszcze* (отъ *maska*), *w wojszcze* и *w wojsce* (отъ *wojsko*), им.-вин. дв. *poduszcze* (отъ *poduszka*), *wojszcze* и *wojsce* ³⁾.

Флоріанская Псалтырь XIV вѣка имѣетъ формы мѣстн. ед. муж.-ср. рода: *w strasze*, *w słasze*, *w dusze*, *w prosze*; Шаршпатацкая Библия XV в.: *w grzesze*, *po susze*, *na rusze* (отъ *ruscho*); другіе старо-польскіе памятники имѣютъ, кромѣ формъ дат. и мѣстн. ед. съ *ш*: *patryarsze*, дат., — еще формы тѣхъ же

¹⁾ Псковскій Прологъ 1383 года: дъщѣ = дъстѣ, дъсцѣ, отъ *дъска*, „Очерки изъ исторіи р. яз.“, стр. 128.

²⁾ Сообщено Е. О. Карскимъ.

³⁾ Проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ видитъ въ *Polszcze* — руссизмъ (*Rocznik Slawist*, I, 113), но безъ основанія,

падежей съ *ч*: *człowiecze* (рядомъ: *człowiece*), *w opiecze* (отъ *opieka*).

Старо-польскіе памятники имѣютъ формы им. мн. *włoszy* (отъ *włoch*) и мѣстн. мн. на *wołoszech* (отъ *wołoch*); рядомъ съ формами съ *ш*, встрѣчаются формы съ *ч*: *w turczech* (отъ *turck*), при *w turcech* ¹⁾.

Современный польскій языкъ мало отличается отъ стараго, и мы въ немъ слышимъ *Polszcze* (при *Polsce*), *w dusze* (отъ *duch*), *we włoszech* (отъ *włoch*), *w niemczech* (отъ *niemiecc*).

Сверхъ того, и въ старомъ, и въ современномъ польскомъ языкѣ имѣютъ не *с* (какъ церковно-славянскій, русскій, сербскій языки), а *ш* рядъ формъ и производныхъ отъ мѣстоименія *въсь* (изъ **въхъ*): род. мн. *wszech* и т. п., *wszędę* (= церк.-слав. **въсьды*, изъ **въхъды*) и т. п., и слова *szedziwy*, *szędziwy* (съ неорганическимъ носовымъ), *szadawy*, и *szary* (съ *a* изъ *ъ*); срв. ц.-сл. и русск. сѣдъ, серб. сијед, ц.-сл. и русск. сѣръ, хорв. сјер ²⁾.

3) Старый и новый чешскій языкъ въ общемъ вполне согласенъ съ польскимъ.

Онъ имѣетъ формы дат.-мѣстн. ед. *vojstě* и *vojšče* (отъ *vojska*), мѣстн. *pražšče* (отъ *pražsko*), им. мн. *čeští*, *vlašті* (отъ *český*, *vlašký*), *řečті* (отъ *řecký*), им.-вин. дв. ж. р. *dvě nebeščě perle*. Рядомъ: *v Polsce*, *uherscí*, *slovenstí*, *nemectí*.

Онъ имѣетъ формы дат.-мѣстн. ед. *múše* (отъ *múcha*), *troše* (отъ *trocha*), им. мн. *češi*, *lepoši* (отъ *lenoch*), мѣстн. мн. *o hříších*, *ve vlaších* (отъ *vlach*); рядомъ: (словацк.) *muse*, *česi*, *leposi* ³⁾.

Гусъ употребляетъ форму дат.-мѣстн. *měždě* (отъ *mezga*).

Сверхъ того, и старый, и новый чешскій языкъ имѣетъ *ш* въ формахъ и производныхъ отъ мѣстоименія *въсь*: *veš*, *však*, *vždy* (изъ **въшьды*, **въхъды*) ⁴⁾ и т. п. (въ Пражскихъ глаголи-

¹⁾ *Kalina*, *Historya języka polskiego*, I, 56, 70, 96, 121, 159, 160, 171, 201.

²⁾ Сравни еще польск. *szczególny* и ц.-сл. сѣгль, серб. цигли (изъ сцигли). *Miklosich*, *Vgl Gr.*, I², 288.

³⁾ *Gebauer*, *Historická mluvnice jazyka českého*, I, 448, 455.

⁴⁾ Само собою разумѣется: *ш* въ польск. *wszystek* и т. п. можетъ быть другаго происхожденія (здѣсь можетъ быть первое смягченіе гор-
танныхъ).

ческихъ Отрывкахъ: въ *шѣхъ* святыхъ), въ нарѣчіяхъ *suše, tiše* (= церк.-слав. *сусѣ, тисѣ*), и въ словахъ *šedivý, šerý*.

Хотячее объясненіе появленія шипящихъ на мѣстѣ ожидаемыхъ свистящихъ таково: очень мягкіе свистящіе уже въ историческое время перешли въ шипящіе. Но, какъ мы видѣли, свистящіе сохранились рядомъ съ шипящими. Сверхъ того, и это главное, — невѣроятно, чтобы одно и то же звуковое явленіе съ одними и тѣми же ограниченіями могло произойти въ нѣсколькихъ сосѣднихъ между собою языкахъ.

Позволяемъ себѣ предложить другое объясненіе. По нашему мнѣнію, въ нѣкоторыхъ сѣверо-западн. говорахъ обще-славянскаго яз. второе смягченіе было тождественно съ первымъ, то-есть состояло въ переходѣ гортанныхъ въ шипящіе. Съ теченіемъ времени эти говоры слились съ близкими къ нимъ говорами со свистящими изъ гортанныхъ и передали этимъ послѣднимъ часть своихъ формъ и словъ. Отсюда рядомъ, на примѣръ, въ польскомъ языкѣ формы *w gęse* и *w pięszesie*, безъ всякой послѣдовательности.

Нельзя однако не замѣтить, что въ *словахъ* и въ польскомъ, и въ чешскомъ языкѣ употребляются шипящіе и свистящіе вполне послѣдовательно: рядомъ съ чешск. *však* нѣтъ *vzak*, рядомъ съ *šerý* нѣтъ *serý*, и наоборотъ — рядомъ съ польск. *cały* нѣтъ *sz cały*.

Существовавшая нѣкогда рядомъ формы имен. мн. *włosi* и *włoszy* вызвали къ существованію при формѣ им. мн. *paszy* — форму им. мн. *paзі*, пользующуюся въ современномъ польскомъ языкѣ значительнымъ распространеніемъ.

Слова *сѣра* и *шара* (съ *a* изъ *ъ* = *ě*), очевидно, не родственны съ словомъ *сѣръ*, какъ показываетъ различіе въ звукахъ польск. *siąga* и *szary*, чешск. *siřa* и *šerý*.

6.

Церк.-славянскій, сербскій, словинскій и русскій языки имѣютъ смягченіе древнихъ *ѣ, ж, љ* въ свистящіе передъ *в* съ послѣдующимъ мягкимъ гласнымъ: *ѣвѣтъж, ѣвѣсти, ѣвѣтъ* и т. п.

Но въ этихъ языкахъ слово *свѣрна* сохраняетъ свое *ж*, не смотря на нахожденіе послѣ него *въ*. Почему?

Если судить по аналогіи, дѣло въ звукѣ *с*.

Въ великорусскихъ формахъ 3 л. ед. конечное *т* отвердѣло вездѣ, гдѣ передъ нимъ гласный: *идѣтъ* и т. п. Но оно сохранило свою древнюю мягкость, если передъ нимъ *с*: *естъ*, *вѣстъ*.

7.

Въ одномъ изъ малорусскихъ текстовъ, находящихся въ недавно изданныхъ г. *Гринченкомъ* „Этнографическихъ матеріалахъ“ (II, 345), мы встрѣтили глаголь *роздвляти*, *роздвити* = разинуть. Онъ лишь немногимъ отличается отъ обычнаго въ малорусскихъ говорахъ глагола *роззявляти* (см. словарь *Нелеховскаго*) — грушею *зд* на мѣстѣ *зз*; но именно эта особенность и представляетъ интересъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что древнѣйшій видъ приведенныхъ глаголовъ — *зъявляти* (срв. польск. областное *ziajać* зѣвать, *Sprawozdania Komisji językowej*, IV, 352; сѣв.-великор. *съяяти*, *зъяяти* сіять, *Пермский Сборникъ*, I, 20 и др.), и что *зд* и *зз* восходятъ къ *зь*, *зј* (съ *зз* сравни *дд* въ *суддя* и т. п.). Равнымъ образомъ трудно сомнѣваться, что *зд* произошло изъ *зз*: вполне однородное явленіе мы имѣемъ въ бѣлорусскихъ формахъ 2-го лица един. числа возвратнаго залога: *боисѣтя* и т. п., изъ *боисся*. Передъ нами одинъ изъ интереснѣйшихъ случаевъ диссимиляціи согласныхъ, очень важный для объясненія церковно-славянскихъ *жд* и *шт* изъ *дј* и *тј*. Онъ дѣлаетъ совсѣмъ ненужною теорію происхожденія *жд* и *шт* путемъ перестановки и позволяетъ настаивать на объясненіи происхожденія этихъ группъ ближайшимъ образомъ изъ *жж*, *шт* путемъ диссимиляціи.

8.

Современный русскій языкъ почти совсѣмъ не знаетъ исключеній изъ закона такъ называемаго смягченія губныхъ согласныхъ: *язвлю*, *уязвляю*, *уязвленъ*, *умерщвлю*, *умерщвляю*, *умерщвленъ*, *вытрезвлю*, *вытрезвляю*, *вытрезвленъ*, отожде-

ствляю, осуществляю, очерствляю, развѣтвляю, рѣзвлюсь и т. д. Можно отмѣтить лишь клеймѣный, заклеимень отъ клеймить, оскобенъ отъ оскобить, по всей вѣроятности новообразованія. Но въ старыхъ русскихъ памятникахъ исключенія гораздо болѣе часты ¹⁾).

Слова уязвляю, уязвленъ, умерщвляю, умерщвленъ и въ текстахъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, и въ текстахъ русскаго происхожденія до XV вѣка постоянно или почти постоянно не имѣютъ л. Если мы возьмемъ недавно изданный Христинопольскій Апостолъ XII в. ²⁾, то въ немъ найдемъ умърщвѣяѣтъ, умърщвѣяѣте, умърщвѣяѣми (им. мн., два раза), умърщвена (род. ед.), при полномъ отсутствіи формъ съ л послѣ в; въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по списку XII в. мы встрѣтимъ умърщвѣяѣмъ, л. 4; въ Словѣ Иларіона по Мусинъ-Пушкинскому списку 1404 г., стр. 33, и въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, стр. 207: уязвенъ; въ Чудовскомъ Новомъ Завѣтѣ XIV в.: умерьшвена, умерьшвенье 101, умершвѣями 118 об. и т. п. Сверхъ этихъ словъ, въ древне-русскихъ текстахъ есть слова трѣзвениеѣ (въ Румянцевской Лѣствицѣ XII в., въ Христинопольскомъ Апостолѣ и друг.; рядомъ трѣзвѣниеѣ отъ трѣзвѣти) и вълшвениеѣ (Хронографъ Амартола по списку XIV вѣка, л. 52 об. и друг., при вълшвлениеѣ и вълшвити). Въ сравнительно позднемъ памятникѣ — Четъихъ-Минеяхъ Макарія есть слово благословещвенъ (сентябрь, стр. 1376, 1377 печ. изд., отъ благословествити).

Рядомъ съ этими словами въ древне-русскихъ текстахъ есть однородныя слова съ л послѣ в: умърщввлену, Ап. 1220 г., л. 25 (рядомъ: умерщвена, ів., и т. п.); язвленъ, Законъ судный по сп. XIV—XV в. (*Р. Достопам.*, II, 187); трѣзвление,

¹⁾ Оставляемъ въ сторонѣ слово *земля*, находящееся въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, въ одной изъ двинскихъ грамотъ XIV в. и (нѣсколько разъ) въ Погодинскомъ спискѣ переведенныхъ съ латинскаго книгъ Ветхаго Завѣта, № 84, — такъ какъ въ предкѣ его не было j-та. Житіе преп Сергія Радонежскаго по Софійскому списку XV в. № 1348 имѣетъ: земедѣлецъ, -лецъ, л. 198 об.

²⁾ *Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani edidit Act. Kalužnacki. Vindobonae, 1896.*

Пандекты Антиоха XI в.; но они въ этихъ текстахъ отнюдь не распространены.

Церковно-славянскіе памятники въ вопросахъ касающихся смягченія губныхъ, какъ извѣстно, лишены значенія. Вирочемъ отмѣтимъ: умръштвѣяти, умръштвено, уязвень въ Супрасльской рукописи; умръщѣаи, умръщѣа, умръщено въ Синайскомъ Требникѣ.

Старо-сербскіе памятники въ этихъ вопросахъ, напротивъ, очень важны. Но мы не владѣемъ данными изъ нихъ.

Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства мы должны ограничиться гипотезой.

Всѣ приведенныя выше древне-русскія слова имѣютъ передъ губнымъ какой-нибудь нѣмой согласный. Это позволяетъ намъ предположить, что *j*-ть послѣ губныхъ въ общеславянскомъ языкѣ перешелъ въ мягкое *л* лишь тогда, когда передъ губными былъ или гласный, или согласный плавный, и что онъ слился съ губными, когда передъ ними былъ согласный нѣмой.

Современныя русскія слова, въ родѣ выписанныхъ въ началѣ этой статьи, и однородныя съ ними древне-русскія слова легко могутъ быть объяснены какъ новообразования: язвлю обязано своимъ образованиемъ аналогіи явлю и т. п.

9.

Памятники новгородскаго и псковскаго письма XIII—XV вв. даютъ намъ, какъ извѣстно ¹⁾, рядъ случаевъ употребленія мягкаго *л* вмѣсто грушны: *в* + мягкое *л*: Ярославль дворъ, Переяславль, Жидослаличь, присталивати, направливати ²⁾, и т. п. Современный псковской говоръ сохраняетъ кроля=кровля.

Въ Дечанскихъ хрисовулахъ Стефана Дечанскаго и Стефана Душана, изданныхъ въ *Гласникъ Српског Ученог Друштва*, 2 отдѣл, кн. 12, и заключающихъ въ себѣ огромное количество славянскихъ собственныхъ именъ, мы встрѣчаемъ рядъ

¹⁾ Наши „Лекціи по ист. р. яз.“, стр. 36.

²⁾ Запись Словъ Исаака Сирина 1472 г (Рум. Муз № 494): направливанте Написаны во Псковѣ.

патронимическихъ словъ въ родѣ слѣдующихъ: Драгослаликъ = Драгославић, 8, 98, Хранислаликъ 8, 96, 102, Братослаликъ 100, 105, 118, 119, 124, Радослаликъ 102, 105, 116, Прибислаликъ 102, Пръвослаликъ 107, 116, Станислаликъ 115, на Градислалу цркъвь 122.

Сходныя съ ними слова мы находимъ и въ другихъ древне-сербскихъ документахъ, между прочимъ въ тѣхъ, которые изданы Миклошичемъ въ „Monumenta serbica“ (напримѣръ, Збислаликъ). Современный сербскій языкъ сохраняетъ въ себѣ нѣсколько словъ, гдѣ нѣкогда было опущено в передь мягкимъ *л*; таковы: забальати, ждрал, ждрао = *жъравль, срв. русс. жеравь, журавль; црлен = червленъ Срв. Miklosich, Vgl. Gr. I², 414.

Для насъ остается вопросомъ, когда произошло опущеніе в передь *л* въ русскихъ говорахъ съ одной стороны и въ сербскомъ языкѣ съ другой, и насколько можно признать какую-либо зависимость между тождественными явленіями двухъ этихъ языковъ. Но мы считаемъ несомнѣннымъ, что это опущеніе, въ приведенныхъ выше русскихъ и сербскихъ словахъ (и въ словахъ однородныхъ съ приведенными), не имѣетъ связи съ тѣмъ гораздо болѣе древнимъ измѣненіемъ группъ *в + л* и *в + р* въ началѣ и серединѣ словъ, которое Бругманъ называетъ „urbaltisch-slavisch“ и которое, повидимому, равно принадлежитъ и славянской, и литовской семьѣ языковъ. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ приведенныхъ словахъ *л* произошло изъ *ј*-та уже на славянской почвѣ.

10.

Гредьяковскій пишетъ не *дрожать*, а *дрожжеть*, на основаніи, очевидно, извѣстнаго ему произношенія этого слова ¹⁾. Дѣйствительно, есть великорусскіе говоры, имѣющіе *дрожжеть*, а польскій языкъ знаетъ слово муж. р. *dreszcz*, которому у малорусовъ соотвѣтствуетъ слово *дрошь*, у великорусовъ

¹⁾ Изрѣдка такъ пишутъ и теперь. См *Метерлижъ*, Смерть Тентажиля. Перев. Фоняковой. Екатеринославъ, 1903, стр. 10: *дрожжитьъ* листъ.

же должно бы соответствовать слово *дрожжъ*. Этимологія приведенныхъ словъ довольно ясна: обще-славянское *дръжъ* (ед. ч.) = литовское *drugis* (мн. ч.). Такъ какъ русское двойное *ж* можетъ восходить или къ группѣ *зд*, или къ группѣ *зг*, и такъ какъ группа *зд* на славянской почвѣ не испытываетъ измѣненій передъ мягкими гласными, то, очевидно, въ приведенныхъ словахъ мы имѣемъ дѣло съ группою *зг*, въ которой *з* произошло изъ *г*, иначе говоря, передъ нами ясный случай происхожденія группы *зг* изъ группы *зг*. Конечно, группа *зг* въ свою очередь можетъ происходить изъ группы *кз*.

Указанный нами случай образованія *зг* изъ *зг* — не единственный. Мы можемъ указать нѣсколько другихъ сходныхъ случаевъ; передъ нами слова:

обще-слав. розга; срв. рожьнь (палка), розозъ, розознѣ junceus, русск. розожа, гр. *ράχος*, *ρήχος* терновая вѣтвь, розга;

обще-слав. дразга; срв. ц.-сл. држгъ, польск. *drag* ¹⁾);

обще-слав. визгъ, русск. визгъ, вижжеть; срв. сербск. *вижати*;

русс. верезга, верезжеть; срв. обще-сл. вѣрчати, русск. воржовать, литовск. *verkti* плакать;

русс. лозгъ лощина (Даль) при логъ, ложбина;

русс. лязгъ (цѣпей), лязгать; срв. греч. *ἔλαχον*, *λάσχω* (вмѣсто *λαχ-σχω*, звучу);

русс. лузга, вылузга; срв. чешск. *koželuh*.

Вѣроятно, подвергнувъ тщательному анализу русскія брызгъ, брезгать, мелюзга, дребезги, мы найдемъ возможнымъ объяснить ихъ *зг* также изъ *зг*.

Если группа *зг* перешла въ *зг*, то группа *кж* (первое *к* можетъ быть изъ *г*) должна была перейти въ *ск*.

Дѣйствительно, рядомъ съ *зг* въ родственныхъ словахъ мы имѣемъ *ск* и происшедшее изъ этой группы *ш*:

ц.-сл. вискати, виштати (Усп. Сборн. XII в.), при визгъ;

ц.-сл. вѣштати, русск. верескъ, верещать, польск. *wrzask*, при верезга;

¹⁾ Златоструй XII в.: пустая мѣста и дряжьная 77 (*ж* изъ *г*?).

русск. лоскъ (грам. XV в.; Матеріалы *Дювернуа*), лощина, при лозъ;

русск. лясжать (губами, Домострой), при лязъ;

русск. луска, лущить, чешск. *luštiti*, при луза.

Судя по тому, что начало измѣненія группъ *dd* и *tt* въ *zd* и *st* относится къ обще-индо-европейской эпохѣ, начало измѣненія группъ *ll* и *kk* можетъ относиться также къ этой эпохѣ.

11.

Славянскіе языки имѣютъ нѣсколько словъ съ *ь*-ромъ или его потомками тамъ, гдѣ мы ожидали бы *z*-ра и гдѣ родственныя слова имѣютъ *z*, *z*, *z*. Эти слова слѣдующія:

Церк.-слав. прилагательное *бѣдрьнѣ*, откуда форма средн. рода *бѣдрьно* (Синайскій Трѣбникъ, 106); церк.-слав. прилагательное *бѣдрь* (Супрасльская рукопись, Слова Григорія Богослова XI вѣка). Рядомъ обще-славянск. *бѣдрь*, *бѣдѣти*, *бѣдити* и т. п., литовское *vidgus* и др. Срв. *бѣдрь* (Маріинское Ев. 101), ср.-болг. *бѣдрь* (Карпинское Ев. XIII в. 122 об.).

Церк.-слав. *вѣпль* (Супрасльская рукопись), ср.-болгарск. *вѣпль* (Болонская Псалтырь, Охридскій Ап., Погодинская Пс. XII в., Орбельская Пс., Карпинское Ев. XIII в. и др.)¹⁾. Рядомъ церковно-слав. и др.-русск. *вѣпль* (Остромирово Ев., Супрасльская рукопись и друг.), *вѣпнѣти*, *вѣз-вѣпнѣти*, современное русское *вопль*, *вопнѣти*. Древній гласный корня *виденѣ* изъ русск. *вѣпль*, чешск. *vrěti*.

Церк.-славянск. и др.-русск. *дѣбрь*, откуда *дѣбрь* (Ассеманово Ев. 154), современное русск *дѣбрь*. Рядомъ др.-русск. *дѣбрь* (Златоструй XII в. 13, 80 об., Ев. 1317 г. 50 и др.), современное бѣлорусск. *добръ* (*Шейнъ*, Матеріалы, II, 215), чешск. *děbř*, польск. *debrza*, литовск. *dubus*.

Церк.-слав. *без-дѣньнѣ* (Святославовъ Сборникъ 1073 года, 111 об.), откуда *бездѣние* (Синайскій Трѣбникъ 7, Синайская

¹⁾ Изъ средне-болгарскихъ текстовъ *вѣпль* перешло въ русскіе. Это слово съ *e* мы находимъ, напримѣръ, въ Ев. 1411 г. Киевск Дух. Ак. 73 и въ Ев. 1527 г Имп Публичной Библ. 56.

Псалтырь 73, Супрасльская рукопись 57, сербск. Шестодневъ 1263 г., 61), современное великорусск. без-дѣнный (*Барсовъ*, Причитанія, II, словарь), малорусск. денце, денечко, бѣлорусск. денцò, дзенцò (*Романовъ*, Бѣлорусскій сборникъ, I, 9; *Шейнъ*, Материалы, II, 209), изъ *дѣньце. Рядомъ церк.-слав. дѣно, современное великорусск. допцò, доньшко, лиговск. dibus, dū-burīs. Срв. церк.-слав. и древне-руссск. дѣно, бездѣна (вполнѣ обычныя въ древне-русскихъ текстахъ, начиная съ Остромирова Ев.), род. п. множ бездѣнь (Синайская Псалтырь 148), современное великорусск. дѣнышко.

Древне-руссск. мѣдльнѣ, мѣдлити (Остромирово Ев., Святославовъ Сборникъ 1073 г., Святославовъ Сборникъ 1076 г., Юрьевское Ев. и др.), откуда медленѣ, медлитель. Рядомъ церк.-слав. мѣдль, мѣдль, мѣдльнѣ, мѣдити, др.-руссск. мѣдчати (изъ мѣдъчати) медлитель (Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ по списку XV в.), ст.-польск. medł = мѣдль, польск. miedzić, литовск. mauda, maudoti.

Древне-руссск. рѣдрѣ (Святославовъ Сборникъ 1073 г.: рѣдрѣ, Амарголь XIV в.: волною рѣдрою 41 об. и др.), откуда старо-руссск. рѣдрѣ (Акты Юрид., 459, нач. XVII в.), современное сѣверно-великорусск. рѣдрѣ. Рядомъ обще-слав. рѣдѣти, рѣда и друг., санскр. rādhiras, греч. ῥοδρός.

Церк.-слав. и древне-польск. рѣштати, рѣштѣ, откуда рѣштание (Синайскій Требникъ 168), рѣпетѣ (средне-болгарск. Македонскій Ап., *Arch. für slav. Phil.*, X), старо-польск. rzer-tać (*Biblia kr. Zofii*, 83). Рядомъ, съ другимъ суффиксомъ, обще-славянск. рѣштати, рѣштѣ, современное русск. рѣштать, чешск. rertati, литовск. riras и друг.

Древне-руссск. скѣрбѣ, скѣрбѣ, скѣрбѣнѣ, откуда скѣрбѣ, скѣрбѣнѣ (очень часто въ древне-русскихъ текстахъ, начиная съ древнѣйшихъ). Рядомъ древне-руссск. скѣрбѣ, откуда современное скорбѣ, латышск. skurbt (руссизмъ?) быть безсильнымъ. Срв. древне-руссск. скѣрбѣти, скѣрбѣти (Галицк. Ев. ок. 1266 г. и друг.).

Древне-руссск. сѣсѣць (Остромирово Ев., Архангельское Ев. 1092 г., Путятина Минея XI в., Стихирарь 1157 г., Успенскій Сборникъ XII в. и др.), откуда сѣсець (Добрилово Ев. и др.,

часто). Рядомъ церк.-слав. и др.-русск. съсъць, откуда сосецъ (Ассеманово Ев. 130), современное русск. сосецъ, соска, церк.-слав. и др. русск. съсати (съсъца съсуть Успенскій Сборникъ XII в., съсущая съсъца Паремейникъ XII—XIII в. Типогр. Библ.), современное русск. сосать, др.-русск. исъсати (Коломенская Палея 1406 г. 6), сѣв.-великорусск. обсъсало обжора, малорусск. висисати, польск. wysysać. Рядомъ др.-русск. съсати (Стихирарь XII в. Академии Наукъ 11 об., 159), современное русск. сисъска. Срв. др.-в.-нѣм. sūgan, соврем. нѣм. saugen.

Церк.-слав. и др.-русск. трѣсть, трѣстьѣ, откуда трестъ, трестъѣ (Синайскій Требникъ 91, 100, Юрьевское Ев. нач. XII вѣка и др.), чешск. třítí. Рядомъ др.-русск. трзсть (Архангельское Ев. 1092 г. и др.), откуда трость, чешск. třest', род. trstí и třítí; польск. trześć, литовск. trūšis (солома). Срв. современное сѣверно-великорусск. трѣсточка, трѣсникъ (*Жив. Стар.* 1893 г., III, 374), затрестъѣ (Рыбниковъ, Гильфердингъ, былины), треста осока, чешск. třtina, польск. trzcina (изъ *трѣстина).

Къ этимъ словамъ, кажется, слѣдуетъ присоединить еще слѣдующія слова:

Церк.-слав. бѣшиѣ (Супрасльская рукопись, Чудовская Псалтырь XI в.), др.-русск. бѣшью, бешью (Амартоль XIV в. 140, 141, 143 об., 146 и др., Житіе Саввы Освященнаго XIII в. 83 об.). Рядомъ церк.-слав. бѣшыѣ, бѣхъма, бѣхъмъ (Супрасльская рукопись), др.-русск. бѣшью, бошью (между проч. Амартоль XIV в.), бѣхъма, бохма. Срв. др.-русск. бѣхъма, бехма (Богословіе Іоанна Дамаскина XII в. 17, Патерикъ Синайск. XII в. 65 об., Выголексинскій Сборникъ XII—XIII вв. и др.).

Церк.-слав. и др.-русск. до-въльнѣ, довъленѣ (Остромирово Ев., Супрасльская рукопись, Пандекты Антиоха XI в., Патерикъ Синайскій XII в. и др.). Рядомъ церк.-слав. и др.-русск. до-въльнѣ, довольнѣ, доволь, воля, велѣти, латинск. volo, velle и друг.

Русск. стрѣжь быстрая струя (Ломоносовъ), ст.-чешск. strziess charybdis, изъ *стрѣжь. Рядомъ струга волна, струя и т. п. (корень sru-).

Явленіе, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, на нашъ взглядъ, заключается въ слѣдующемъ.

Если въ словѣ находится рядомъ два слога, одинъ съ ъ, другой, слѣдующій, съ ѡ (трѣсть), — то ѡ перваго можетъ быть замѣненъ черезъ ѡ.

Это явленіе принадлежитъ къ числу спорадическихъ (срв. дрѣжь¹⁾, дѣждѣ, кѣзнѣ, плѣтъ, тѣщѣ) и можетъ восходить лишь къ позднѣйшей эпохѣ обще-славянскаго періода (а въ сѣвѣ, какъ показываетъ к, — даже къ эпохѣ существованія отдѣльных славянскихъ языковъ).

Оно можетъ быть объяснено какъ ассимиляція гласныхъ въ рядомъ стоящихъ слогахъ, однородная съ тою, которую мы имѣемъ въ древне-русскомъ телесе, телеси и т. д. (при тѣло), въ малорусскомъ багатѣ, гараздѣ, гарячий, вѣроятно, въ великорусск. ребѣнокъ (при робѣнокъ), въ ново-греческ. ἄρφανός — ὀρφανός, μοναστήρ, μοναχός и т. п. (*Нбу*, Lautsystem der griechischen Vulgärsprache, 98)²⁾.

Мы отмѣтили выше бѣдрѣ, дѣно, трѣстина. Ихъ ѡ легко объясняется тѣмъ, что слова бѣдрѣ, дѣно, трѣстина подверглись вліянію близко родственныхъ бѣдрнѣ, бѣждрѣ, -дѣнѣ, трѣсть.

12.

Славянскіе языки имѣютъ небольшой рядъ парныхъ словъ. Въ одномъ словѣ пары въ двухъ слогахъ два е, въ другомъ — два о: русск.

велеть — волоть,

Велесь — Волось,

лебедá — лободá,

ленетáть — лопотáть,

целенá — ст.-чешск. *rolona* (*involutum*), и т. п.

Одни языки предпочитаютъ одно изъ двухъ парныхъ словъ (чешск. *lebeda*), другіе — другое (словацк. *loboda*); третьи

¹⁾ Чешск (моравск) *dřehnu* дрожу своимъ ě какъ-будто указываетъ на то, что нѣкогда въ чешскомъ языкѣ было *дрѣжь. Др.-русское Житіе Нифонта имѣетъ: въздрѣгнувъся, л. 129 (что можно читать и въздргн-, съ плавнымъ гласнымъ). Срв. лит. *drugis*.

²⁾ Объ этомъ явленіи въ другихъ языкахъ см. *Passy*, *Etude sur les changements phonétiques*, 186—189.

(какъ русскій) пользуются обоими словами, иногда (какъ въ *лелетать* и *лопотать*) съ разными значеніями.

По нашему мнѣнію, здѣсь одинъ изъ случаевъ ассимиляціи гласныхъ.

Возьмемъ слова *пепель* и *попель*¹⁾. Несомнѣнно, корень ихъ *пел-*, родственнѣе съ корнями словъ *пламя*, *палати* и др. Начальное *по* во второмъ словѣ — обычный префиксъ. Значить, нѣкогда оба слова звучали *по-пелъ*. При ассимиляціи гласныхъ обычнымъ путемъ вмѣсто *о* явилось *е* и получилось первое слово.

Возьмемъ глаголы *лелетать* и *лопотать*. Суффиксы *ет* (срв. *трелеть*) и *от* (срв. *рокопть*) имѣютъ одно значеніе и употребляются рядомъ. Предположимъ, что нѣкогда было *лелеть* и *лопотъ*. Допустивъ въ первомъ словѣ ассимиляцію гласныхъ, мы объяснимъ себѣ появленіе *е* въ *лелеть*²⁾.

Идя тѣмъ же путемъ, мы придемъ къ тому выводу, что парность подобныхъ словъ — исконная, но разница между ними нѣкогда была только въ одномъ гласномъ — второмъ отъ начала³⁾.

Мы имѣемъ три великорусскихъ слова, состоящихъ изъ двухъ одинаковыхъ слоговъ: *дядя*, *тятя*, *няня*.

Конечное *я* въ нихъ легко объяснить. Оно изъ *я*, обычнаго окончанія уменьшительныхъ⁴⁾. Но что такое *я* въ начальномъ слогѣ?

Изъ *я* его нельзя объяснить: ближайшіе родственные языки не указываютъ на носовой элементъ.

Рядомъ съ *дядя* у насъ есть *дѣдъ*, уменьшительное отъ котораго могло нѣкогда звучать **дѣдъя*.

1) Здѣсь *е* передъ *л* — древнее. Срв. въ Святосл. Сборн. 1073 г.: въ *пелелѣ* 238, и др.

2) Суффиксы *ькѣ* и *жкѣ* дали два слова съ однимъ значеніемъ: ⁴*тънькѣ* и ⁴*тънжкѣ*. Второе, подвергшись ассимиляціи гласныхъ, превратилось въ *тънжкѣ*, современное русск. *тонокѣ*.

3) Бѣлор. *веребѣй* должно восходить къ *воробѣй*.

4) Срв. наши „Лекціи по ист. р. яз.“⁴, стр. 184.

5) О близости значеній *дѣдъ* и *дядя* говорятъ лат. *avus* и *avunculus* (уменьшительное). Древне-русскій языкъ знаетъ только *стрыя* и *уя*, дядю по отцу и дядю по матери. Изъ нихъ *уй* родственно съ лат. *avus*. Но

Рядомъ съ *тятя*—*тетзка*, малорусск. *тато* отецъ.

Рядомъ съ *няня* — малорусск. *ненька* мать; срв. греческ. *γέυυος* дядя, *γέууα* тетка.

Можно догадываться, что и въ этихъ словахъ мы встрѣчаемся съ ассимиляціей звуковъ: мягкій гласный + *a* или одно *a* начального слога появились благодаря вліянію конечныхъ звуковъ.

13.

Старо-чешскіе, старо-польскіе и старо-хорватскіе ¹⁾ памятники нерѣдко (хотя и непослѣдовательно) употребляютъ по двѣ гласныхъ буквы тамъ, гдѣ нужно изобразить долгій гласный звукъ. Наше старое письмо также знаетъ употребленіе двухъ гласныхъ буквъ (безъ всякой послѣдовательности). На него до сихъ поръ не обращали вниманія ²⁾. Конечно, привычка писать *дѣлаахъ*, *великааго*, *добрыихъ* и т. п. тамъ, гдѣ пишеть произносиль и слышалъ *дѣлахъ*, *великого*, *добрыхъ*, легко могла привести къ привычкѣ писать *аа*, *ии*, *ѳѳ* въ такихъ случаяхъ, гдѣ не было никакого звуковаго основанія для подобныхъ сочетаній. Но все-таки не мѣшаетъ обратить вниманіе на употребленіе двухъ гласныхъ, такъ какъ оно часто совпадаетъ съ древнимъ или современнымъ удареніемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ употребленія двухъ гласныхъ:

Остромирово Ев.: назарянина 18, парааклитъ 49 об, глаголааль 55, глаголаати 171 дважды, въ притъчаахъ 173, съборишиихъ 80.

Святославовъ Сборникъ 1073 г.: ваамъ 190, многаамъ 209, притъчаами 242, въ жрыноваахъ 212, въ бѣлаахъ ризахъ 260 об., о дѣскаахъ 237 об, мрътвыцмихъ 192, каамыкъ 258, талаантъ 211, сочиивъмъ 260.

дядько и *нянько* въ значеніи воспитатель известны по памятникамъ съ XIII вѣка (Ипатск. сп. лѣт.; смоленскія и галицкія грамоты; Лавр си.).

¹⁾ См. статью Даничича въ *Rad'ъ*, XX, 150 сл.

²⁾ Кромѣ употребленія въ галицко-волинскихъ памятникахъ. Эти тексты иногда имѣютъ *оо* вм. *о* въ *воовьца* (=овца) и т. п.; Поликарново Ев. 1307 г. имѣеть: рци убо ѳѳи 111.

Слова Григорія Богослова XI в.: величааниємъ 13, утѣ-
каани 27, изуутрь 155, отъ нихъ 110, сѣдище 231.

Пандекты Антіоха XI в.: съновѣдаати 3, 6 об., възъал-
кааша 27 об.

Пантелеймоново Ев. XII в. Софійской Библіотеки: глаго-
лааша 50 об., 64, 68, 68 об., 70 об., бѣжааша 71 об., 106,
събъраашяся 78, прельстиити 59 об., биша 68 об.

Житіе Епифанія Кипрскаго XII в. той же библіотеки: ис-
кочи из дрязгыи противу 34, мирьскыи твари 36, обычаи 62,
сътвори молитву 67 об., бѣаху вся богатинны на столѣхъ 68,
буди и тыи съдравъ 68 об.

Златоструй XII в.: свитахъ срациньскаахъ 71.

Богословіе Іо. Экзарха XII в.: часто *ыи*, *ии* вм. *ы*, *и*.

Слово Инполита объ антихристѣ: инѣмми сказаниими, ко-
раблмихъ, съкровищмихъ, чловѣчьскаамъ, предълежаацаго,
пытаани, пакыи, и др.

Слова Кирилла Іерусалимскаго XII в. Синодальной Библио-
теки: притѣчаахъ 57 об.

Житіе Нифонта 1219 г.: съкрыися 67, льстиввыи, нищю
99 об.

Ев. 1357 г.: горѣ ѱлевооньстѣи 88.

Ев. 1358 г.: открьися (аор.) и др.

Луцкое Ев. XIV в.: бѣжааша 127, отъвѣщавше 141, идуу-
щимъ 106 об., съвоимъ (дат. п.) 88. То же употребленіе двухъ
гласныхъ буквъ и (что важно) въ тѣхъ же приблизительно слу-
чаяхъ мы находимъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ, не са-
мыхъ древнихъ. Требникъ XII—XIII в. Рум. Муз. № 1716:
утѣшишии ма, забыхъ, въслаждааеми, въ темницаахъ, въ го-
раахъ, въ пещераахъ; Карпинское Ев.: въ притѣчъахъ, притѣ-
чъами; въ Тріоди Григоровича (*Срезневскій*, Цам. юс. письма):
Милаатъ, Вараавж, въстаавъше и др. Но особенно часто оно
въ старыхъ сербскихъ памятникахъ, начиная съ Волканова Ев.,
гдѣ: женаа, водии, въпросии и т. п. (*Кульбакинъ*). Отмѣтимъ
изъ нихъ: въ Тріоди XIV в. Имн. Публичной Библіотеки (Ф.
п. I. 103): показави 2, въздръжааніиша 2, -юемъ 2 об., врааги
2 об., льстыивааго 2 об., вавилоньскіиѣ пещи 2 об., поревну-

имь 2, поюмь 3 и т. д., или въ Ев. XIV в. той же библіотеки (F. n. I, 100): притьчаахъ 3, владыкахъ іудоваахъ 6 об., послушаавше 7, великааго 15, срачѣицу 15 об., пророкъ (род. мн.) 13 и т. д. Особенно часто встрѣчается *ии*, *іи*, *ѣи* вмѣсто *и*, *ѣ*, и еще *ѣ* въ окончаніи род. пад. множ. ч. (гдѣ теперь сербскій языкъ имѣетъ долгое *a*).

Единичные случаи имѣются и въ древнѣйшихъ церк.-славянскихъ памятникахъ: въ Синайской Псалтыри — меда и съта, рааздѣлша (по изд. Гейтлера стр. 35, 41).

Мы не рѣшаемся сказать что-нибудь опредѣленное о значеніи употребленія двухъ гласныхъ, за недостаткомъ собранныхъ нами данныхъ.

Старые чешскіе, польскіе и хорватскіе грамматики говорятъ объ употребленіи двухъ гласныхъ буквъ для обозначенія одного долгаго звука. У хорвата Вранчича (1606 г.) говорится „*aa, ee, ii, oo, iii* haec vocales designant syllabas longas“: *naa mistoo, Agatee, divicee, stranee* (род. ед.), *glavoom, dušoom* (твор. ед.), *diviicaa* (род. мн.), и т. п.²⁾

14.

Стоитъ отмѣтить, что въ древне-русскихъ памятникахъ, на мѣстѣ древней группы: *p + ѡ, ѡ + согласный*, иногда (гдѣ не препятствуетъ аналогія) является группа: *ѡ, ѡ + p + согласный*, въ современномъ языкѣ звучащая какъ *o, e + p + согласный*. Вотъ имѣющіяся у насъ данныя:

бързды, Святославовъ Сборникъ 1073 г. 98 (рядомъ. въ *бръздахъ*, 63 об.); *наложити бъръзду*, Рязанская Кормчая 278 об.; *при: бръзды*, Путятина Минейя XI в. 109; *бръзда*, Саввина Трїодъ 1, *бръздами*, Златоструй XII в. 77; *бръзды*, Погодинскій Прологъ XIV в. № 59, 10; *при современномъ литературномъ бръзды* правленія;

гъртань, Житіе Нифонта 1219 г. 43 об., Апостоль 1220 г.

¹⁾ Данныя изъ сербскаго сп. XIII в. Учительнаго Ев. Константина Болгарскаго — въ статьѣ И. В. Яшча въ *Starin'axъ*, V, 36.

²⁾ Обильные факты — въ статьѣ Данничча.

21, Слова Григорія Богослова XIV в. Синодальной Библ., 79 об., современное великорусское *гортань*;

дзрва вѣжъгохъ, дзрва пожъгохъ, Златоструй XII в., л. 93 об., при обычномъ *дрзва*, современномъ *дрова*;

стърмлієние, Тріодъ XII вѣка Типографской Библіотеки № 255, 9; *устърмлієние*, *стърмь*, *стърмѣе хоріос*, Лѣствица XII вѣка Румянц. Муз. № 98, лл. 80, 99, 105 об., 115; при обычномъ *стръ-*, современномъ *стремленіе* и т. п.

Сюда можно присоединить современные великорусскія: *стержень*, при *стрежень*, Палея 1406 г., 6 об., старо-чешск. *stržen* (*Listy Filol.* 1892 г., стр. 388), польск. *zdrzeń*, и *судорога*, *судорга*, при *дрожу*, *дрожь* = *дрзжъ*, и т. п.

Промежуточная группа звучала: *р* + согласный. Срв. новоболгарск. *сзла* и т. п. изъ *слза*, черезъ *слза*.

Можетъ быть, есть какая-нибудь связь между приведенными фактами и такими, какъ современные великорусскія и бѣлорусскія *оржаной*, *ольняной*, *ортачиться*, *вольготный*, *Орша*, псковское *ирнивый* (= *ер-*? *ревнивый*), рядомъ съ *ржи*, *льну*, *лба*, *лать*, *лнуть*, *рвать*, *ржать*, *ржавчина*, *рта*.

15.

При изслѣдованіи малорусскаго нарѣчія почти не обращалось вниманія на нѣсколько словъ съ неожиданнымъ *і* (въ украинскомъ и галицкихъ говорахъ) вмѣсто *о* и *е*. Это — собственные имена *Вівдя*, изъ **Овьдя* или **Овьдя* (срв. млр. *Явдоха*, великорусск. *Овдотья*)¹⁾, *Хівря* (срв. великорусск. *Ховронья*), *Івга* (= *Евгенія*), *Оніхро* (при *Онопрій*), *Кіндрать*, *Пріська*, *Пріся* (срв. великорусск. *Фроська*, *Фрося* = *Евфросинія*), *Јісько* (срв. старья великорусск. *Есько*, *Есинъ*, при *Иесифъ* въ Галицкомъ Ев. 1144 г., Типографскомъ Ев. XII в. № 1, Холмскомъ Ев. XIII вѣка и др.), *Ігтапов*, названіе села (въ галицкихъ документахъ XIV—XV вв.), нарицательныя *вівтарь* (срв. церк.-слав. *олзтарь*), *кїмната*, *кївната*, изъ **комьната* = поздн. лат. *саміпа-*

¹⁾ Но *Овдїй*.

ta (срв. великорусск. комната), вірменинъ (армянинъ), вѣйтъ (польск. wójt), лемковск. дрѣга (польск. droga) и т. п. ¹⁾

Время появленія первыхъ изъ приведенныхъ словъ въ русскомъ языкѣ можетъ быть опредѣлено приблизительно: они образованы тогда, когда христіанство у насъ уже укрѣнилось и нѣкоторыя изъ христіанскихъ именъ успѣли достигнуть живаго употребленія, — слѣдовательно, уже въ историческую эпоху. Это дастъ намъ возможность сказать, что исчезновеніе глухихъ и связанное съ нимъ удлиненіе гласныхъ *o* и *e* завершилось въ русскомъ языкѣ уже послѣ принятія нами христіанства ²⁾.

Когда русскій языкъ заимствовалъ слово *комната и изъ какого языка, мы сказать не можемъ. Данныя имѣются лишь отрицательныя: многочисленные памятники русскаго происхожденія изъ XI—XIII вв. не знаютъ этого слова.

Время заимствованія у поляковъ словъ wójt, droga также намъ неизвѣстно. Но объ большой древности заимствованія едва ли можетъ быть рѣчь. Кажется, необходимо предположить, что эти слова, съ діалектическимъ *ō*, перешли въ малорусские говоры тогда, какъ малорусское *o* еще болѣе или менѣе совпадало въ звуковомъ отношеніи съ древне-польскимъ *ō*, перешедшимъ потомъ въ *u* (góga, róza).

16.

Великорусское нарѣчіе употребляетъ рядомъ слова *осло́нъ* и *осло́нъ* (Даль) въ одномъ и томъ же значеніи: дуракъ. Кромѣ того, второе изъ этихъ словъ употребляется (особенно въ языкѣ XVI—XVII вв.) въ значеніи дубина, палка. Несо-

¹⁾ Слова въ родѣ Сидѣрь, Прокіпъ, комірка, въ которыхъ *i* могло явиться подъ вліяніемъ аналогии, мы оставляемъ въ сторонѣ, также какъ и Хведько, Демко и пр., которыя сохраняютъ *e* подъ вліяніемъ Хведѣрь и т. д. Съ Igtałow срв. чешск. Heřman=Германъ, съ ě изъ *ry*, и польск. фамилию Jerzmanowski. О вставкѣ глухихъ въ заимствованныхъ словахъ см. въ нашихъ лекціяхъ: „Древній церковно-славянскій языкъ“, стр. 138.

²⁾ Многіе изъ старшихъ нашихъ памятниковъ, восходящіе къ оригиналамъ X в. (или раньше: христіанство было у насъ при Ольгѣ, съ славянскими книгами), имѣютъ *o* и *e* вездѣ, гдѣ ихъ требуетъ этимологія.

мнѣнно, передъ нами два близко родственныхъ слова, которыя могутъ быть возведены къ одному и тому же о-стѣзпъ, со вторымъ полногласіемъ (срв. стѣзпъ = церк.-слав. стѣзпъ, Остромирово Ев., Минея 1095 г. 12, и другіе древнѣйшіе русскіе памятники)¹⁾. Такимъ образомъ передъ нами такая же пара, какъ *беревнó* и *бревнó*, изъ *брьвьнó*, и также съ древнимъ удареніемъ на конечномъ гласномъ (срв. съ одной стороны современн. великорусскія формы косвенныхъ надежей: *столба́*, *столбу́* и т. д., съ другой — новообразованія, формы тѣхъ же надежей *мо́ха*, *мо́ху*, изъ *мъха́*, *мъху́*, и т. п.).

17.

Есть мнѣніе, будто наши *мою* (или *мзю*), *бую*, *пью*, *жить* восходятъ къ болѣе древнимъ *мзю*, *бзю*, *пзю*, *житие*. Говорятъ: въ русскомъ языкѣ произошло измѣненіе *ь* въ *з* и *і* въ *ь*. Едва ли такъ; древнее *і* передъ *ј* въ великорусскихъ говорахъ сохраняется: литературное *забѣяка*, *пѣявка*, *сіять*, *пріятель*, областное *пѣянъ*. Очевидно, нѣкогда существовали рядомъ глагольныя основы *бѣя-ти*, *пѣя-ти*, *сія-ти* и т. п. и *бѣя-ти*, *пѣя-ти*, *сія-ти*, какъ существовали рядомъ основы *по-мага-ти*, *мѣта-ти* и т. п. и *по-мога-ти*, *мета-ти*. О сохраненіи древняго *ь* передъ *ј* въ тѣхъ же говорахъ свидѣтельствуяютъ мѣстныя названія: *Кіевъ* (изъ *Къевъ*), *Кіевцы* (урочище въ старой Москвѣ; *Мартыновъ*, Москва, 1875 г., стр. 48), фамиліи: *Кіевъ* (Новгор. писцов. книга 1500 г.; сѣв.-великорусск. грамота к. XV в. *Акты Юр.* 443), *Кійковъ* (Писц. книга 1495 г. *Тупиковъ*). Оставляемъ въ сторонѣ литературное *кій* (изъ *кзій*) съ областными *кѣсь*, *кѣшникъ*, *кѣянка* (Даль); они могутъ быть полонизмами.

Есть другое мнѣніе, будто древнее *ь* послѣ гортанныхъ и передъ *ј* перешло не въ *з*, *о*, а въ *е*. Ссылаются на нерѣдкое въ великорусскихъ говорахъ *Кеевъ* вм. *Кіевъ*. Повидимому, въ приведенномъ названіи знаменитаго города *е* послѣ *к* явилось

¹⁾ Начальное *о* — какъ во многихъ словахъ разныхъ языковъ — неяснаго происхожденія. — Стоитъ отмѣтить еще *стѣзпника* въ Стихирарѣ XII в. Акад. Наукъ, л. 67 об.

довольно рано: написаніе Къевъ встрѣчается въ Ипатскомъ сп. лѣт.; его мы видимъ въ Сборникѣ XIV в. Троицкой Лавры № 39, л. 51 об; можемъ указать его еще въ майской книгѣ Макарьевскихъ Миней (по Успенскому экземпляру лл. 410, 412) Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ другимъ звуковымъ явленіемъ — съ переходомъ *и* послѣ гортанныхъ въ *е*, свойственнымъ разнымъ великорусскимъ говорамъ и отмѣченнымъ какъ въ исконныхъ русскихъ, такъ и въ заимствованныхъ словахъ.

Мы имѣемъ: прихѣриться (при прѣ-хъръ и т. п.; корень хър-), ракѣтовъ кустъ (онежск. былины), фамиліи: Кѣкинъ (срв. кика) ¹⁾, Оѣкѣринъ, Керовъ (въ дѣлѣ Синодалы. Архива 1736 г. № 137; отъ Къръ), епитрахѣль ²⁾, стихѣра; сверхъ того, въ Сборникѣ 1422 г. Имп. Публ. Библ. Q. I. 312: Рахѣль, л. 129 об. Кстати отмѣтимъ неясныя по происхожденію мѣстныя названія: Кетово (Ярославск. уѣзда; отъ Китъ = Титъ?) и Кесово (Меленковск. уѣзда Владим. губ.).

18.

Одно изъ любопытныхъ явленій въ исторіи русскаго языка — ассимиляція *j*-та съ послѣдующимъ *и*, повидимому, довольно древняя.

Уже въ очень старыхъ памятникахъ русскаго языка (почти исключительно великорусскаго происхожденія) мы встрѣчаемъ разныя надежныя формы отъ прилагательныхъ сравнительно-превосходной степени и отъ существительнаго *старѣйшина* безъ *j*-та: Златоструй XII в. Имп. Публичной Библиотеки: старѣшина 13; Ев. XII в. Хлудовскаго собр., прибавленіе, № 150: старѣшина 17; Рязанская Кормчая 1284 г.: старешину, старѣшины 110, 160 об.; Апостоль 1220 г.: любопривеше быша 53 об.; Псалтырь XIII в. Публичной Библиотеки (F. I. 1): старешии 9; Ев. 1339 г.: старишинамъ 41 об.; Ев. 1354 г.: старишинъ (род мн.), старишины 103, 113; Ев. 1355 г.: старѣ-

¹⁾ Эта фамилія извѣстна съ XVII вѣка (*Тупиковъ*). Фамилія Кикѣринъ — въ документѣ XVI в. (*Тупиковъ*); съ нею связано названіе станицы Балтійск. жел. дороги Кикѣрино (близъ Гатчины).

²⁾ Срв. *е* вм. *и* въ капитѣль, кадрѣль, шинѣль.

шинамъ 87; Служебникъ преп. Сергія: честиѣши хирувимъ 49; Ипат. си. лѣт.: братъ старишій, стр. 222; Погодинскій Сборникъ нач. XV в. № 872: множашая 232; духовная Димитрія Донскаго: старишій путь, брата старишего, сыну старишему и др. ¹⁾. Срв. сербск. старешина, чешск. stařešina. Прежде мы думали, что эти случаи опущенія буквы *и* указываютъ только на неумѣніе писцовъ передать звукъ *j*-тъ ²⁾, но теперь мы находимъ возможнымъ предположить, что писцы здѣсь не сумѣли передать двойное (долгое) *и* ³⁾. Срв. въ Ев. 1357 г.: *ише* смокы, *уше* смокы 45 об., *рожье* 140 (=ц.-слав. рождие), *сожеть* 170; въ Ев. 1358 г.: *отвѣша* 4, *мяки* ризы 91 об. (рядомъ: *оставлеща* 37, причастіе прош. вр.; Ев. 1339 г.: *бѣжаша* 10 об., 3 л. мн; Лаврентьевскій сп. лѣт.: *упрашаста*, *дощедшю*, стр. 20, *послаша* 26 и др.; Погодинскій Сборникъ № 872. якоже *можаше* и *хотяше* 227 об.).

Современные великорусскіе говоры имѣютъ формы сравнительной степени часто или постоянно съ звукомъ *а* (*я*) вмѣсто *ь*. *сильняе*, *здоровяе* (откуда *сильня́*, *здоровя́*) и т. п. Теперь эти формы свойственны по преимуществу сѣвернымъ, окающимъ говорамъ; прежде (въ XVII в.) они были также распространены въ московскомъ, акающемъ говорѣ; во всякомъ случаѣ формы на *яе* употреблялись въ письмахъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, Петромъ Великимъ, царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, Ломоносовымъ, Сумороковымъ, Тредьяковскимъ ⁴⁾, В. Майковымъ. Съ ними должны быть поставлены въ связь великорусскія формы превосходной степени также съ звукомъ *а* (*я*): сибирск. *здоровяшшой*, *крѣпчашшой*, *сильняшшой* ⁵⁾, *худяшшой*, новгородск. *бѣдняшшой*, каргопольск. пор-

¹⁾ Буква *и* передъ *и* (вмѣсто *ь*) указываетъ на нахождение ударенія на одномъ изъ конечныхъ слоговъ. Срв. современныя великорусскія старшій, старшина.

²⁾ Наши „Лекци по исторіи русскаго языка“ ⁴⁾, стр. 48.

³⁾ Должно имѣть въ виду, что въ старыхъ нашихъ текстахъ нерѣдко стоитъ одна буква вмѣсто двухъ тождественныхъ и что два *и* рядомъ — рѣдчайшее явленіе.

⁴⁾ См. статью проф. Будде въ *Журн. М. Нар. Пр.* 1898 г., № 3, стр. 167. Современныя курск. добря и т. п. отмѣчены въ *Р. Филол. Вѣстн.* 1884 г., № 2, стр. 246.

⁵⁾ *Томскія Губернскія Вѣдомости*, 1862 г., № 7.

няшшой (при порной = сильный), архангельск. худяшшой, московск не мудрѣшій (Ицедринз, Соч., III³, 51), худѣшій, пустѣшій (пустящее дѣло), южно-великор. любѣшій (милый)¹⁾; срв. вятск. большышшой (въ говорѣ, гдѣ ѣ передъ мягкими согласными перешелъ въ и).

Теперь передъ нами малорусскія формы сравнительной степени: скорѣшій, скорѣшій, скорѣше и т. п., съ ш = шч; срв. малорусск. краше, нише, више изъ крашьше, нижьше, вышьше.

Если мы сопоставимъ приведенныя данныя, мы легко придемъ къ заключенію, что въ нихъ передъ нами одно и то же явленіе — ассимиляція *j*-та съ послѣдующимъ ш и образованію затѣмъ двойнаго ш (откуда шч).

Само собою разумѣется, другія наши прилагательныя на шій, въ родѣ гуляшій, заблудяшій, заваляшій (товаръ), забыдушій, цѣлюшій, большущій, злюшій, пермское далекушшой, могутъ не имѣть ничего общаго съ прилагательными худяшій и т. п., и несомнѣнно подновленныя великорусскія формы превосходной степени въ родѣ расподлѣшій (Островскій), добрѣшій могутъ восходить къ формамъ подлѣшій, добрѣшій безъ посредства формъ подлѣшій, добрѣшій.

Слѣдующіе случаи отсутствія въ русскомъ языкѣ *j*-та: по дуче, поде, Лаврент. сп. лѣт. 345, 378, = поидуче, поиде; по ди въ баню, Прологъ 1432 г. Имп. Публичной Библ. 145; подѣ те, грамота 1556 г. (Теодотовъ-Чеховскій, I, 137); не замайте, западно-русскія Страсти Христовы XVI в. Синодальной Библ. № 367, л. 338 об.; не замаемъ, Академическій сп. лѣт. (Лѣтопись по Лаврент. сп., стр. 479); не замати, грамота 1579 г. (Теодотовъ-Чеховскій, I, 226); современныя великорусскія формы повел. накл. поди, подь, подѣмъ, малорусскія піду, піти (рядомъ съ пійду, пійти), великорусская форма повел. накл. не замай и т. п. (у В. Майкова: не замають, не замаю, Соч., 190, 206), — могутъ быть объяснены безъ предположенія ассимиляціи *j*-та съ слѣдующимъ согласнымъ. Срв. родственныя образованія безъ *j*-та: выдоша, выде, Лаврент. сп. лѣт. 297, 325, 354, 405; соврем. выду, приду, примать, сымать.

¹⁾ Якушкинъ, Сочиненія, стр. 127.

Срв. ассимиляцію *j*-та съ *предыдущимъ ѣ* въ сѣв.-великорусскомъ *сушѣ* = сушье, сухая рыба (то же въ документахъ XVI—XVII вв.) ¹⁾.

19.

Ассимиляція *j*-та съ предшествующимъ согласнымъ — явленіе извѣстное большей части славянскихъ языковъ. Малорусскіе и бѣлорусскіе говоры знаютъ ее какъ нѣчто обязательное: малорусск. *каміння*, *камінне*, *каміня*, *каміне*, изъ **камѣнѣ*, и т. п. Въ великорусскихъ говорахъ, напротивъ, эта ассимиляція считается неизвѣстною.

Однако существуютъ исключенія.

На мѣстѣ группы: мягкій согласный + *j*, въ корняхъ словъ, великорусскіе говоры иногда имѣютъ мягкій согласный. Въ записанныхъ проф. Будде въ Рязанской губ. текстахъ мы находимъ: *смялись* („Къ діалектологии...“, стр. 144); срв. въ Святосл. Сборникѣ 1073 г.: *смѣтися* 230 об. и др., въ Добриловомъ Ев. 1164 г.: *смѣхуся* 42). Въ пермской пѣснѣ: *вянули вѣтры* (*Пермск. Сборникъ*, I, стр. 35); въ вятской пѣснѣ: *вянули весельца* (сб. *Абрамычева*, № 26); въ симбирской пѣснѣ: *не было вѣтру да навянуло* (*Симб. Сб.*, II, свад. пѣсни, стр. 3); въ пѣснѣ старой записи: *всѣ пути завяли* (= *завяло?* „Великорусск. нар. пѣсни“, V, № 317); волог. *вяха ворохъ*, пенз. *вяхель котомка* (*Даль*); срв. областн. русск. *вѣять*, *вѣялица* *мятель* (*Даль*), старое собственное имя *Завѣяль* и современную фамилію *Завѣяловъ*, пол. *wiać* = **вѣять*, чешск. *vanouti* = **вѣянѣти* и т. п.; срв. также мало для насъ ясное *вѣнуть* *повѣять*: *вѣтру не давала на него вѣнуть*, *Щедринъ*, Соч., VI³, стр. 277; *повѣнули вѣтры*, *Пивоваровъ*, *Донскія казачьи пѣсни*, стр. 91. Въ пермской пѣснѣ: *лянули дожди* [*Пермск. Сб.*, I, стр. 35; срв. обл. русск. *лѣяло* (*Даль*)]. Нѣкоторые русскіе говоры имѣютъ: *разява* *разиня* (*Даль*); срв. ц.-сл. *зияти*.

¹⁾ Собственное имя сѣверскаго воеводы *Сушь* — въ поручной за кн. Дм. Корибута 1388 г. (изд. Спб. Археолог. Института).

Срв. сохраненіе группы: мягкій согл. $+ j$ въ *рзять* (пыхтитъ и какъ собака рзаетъ, В. Майковъ, Соч., стр. 178), *сзять* *сіять*, *пзанный* и др.

Ассимиляціи j -та съ предшествующимъ согласнымъ не въ корняхъ словъ великорусскіе говоры, можно сказать, не знаютъ. Только въ сѣверно-русскихъ говорахъ мы слышимъ: *суци* = сушьё, сухая рыба (то же въ великорусскихъ текстахъ XVI—XVII вв.); въ пермской пѣснѣ мы находимъ: съ малоннями со палючими (сборникъ Шишонка, стр. 57); въ нѣкоторыхъ окающихъ говорахъ встрѣчаемъ формы *трюхъ*, *трюмъ*, *трюми*, *трюмя* (последняя — въ сборн. Кирѣевскаго, выш. IX, стр. 117, Симб. губ.).

Эти формы числительнаго *три* требуютъ нѣкотораго поясненія.

Древняя славянская форма род. п. отъ *три* съ именнымъ окончаніемъ звучала *трии*, *трии*, откуда ср.-болг. и др.-русск. *трей*. Можетъ быть, не менѣе древнею слѣдуетъ считать форму того же падежа съ мѣстоименнымъ окончаніемъ *трѣхъ*; потомство ея извѣстно всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ (ср.-болг. Карпинское Ев. XIII в. 27; Дечанская Пс. XIII в., собр. Гильфердинга, 172 об., русск. Лаврент. сп. лѣтоп 235; русск. Погод. Кормчая XIV в. № 31, л 61 об и др.). Срв. параллельныя формы одни съ именными, другія съ мѣстоименными окончаніями отъ *дзва*, повидимому, равно древнія: род.-мѣстн. *дзвѣ* и *дзвѣю*, дат.-тв **дзвѣма* и *дзвѣма*.

Кромѣ этихъ двухъ формъ отъ *три*, въ русскомъ языкѣ развились еще двѣ формы, одна въ связи съ первою — *трью*, *трею* (прежде *трею* сотъ, посланіе архіеп. новгор. Геннадія 1489 г.; Поповъ, Библиограф. Матеріалы, стр. 151), другая въ связи со второю — *трихъ* (*Истоминъ* и *Дютшиъ*, Пѣсни р. народа, I, стр. 203, Арханг. губ.).

Изъ нихъ намъ интересна первая, образованная подъ вліяніемъ *двою*, съ окончаніемъ дв. ч

Если мы предположимъ, что форма *трью* путемъ ассимиляціи r и j -та превратилась въ *трю*, то формы *трюхъ* и проч. (образованныя одинаково съ *двухъ* и т. д.) будутъ намъ вполне ясны.

20.

Два церковно-славянскихъ памятника, Синайская Псалтырь и Маринское Евангеліе, имѣютъ случаи употребленія неорганическаго *j*-та передъ начальнымъ *a*, когда конечный звукъ предъидущаго слова *a* или *u*. Син. Пс.: Боже мой, ѡще (= *j*аще, яще); відѣти, ѡще (стр. 9, 21 изд. Гейтлера); Мар. Ев.: і ѡбис, і ѡще, да ѡще, и ѡще (стр. 211, 218, 355, 375 изд. Ягича). Другіе собственно-церковно-славянскіе памятники не представляютъ достовѣрныхъ случаевъ того же явленія (и ѡзь = и азъ, не ю ли = не у ли, Мар. Ев. стр. 162, 52, и т. п. могутъ быть объяснены инымъ способомъ), но древне-русскіе тексты, списанные съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, представляютъ его сравнительно нерѣдко, когда одно слово начинается звуками *a* и *u*, а другое, предъидущее, оканчивается какимъ-нибудь гласнымъ; они показываютъ, что употребленіе неорганическаго *j*-та въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ XI вѣка стало получать уже широкое распространеніе: и яще покаѣтсѣя, Архангельское Ев. 1092 г. 67 об.; да яште и трѣбѡемъ, и яштѣ оѣ ѡсмь азъ, Пандекты Антіоха XI в. 36 об., 82; да ютѣшитель, Слова Григорія Богослова XI в., стр. 278 изд. Будиловича; сама себе Мавро ѡоржживъши, Путятина Минея XI—XII в. 10 об.; заповѣда юсѣкнѡти юго, Син. Патерикъ XII в. 137. Болѣе поздніе, XIII—XIV вв., древне-русскіе тексты, за рѣдчайшими исключеніями, не знаютъ этого явленія, несомнѣнно чуждаго живому русскому языку этого времени ¹⁾).

Средне-болгарскіе памятники XII—XIII вв., какъ извѣстно, очень тѣсно связанные съ памятниками собственно-церковно-славянскими, представляютъ рядъ случаевъ употребленія въ началѣ словъ буквы ю вмѣсто ожидаемой *u*, если передъ этими словами находится союзъ *и* или слово съ гласнымъ *и*, *e*, *ь*, *а*, *о* на концѣ: тѣло едино есть и юды многы имать, мнѡщеиса юди тѣлу, вѣси юди, Слѣпченскій Ап. XII в. Имп. Публ.

¹⁾ Можемъ отмѣтить только въ сборникѣ собр. Погодина № 886, нач. XV в., л. 148: во юшью. Онъ не списанъ съ южно-слав. оригинала.

Библ. 24, 24 об. (рядомъ: вси же уди, 24); и ювѣдѣ, и ювѣдѣтъ, и южаснѣтъсѧ, и юсъше, Паремейникъ Григоровича XII—XIII в., 31, 84 об., 37, 83 об (при. отъ юстенъ 40); и юповажѣтъ, и ювѣдѣтъ, и юмылѣтъ, и юби, и юмножьихжсѧ, и юдолѣшѣ, и юслыша, и юмалишжсѧ, и юзриши, и юподобѣсѧ, и юбоахсѧ, бждетѣ юши твои, Псалтырь Григоровича XIII в. (Рум. Муз. № 1687, 37, 53 об., 67 об., 73 об., 102, 102 об., 103, 105, 124 об., 133 об., 144 об., 125; яко юнѣ (= унѣ) есть вамъ, гѣа юнѣ-сть (= есть), Ев. Григоровича XIII в. (Рум. Муз. № 1692), 24, 31 об. Сверхъ того, болгарскіе памятники XII—XV вв. сравнительно нерѣдко представляютъ случаи употребленія въ началѣ словъ ѧ вмѣсто ожидаемаго ж въ сочетаніяхъ въ родѣ: на ѧглехъ, на ѧгле, Римскій Патерикъ XIV в. (Чешскій Музей, собр. Шафарика), 201.

Ново-болгарскій языкъ хорошо знаетъ неорганическій *j*-тъ передъ гласными въ началѣ словъ, обыкновенно когда предъидущее слово оканчивается также гласнымъ (*Лавровъ*, *Обзоръ*, стр. 117).

Возможно, что съ употребленіемъ въ живомъ средне-болгарскомъ языкѣ ю тамъ, гдѣ часто писалось у (срв. еще корениу, избраниу, сеу, дв., твоеу, дв, воужщъ и т. п. въ Слъвиченскомъ Ап. и другихъ однородныхъ текстахъ), находится въ тѣсной связи одно странное явленіе средне-болгарской орфографіи — употребленіе болѣе или менѣе часто ю послѣ согласныхъ вмѣсто у, перешедшее изъ средне-болгарскихъ текстовъ въ древне-сербскіе (Мирославова Еванг и др.) и древне-русскіе (Трїодъ Моисея Кіевлянина и др.).

То же въ общемъ явленіе, которое произошло въ церковно-славянскомъ языкѣ XI в., имѣло мѣсто также въ великорусскихъ говорахъ, по преимуществу сильно акающихъ. Данныя, находящаяся въ нашемъ распоряженіи, крайне незначительны, и мы можемъ лишь удостовѣрить наличность факта. Судя по тому, что въ русскихъ памятникахъ XVI—XVII вв. до сихъ поръ ничего подобнаго не указано, приходится думать, что передъ нами нѣчто позднее по происхожденію.

Лучшій матеріалъ относительно употребленія неорганическаго *j*-та передъ начальными гласными находится въ записяхъ

г. Прядкина, напечатанныхъ въ I томѣ „Воронежскаго Юбилейнаго Сборника“. Онѣ сдѣланы въ с. Сергѣевкѣ, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губ. ¹⁾. Это — рядъ пѣсенъ. Неорганическій *j*-тъ является передъ начальными гласными тогда, когда слова съ этими гласными или 1) находятся въ началѣ стиха (полустистишя) или предложенія, или 2) слѣдуютъ за словами оканчивающимися на гласный или мягкій согласный. Примѣры:

- 1) Ты гари, гари, калечка, Ю милова на руке,
Ты бали, бали, сердечка, Ю милова на грудѣ...
Я бы крылушки сабе слила. Юш и слимши...
Намъ дядинка скажа: ю насъ дняхъ многа...
Пасажу-та я червеннаю калинку. Ю милóва...
То-та тошна, не нарошна Юмиреть с горя хачу...
Куст слязою юлила. Юш ты, кустик...
Багатай мужик. Ю багатава мужика ..

2) на ютру, на юлицы, на юлицы, за юбраным сталом,
куст слязою юлила, вдоль я юлицы, машина мѣлава юташила;
развадити ягонь, я ядна в домя ястаюса, ни яб чом (и: прию-
тѣш, повелит.).

Древнее неударяемое *o*, звучащее въ говорѣ с. Сергѣевки въ началѣ словъ какъ *a*, принимая неорганическій *j*-тъ, при извѣстныхъ условіяхъ (при удареніи на второмъ или третьемъ отъ начала слогѣ) переходитъ въ *u*. Такимъ образомъ получается: На машина свисток тонак, Итяжжáя мой миленак; Эта дела, яна вышла накануне, Ибману́л...; настучу я иб акóшка, плачуть иба мнѣ, маладец дявчонку иблястіл (=облестилъ), куда ш ты милай итяжжáиш, мене замуш иддадúть, абманул еѣ ибмáньшик, никакой жа итрадушки...

Само собою разумѣется, полной послѣдовательности въ употребленіи неорганическаго *j*-та нѣтъ, и мы находимъ съ одной стороны отсутствіе этого *j*-та: Люблю я красная Удалова малатца, Я вечер сваво милова Аставляла начавать; мая адяяла; съ другой — присутствіе безъ паличности необходимыхъ условій: мене замуш иддадúть.

¹⁾ О сильно акающемъ говорѣ этой мѣстности см. нашъ „Опытъ русской диалектологіи“, I, стр. 23.

Записи пѣсенъ и т. п. матеріала изъ другихъ мѣстностей великорусской акающей территоріи даютъ гораздо болѣе скудный и слабѣе окрашенный матеріалъ, можетъ быть, потому, что онѣ сдѣланы менѣе внимательно. Г. Дурново въ пѣсняхъ изъ Шацкаго уѣзда, Тамбовской губ., предлагаетъ намъ: (Ахъ,) юшъ ты травушка... Атыми миня *И*тъ лихова мужа...; у юдовушки четвера ю ней дѣтей, три ю ней дѣтей, три ю ней были дочи, сама жъ юснакоилася, пра юдалыхъ рибятъ, изъ замку юбижалъ; матушка *и*тыми миня *и*тъ лихова мужа *и*тъ сердитава, фъ школу ядала, и т. п. (*Извѣстія русск. отд. Ак. Наукъ*, 1900 г. № 3). Г. Кудрявцевъ въ отвѣтѣ на программу изъ села Пахотный Уголь, Тамб. у., даетъ рядомъ: 1) *и*бъ избѣ, *и*бъ руцѣ, *и*бъ горóхи, *и*бъ моёмъ и 2) *а*бъ дóбромъ, *а*бъ грязи. Первая группа имѣетъ удареніе на 3-мъ слогѣ отъ начала; вторая — на 2-мъ. Проф. Будде въ записанныхъ имъ въ Скопинскомъ и Данковскомъ уѣздахъ, Рязанской губ., пѣсняхъ сообщаетъ такія данныя: Сѣли-пали ю вдовушки, праснись ювдовушка (Данк. у.), и ю горинки ю навой (Скоп. у.; „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій“). У него же въ пѣсняхъ изъ разныхъ мѣстъ Касимовскаго уѣзда: *Ю* моей ли ю сизой... *Ю* ней перушки... *Ю* варот, ю варот; крылушки ю ней; он баял, юговаривал; на юличу („Къ исторіи великорусскихъ говоровъ“); *И*гарóт свой засадила („Къ діалектологіи...“, № 23). Проф. Халанскій въ пѣсняхъ изъ Курской губ. отмѣчаетъ: къ юдовушки, люди бають — юдовушку ругають, ты юдовка, галасами юдовушку збудили, ты адинъ ю насъ, пацалую-ябайму („Народныя говоры Курск. губ.“), и изъ живого говора указываетъ на *и*шять. Отвѣтъ на программу изъ с. Березовца, Кромскаго уѣзда, Орловской губ., сообщаетъ о частомъ употребленіи неорганическаго *ј*-та передъ *у*: на вулицы и на юлицы, вузяль и юзяль, юрядникъ, юшоль, юхадить, юдава, ю насъ, наючить. Однородныя данныя, довольно скудныя и случайныя, мы нашли въ матеріалахъ изъ Тульской и Калужской губ.; повидимому, такія же данныя имѣются въ говорахъ Екатеринославской губ. и Уральской области (срв. нашъ „Опытъ русской діалектологіи“, I, 103; въ послѣдней отмѣчено: *и*гарóтъ, *и*гурéць), а также въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ, близкихъ къ сильно ака-

ющимъ великорусскимъ (см. „Смоленскій Этнографическій Сборникъ“ В. П. Добровольскаго).

Позволительно думать, что нѣкоторые великорусскіе окающіе говоры не чужды употребленія неорганическаго *j*-та. Въ пѣсняхъ Вологодской губ. мы отмѣтили: съ-по ютру, *Русск. Филол. Вѣстн.* 1887 г., № 4, стр. 267; въ сѣверно-русскихъ пѣсняхъ, записанныхъ Лаговскимъ, мы читаемъ: на юмѣ, стр. 38, на ѡкошечко, клятву ѡтдавалъ, стр. 1.

То же можно сказать о говорахъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ; въ одномъ изъ говоровъ Витебской губ. отмѣчено: игародъ, игурецъ; въ малорусскомъ говорѣ Покутья неорганическій *j*-ть указанъ передъ *o* и *y* (нашъ „Опытъ“, *Жив. Ст.*, стр. 52). Употребленіе *j*-та, какъ можно заключать изъ нашихъ данныхъ, свойственно по преимуществу пѣсенному языку.

() неорганическомъ *j*-тѣ при сходныхъ условіяхъ внутри словъ не будемъ здѣсь говорить. Но припомнимъ ц.-слав *Июда*, *Ияковъ* и т. п., великорусск. *кіѣта* (= ц.-сл *кивотъ*), *Іѣна*, *Семиѣнъ* и т. п.

21.

Сѣверно-великорусскіе говоры, на мѣстѣ русскаго литературнаго *баня*, имѣютъ *байна* и *байня*; послѣднее засвидѣтельствовано памятниками съ начала XVІІ в.: *Лікты Калачева*, Ц, 386, 1612 г. Появленіе въ этихъ словахъ *j*-та можетъ быть легко объяснено, если мы допустимъ, что передъ нами потомство прилагательныхъ **баньнъ* и **баньнь* (срв. **зимьнъ* и **зимьнь*, **осеньнъ* и **осеньнь* и т. п.), въ формѣ женск. рода **баньна* и **баньня*, и что мягкое *n* передъ послѣдующимъ *n* перешло въ *j*, какъ изъ др.-русск. *молодья* (род.), *молоцьця* (род. п.) получилось соврем. бѣлорусск. **молойца*, отмѣченное и въ Гродненской (*Довнаръ-Запольскій*, стр. 150), и въ Смоленской губернии (*Добровольскій*, Смоленскій Этногр. Сб., II, 4), какъ изъ др.-польск. *оѣса* (род. п.) получилось современное польск. *оѣса* и т. п., какъ изъ чешск. *vraŕte*, *zaplatte* и т. п. получилось областн. чешск. *vrajte*, *zaplajte* и т. п. (*Listy Filology.* 1894 г., стр. 85, 92, 97, 98).

Одинъ изъ старыхъ русскихъ памятниковъ, такъ называемое Полоцкое Ев. XIV в. (Имп. Публ. Библ. F. I. 17, л. 41 об.), имѣеть въ значеніи: бѣгство, на мѣстѣ обычнаго бѣство, единственное въ своемъ родѣ бѣйство. Появленіе здѣсь *j*-та также можетъ быть, легко объяснено: *бѣжъство дало бѣсъство; мягкое *c* передъ *c* перешло въ *j*-ть (срв. польск. опольск. bogajstwo, *Malinowski*, 39).

Но какъ объяснить появленіе *j*-та въ бѣлорусскомъ воѣстрый (напр., *Ремановъ*, Бѣлорусск. сб. I, стр. 91, Могилевск. губ.)?

Однородный *j*-ть (или иногда, можетъ быть, *i* не составляющее слога) мы встрѣчаемъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчьяхъ, гдѣ болѣе часто, гдѣ болѣе рѣдко. Онъ отлично извѣстенъ въ лужицкихъ говорахъ: *kojn* конь, *stajn* (изъ *staiŋ*), *mlyjnk* (изъ *mlyŋik*, мельникъ), *zejnska* (изъ *zeŋska*, *Muka*, 283), его знаютъ словацкіе говоры: *maje* мать, *majceri* матери, *hojscina* гостина (*Šembera, Základové dialektologie českoslov.*, 78); *šejs* шесть, *gniejs* гнестъ, *jejs* ѣсть, *niejs* несть, *prejs* прясть (*Записки товар. им. Шевченка*, ч. XXVIII, библиогр., стр. 41); его знаютъ словинскіе говоры: *kojn* конь, *krajl* краль (*Arch. für slav. Phil.*, XVII, 319), *romojsi* помози (повел.), *vojsiti* возити, *pojstela* постеля, *mojtika* мотыка, *vojdica* водица, *pujstiti* пустити и т. п. (*Rad*, CXV, 85, 91); онъ не чуждъ сербскимъ говорамъ: дубровницк. *лаjnски* = ланьскіи (прошлогодній), *маjnка* = манька (*Rad*, LXV, 160) ¹⁾.

Мы полагаемъ, что *j*-ть данныхъ случаевъ получился также изъ мягкаго согласнаго при послѣдующемъ согласномъ, т.-е. что воѣстрый восходитъ ближайшимъ образомъ къ *восьстрый, *kojnja* къ *конья и т. п.

Иначе говоря, мы считаемъ необходимымъ связать появленіе *j*-та съ появленіемъ удвоенія согласныхъ.

Современный русскій литературный языкъ имѣеть протчій на мѣстѣ др.-русск. прочии, засвидѣтельствованнаго рядомъ памятниковъ (въ бѣлорусскомъ нарѣчьи протчій и прочій; *Ро-*

¹⁾ Срв. въ старыхъ польскихъ текстахъ: *wstajn* встань (повел.), *pajn* нань, *jelejn*, *dzejn* день и т. п.

мановъ, Бѣлорусскій сборникъ, IV, 82 и др.). Въ XVIII в. въ Москвѣ говорили и писали *притчина* на мѣстѣ современнаго *причина*. Въ русскомъ переводѣ книжки Старовольскаго о Цареградѣ въ списокѣ конца XVII в. (Имп. Публ. Библ. Q. XVЦ, 21, л. 537), читается: въ *петчати*; въ переводномъ сказаніи о сивиллахъ въ списокѣ того же времени: о пророчихахъ (Имп. Публ. Библ. Q. XVЦ. 2, л. 260). Въ грамотѣ 1616 г.: *уберетчися* (А. А. Э. Ц, 311). Въ Пѣсенникѣ второй половины XVIII вѣка (Имп. Публ. Библ. O. XIV. 11, № 138): *петчи* (неопр. н.). Въ одной изъ записанныхъ Рич. Джемсомъ пѣсенъ мы находимъ: *постритчися* (неопр. н.). Грамота 1609 г. имѣетъ *измотчи* (неопр. н.; *Дювернуа*, Мат.). Современный приалтайскій говоръ: *смотчись* собраться съ силами (*Томск. Губ. Вѣд.* 1862 г., № 16). Г. Чернышевъ въ говорѣ гор. Мещовска отмѣтилъ произношеніе *птитца*, *улитца*, *горчитца*, *водитца* и т. п. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ *тч* и *тц* получилось изъ *чч*, *цц*¹⁾.

Въ одномъ изъ польскихъ говоровъ отмѣчено произношеніе *do lassu*, вмѣсто: *do lasu* (*Zbiór wiad.*, XVI, 6). Въ одномъ изъ чешскихъ: *masso*, *kašša* и т. п. (*Osvěta*, 1884 г., № 1, стр. 55, ст. Бартоша). Въ латинскомъ языкѣ указываютъ на *allium*, *illico* и т. п. изъ *alium*, *ilico* (*Brugmann*, *Grundriss*, I², стр. 801; *Грушка*, *Изслѣдованія изъ области лат. словообразованія*, стр. 245).

Это удвоеніе согласныхъ во многихъ случаяхъ связано съ удареніемъ.

22.

Извѣстно, что въ русскомъ языкѣ очень рано совершился переходъ *ж* передъ *т* въ *х*. Правда, древніе русскіе тексты знаютъ лишь *это*; дехтярный мы встрѣтили уже въ грамотѣ 1542 г. (*Акты Фед.-Чеховскаго*, I, 88); *лохтя*, род., мы нашли

¹⁾ Фамилии *Соллогубъ* (вмѣсто *Салогубъ*), *Лалло* (вм. *Лапа*), *Пасекъ* (пол. *Pasek*) и т. п. имѣютъ удвоеніе согласныхъ искусственнаго происхожденія).

лишь въ Книгѣ о ратномъ строеніи 1647 года. Но современный языкъ постоянно имѣетъ *што*, *лѣ* (=къ) тому и т. п., *дѣста* (при *дѣлать*), *кошти*, *ношти* (при *козоть*, *нозоть*), *лошти* (при *ложоть*), *клоштать* (при *кложотать*), *кряштѣть* (при *кряжать*), *уважтаться* (при *варажса*), *наложтиться* (*нажраться*, при *ложать*), и т. п. ¹⁾.

Мы ожидали бы найти въ русскомъ языкѣ однородный переходъ *n* передъ *m* въ *ѣ* [въ *n*тица ²⁾], *топтать*, *роптать*, *лопта* и т. п.], подобно тому какъ въ ново-греческомъ языкѣ, рядомъ съ *χ* изъ *κ*, развилось *φ* изъ *π* передъ *τ* (*κλέφτης* = др.-греч. *κλέπτης* и т. п.), но его не находимъ ни въ одномъ говорѣ. Впрочемъ есть одно исключеніе.

Въ одной русской рукописи XVIII вѣка находится перечисленіе птицъ и рыбъ и между первыми упомянуть *куроатанъ* (Публ. Библ. Г. XVII. 9, л. 855). Это слово въ видѣ *куроатанъ*, *куруатанъ*, *туруатанъ* (Даль) живетъ и теперь въ русскихъ говорахъ, рядомъ съ *курѡхта* куронатка. Вторая часть этихъ сложныхъ словъ восходитъ, безъ сомнѣнія, къ *нтанъ*, *нта* (=др.-русск. *пта, въ Александріи и др.). Такъ какъ *x* изъ *ѣ* въ русскихъ говорахъ обычное явленіе, то мы имѣемъ право говорить о переходѣ здѣсь *n* въ *ѣ*.

Происхожденіе *ѣ* въ *каѣтырь* (при *n* въ старыхъ русскихъ *каптуръ*, *капторга*, *каптана*) для насъ не ясно, въ виду *ѣ* въ *каѣтанъ* (срв. чешск. *kaftan*). Возможно, что мы получили это слово уже съ *ѣ*.

Происхожденіе *ѣ* въ *скиѣетръ* (очень часто въ московскихъ текстахъ XVI и XVII вв.), несомнѣнно, не русское.

¹⁾ Въ *пажтать*, *нароштиться*, *тороштиться* происхожденіе *x* для насъ не ясно; въ *боражтаться*, *бороштаться* *x* — древнее (срв. *борохло*, *борошень* и т. п.). Любопытно, что тотъ же переходъ *κ* въ *κ* имѣетъ мѣсто и въ словахъ болѣе или менѣе недавно вошедшихъ въ русскій языкъ; мы слышимъ: *дожторъ*, *дилежторъ* и т. п.

²⁾ Срв. словинск. *ftica*, *ftič*, чешск. *ftak* (*Maklosch*, Vgl Gr., I², 507).

23.

Русскій языкъ имѣеть небольшое количество случаевъ диссимиляціи плавныхъ согласныхъ, по преимуществу въ заимствованныхъ словахъ. Въ нашихъ старыхъ памятникахъ читается:

Февраль, Лаврентьевскій сп. лѣт. и др.;

стихираль, Стихирарь XV в. Троицкой Лавры № 409;

Цлинархъ, Прологъ 1356 г.;

Перфилей, грамота 1500 г., *А. А. Э.*, I, 247;

Селигеръ, грамота 1500 г., *ibidem*, I, 102;

деревня Латмирова, грамота 1546 г., *Акты Федотова-Чеговскаго*, I, 111;

верблюдь, Помянникъ Кіево-Печерской Лавры XVI в., и др.

Современные великорусскіе говоры, сверхъ этихъ словъ, имѣють: *прóлубь*, *флігеръ*, *флюгеръ* (= шведск. *flögel*), *колидоръ*, *лезёрвъ*, *левольвёръ*, *лепортюю*, *лесора*, *пленорця*, *секлетаръ*, *сталовёръ* и др. ¹⁾.

Въ малорусскихъ говорахъ мы находимъ: *лейстрóвий*, *лебрó*, *лимáръ*, *паламáръ* и др.

Всмотрѣвшись въ эти данныя, мы можемъ вывести для диссимиляціи плавныхъ согласныхъ слѣдующій законъ: *плавный, находящійся передъ ударяемымъ гласнымъ, сильнѣе другаго плавнаго, гдѣ бы послѣдній ни находился* (въ другомъ слогѣ или непосредственно послѣ ударяемаго гласнаго), *а плавный, находящійся непосредственно послѣ ударяемаго гласнаго, — сильнѣе другаго плавнаго, находящагося въ другомъ слогѣ.*

Исключеній очень немного, и они почти всѣ получаютъ удовлетворительное объясненіе: *уларъ*, Кормчая ок. 1282 г., но рядомъ: *уларя* и т. д.; *лѣкрутъ*, но рядомъ: *лекрутство*, *лекрутскій* и т. п.; *фалѣтуръ*, но рядомъ: *фалетурá* (мн.), и т. п.

Слово *фатера* = квартира, въ которомъ должна была совершиться диссимиляція плавныхъ согласныхъ, получено нами

¹⁾ Сѣв.-великорусск. *ѣбрó* — изъ *лѣбрó*.

уже съ однимъ *p* изъ польскаго языка (здѣсь: *kwatęra*, изъ *kwałtera*, *kwaŭtera*).

Законъ диссимиляціи плавныхъ согласныхъ въ русскомъ языкѣ въ общемъ тождественъ съ закономъ той же диссимиляціи въ романскихъ языкахъ ¹⁾.

24.

Мы имѣемъ довольно распространенную фамилію *Горяиновъ* (нѣкоторые произносятъ и пишутъ *Горяиновъ*). Рядомъ съ нею существуетъ болѣе рѣдкая фамилія *Козляиновъ*.

Эта послѣдняя скорѣе поддастся объясненію, чѣмъ первая.

Въ старыхъ московскихъ документахъ *козляининъ*, *козляине* — обычное обозначеніе уроженца или уроженцевъ Козельска или близкихъ къ нему мѣстъ. Такимъ образомъ *козляининъ* есть не что иное, какъ *козляининъ*, съ диссимиляціей двухъ *n*, съ замѣной перваго изъ нихъ, мягкаго, черезъ *j*.

По аналогии съ *козляининъ* уже не трудно объяснить и *горяининъ*. Это слово произошло изъ *горяининъ* = житель горъ или горы. Какъ извѣстно, *Горамы* называется высокій берегъ средней Волги. Вѣроятно, помѣщики изъ этого края носили прозвище *горяне*. Отсюда произошла фамилія *Горяиновъ*.

Другого рода диссимиляцію двухъ *n* мы находимъ въ южно-великорусскихъ пѣсенномъ *ясмѣнъ* соколъ и обычномъ тусмѣнный взглядъ = тусклый, тусмѣть = тускнѣть. Особенно часто отмѣчается въ этихъ словахъ *m* въ донскомъ говорѣ (въ сборникахъ донскихъ пѣсенъ Савельева и Пивоварова), но мы имѣемъ его и среди данныхъ изъ другихъ сильно-акающихъ говоровъ (Курской губерніи: *Халанскій*, Нар. говоры, стр. 178, 208; Рязанской губ.: *Жив. Стар.* 1894 г., II, стр. 290, 293). И здѣсь болѣе слабымъ изъ двухъ *n* оказался первый, мягкій. Само собою разумѣется и въ *ясмѣнъ*, и въ *тусменный* мы имѣемъ дѣло съ новообразованіями: *ясмѣнъ* восходитъ къ *ясненъ*, а это послѣднее получило изъ *ясѣнъ*, подъ вліяніемъ *ясный*.

¹⁾ *Grammont*, La dissimilation consonantique dans les langues indo-européennes et dans les langues romanes. Dijon, 1895.

25.

Русскій языкъ (точнѣе: великорусское его нарѣчіе?) имѣетъ два слова съ страннымъ окончаніемъ: *лѣньтай*, *слюнѣтай*. Къ нимъ можно присоединить еще старое русск. *гольтай* (зап.-русск. Четья 1489 г., л. 58 об.), давшее великорусскую фамилію *Голтыевъ* или *Гольтыевъ*, извѣстную съ XV в. (*Тупиковъ*, Словарь, 519). Малорусское нарѣчіе знаетъ только *гультай* и *гильтай* (изъ **гольтай*); малор. *гультай* перешло въ польскій языкъ: *hultaj*.

Въ другихъ славянскихъ языкахъ мы не знаемъ ничего похожаго на эти русскія слова. Миклошичъ (Vgl. Gr. II, 83) также не знаетъ однородныхъ образованій. По его словамъ, это — „новообразованія“.

Дѣйствительно, мягкость *т* имѣетъ признаки позднѣйшаго происхожденія.

Извѣстно, что въ русскомъ языкѣ (особенно въ великорусскомъ нарѣчіи?) нерѣдки случаи вліянія предыдущаго мягкаго согласнаго на послѣдующій твердый. Къ числу ихъ принадлежатъ сѣв.-великор. *штѣ* изъ *што* = что (съ мягкимъ *ш*), *силнѣ*, *силнѣй*¹⁾, *болнѣ* изъ *сильно*, *сильной*, *болно*.

Къ числу этихъ случаевъ мы относимъ и приведенныя выше слова.

Суффиксъ ихъ — обычный: *-тай*, тотъ самый, который мы имѣемъ въ древнемъ или новомъ видѣ въ *ходатай*, *глашатай*, *провожатый*. Этотъ суффиксъ обыкновенно является при глагольныхъ основахъ на *а*. Но родственные языки указываютъ на употребленіе родственнаго суффикса *tar* при основахъ на *і*: др.-инд. *janī-tar-*, лат. *genī-tor* и т. п.

Слѣдовательно, русск. *лѣньтай* и т. п. можетъ восходить къ древнѣйшему *лѣнь-тай* и т. п.

1) Ко силнему царству московскому (въ пѣсняхъ Ричарда Джемса).

26.

Общепринятое названіе губерніи — уфѣмская (при названіи города Уфа́). Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе странное *м*, вмѣсто обычнаго *н*.

Описи XVII в. [патріаршей ризницы 1631 г. ¹⁾, домової казны патр. Никона ²⁾ и т. п.] имѣютъ часто и постоянно названіе жемчуга — кафимской (при названіи города Кафа́).

Сверхъ того, мы имѣемъ прилагательское брымскій (при названіи рѣки Брынъ), рядомъ съ брынскій ³⁾.

Не лишнее обратить вниманіе также на великорусское имя Офросимъ ⁴⁾, откуда фамилія Афросимовъ (при Евфросинъ), и на малорусское имя Хотимья ⁵⁾ (при Фотинія, воликор. Фетинья).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ обращаетъ на себя вниманіе присутствіе въ словѣ губного согласнаго — *ф*, *б*.

Повидимому, мы имѣемъ дѣло со своеобразной ассимиляціей — съ ассимиляціей отдѣленныхъ другъ отъ друга губного и *н*, закончившейся переходомъ *н* въ *м*.

Срв ассимиляцію *н* и губного *в* въ дамно, рамно, сламный (курск. „Очерки Россіи“ Пассека, IV, стр. 13), гомно, мнукъ ⁶⁾, обычную, кажется, во всѣхъ великорусскихъ говорахъ и известную также въ разныхъ славянскихъ языкахъ (наприм. въ кайкавскомъ: мнук) ⁷⁾ Срв. еще старое Путимель (вмѣсто Путивль), обычное въ московскихъ текстахъ XVII в., гдѣ впрочемъ *м* можетъ имѣть другое объясненіе.

¹⁾ Издана Викторовымъ.

²⁾ Издана въ XV т. „Временника“ М. Общ. ист. и древн.

³⁾ Колосовъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русск языка, стр. 168

⁴⁾ Прологъ 1481 г. Имп. Публ. Библ. (написанный въ Коломнѣ), подъ 23 февраля.

⁵⁾ Приписка XIV в. въ Галицкомъ Ев 1144 г.

⁶⁾ Колосовъ, стр. 169.

⁷⁾ „Стефана Вербечија Трипартитум“, въ переводѣ 1574 г. Изд. Сербск. Ақ. Н. 1909.

27.

Въ „Словарѣ бѣлорусскаго нарѣчія“ Носовича, заключающемъ въ себѣ словарный матеріалъ говоровъ Могилевской губерніи, находятся, между прочимъ, числительныя дванадцать и тринадцать, съ носовымъ согласнымъ вмѣсто зубного. Тѣ же слова намъ встрѣтились въ первыхъ выпускахъ „Бѣлорусскаго Сборника“ Е. Р. Романова, заключающихъ въ себѣ тексты также изъ Могилевской губерніи, и въ разныхъ мѣстахъ „Матеріаловъ“ Шейна. Итакъ, передъ нами диссимиляція предшествующаго *т* съ послѣдующимъ *ц* и переходъ перваго звука въ *н*.

Это странное явленіе не одиноко. Оно извѣстно намъ изъ болгарскаго языка, также въ области числительныхъ: среднеболг. пандесать (въ сборникѣ Гильфердинга XIV—XV в. № 34), пандесатница (въ русскомъ Тактиконѣ 1397 г., списанномъ съ среднеболг. оригинала); современное болг. пендесет, девендесет. Обыкновенно думаютъ, что согласный *н* — потомокъ древняго ринезма¹⁾, но какъ показываютъ отчасти среднеболгарскія данныя, — безъ основанія.

Замѣчательно, что однородныя явленія отмѣчены въ средне-греческомъ языкѣ. Нѣсколько словъ имѣютъ $\mu\beta$ изъ $\beta\beta$, нѣсколько — $\mu\varphi$ изъ $\pi\varphi$; повидимому, есть также слова съ $\nu\delta$ изъ $\delta\delta$ ²⁾. Отсюда въ древнихъ памятникахъ церк.-слав. языка сѣбота, Самфира (собственное имя), самфиръ (названіе камня).

Интересно находящееся въ записи ср.-болг. Стаматовскаго Ев. Манѳей Ματθαῖος . Мы не знаемъ, съ явленіемъ какого языка здѣсь имѣемъ дѣло — средне-греческаго или ново-болгарскаго.

¹⁾ Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка, стр 15; срв. въ нашей рецензіи на это сочиненіе (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1894 г., № 6, стр. 430.

²⁾ К. Z. XXXIII, статья „Sambaz“, Шульце.

28.

Малорусскіе и бѣлорусскіе говоры имѣютъ довольно много случаевъ употребленія дифтонга *дж* на мѣстѣ ожидаемаго *ж*. Большая часть этихъ случаевъ удачно объясняется вліяніемъ на формы съ *ж* близко родственныхъ съ *д*: *видѣжу*, *садѣжу* — изъ *вижу*, *сажу*, подъ вліяніемъ *видѣти*, *садити*. Но въ малорусскихъ говорахъ есть еще нѣсколько случаевъ употребленія того же дифтонга. Одни изъ нихъ — въ словахъ заимствованныхъ изъ татарскаго и румынскаго языковъ; эти слова вошли въ малорусскіе говоры, можетъ быть, уже съ готовымъ звукомъ *дж*. Другіе — въ словахъ чисто-русскихъ и заимствованныхъ изъ польскаго языка: *джерелó*, *джеруръ* = польск. *źródło* = нѣм. *saueg*, они для насъ столько же неясны, сколько и случаи *дж* въ такихъ ново-болгарскихъ словахъ, какъ *мъндѣжъ* = *мѣжъ*. Третьи — въ словахъ *дѣбанъ* (рядомъ *жѣбанъ*, великорусск. *жбанъ*) и *бѣжола* (рядомъ *пѣзола*, *пчола*). На этихъ послѣднихъ мы остановимся.

Звукъ *дж* въ *дѣбанъ* не принадлежитъ одному малорусскому нарѣчію: польск. *dźban*, чешск. *džban*. Сравни чешск. *džber* (*Bartoš, Dialektologie Moravská, II, 430*). Этотъ звукъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ образовался изъ *ѣ*, и древнѣйшая форма приведенныхъ словъ — *чьбанъ*, *чьбъръ* (срв. лит. *kibiras*, греч. *κίβ-ωτός*) — сохранена нѣкоторыми древними памятниками ¹⁾.

Звукъ *дж* въ *бѣжола* вмѣстѣ съ самимъ этимъ словомъ принадлежитъ одному малорусскому нарѣчію; срв. великорусское *пчела* и т. п. Онъ образовался также изъ *ч*, какъ показываетъ древнѣйшая форма приведеннаго слова *бъчела* (она также сохранена намъ памятниками).

Образованіе *дж* изъ *ч* передъ *б* есть нѣчто и естественное, и существующее въ разныхъ языкахъ. Сербскій языкъ, между прочимъ, имѣетъ рядъ словъ въ родѣ *отадѣбина* (= *отъчьбина*), *сведодѣба* (= *свѣдочьба*) ²⁾.

¹⁾ Сербск. Мирославово Ев: *чьбанъ*. Странно *в* въ *чьбанъ*.

²⁾ Малорусск. *дѣміль* шмель, при великор *шмель*, *чмель*, изъ *щѣмъ*.

Но рядомъ съ образованіемъ *дж* изъ *ч* передъ *б* мы находимъ въ русскихъ говорахъ также образованіе *з* (изъ *дз*) и *ц*: *збанъ*, Пересопницкое Ев. 1561 г., Ев. Тяпинскаго конца XVI вѣка; *цебровъ*, род. мн., Ипагскій сп. лѣт., стр. 613 (им. ед. *цберъ* = *чъбрь*). Однако срв. старо-польск. *dzban* и *w sebrze*, соврем. польск. *sebrzyk* посудина для корма коровъ.

29.

Славянскіе языки знаютъ стяженіе гласныхъ въ значительномъ количествѣ случаевъ, особенно языкъ чешскій: *bálse* = боялся, *stál* = стоялъ, *rás* = поясъ, *rokání* = покаяніе, *vévoda* = воевода, и т. п. Русскій языкъ также знаетъ стяженіе гласныхъ, но главнымъ образомъ въ ограниченномъ кругѣ мѣстоименныхъ формъ.

Общеизвѣстны принадлежащія разнымъ говорамъ русскаго языка формы *могó* (или *мовó*), *момú* и т. п., изъ моего, моему и часто рядомъ съ *моегó*, *моевó*, *моемú* и т. п.

Менѣе извѣстны находящіяся въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ и въ значительной части бѣлорусскихъ формы род., дат., тв. и мѣстн. ед. ч. женск. р. *тэй*, *однэй*, изъ *тоей*, *одноей*¹⁾. Эти формы совсѣмъ или почти совсѣмъ не оказали вліянія на формы тѣхъ же надежей прилагательныхъ въ южно-великорусскихъ говорахъ, но за то это вліяніе имѣло мѣсто въ говорахъ бѣлорусскихъ, и мы объясняемъ бѣлорусск. *добрэй*, *худэй*, *большэй* и т. п. какъ образованія по образцу *тэй*, *однэй*, *самэй*.

Столь же мало извѣстны малорусскія формы им.-вин. ед. средн. р. *те*, *худé*, *дóбре*, *хорошé* и т. п. (они же и нарѣчія). Они находятся также въ тѣхъ бѣлорусскихъ говорахъ, которые служатъ переходомъ отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ великорусскому. Мы прежде объясняли эти формы какъ полонизмы, но теперь мы вынуждены смотрѣть на нихъ иначе, въ виду но-

¹⁾ Объ этихъ послѣднихъ формахъ см. въ нашихъ „Исслѣдованіяхъ въ области русской грамматики“, стр. 73. Факты въ нашемъ „Опытѣ русской діалектологіи“.

выхъ данныхъ по славянскому ударенію. Мы уже давно обратили вниманіе на великорусскія формы ср. р. тоѐ, коѐ, муж. р. Благово́, Дурновó; теперь мы останавливаемся на сербскихъ чакавскихъ формахъ прилагательныхъ муж. р. род. и дат. пад. ед. съ удареніемъ на конечномъ слогѣ. Они находятся въ большомъ числѣ въ автографахъ Крижанича: простого́, драгого́, прегустого́, ясного́, чистого́ и т. п. ¹⁾ Ихъ сохраняютъ современные говоры: жутегá, жутемý и т. п. (данныя въ трудахъ *Строгала* и *Мижуличича*) ²⁾. Приведенныя данныя позволяютъ думать, что удареніе въ членныхъ формахъ многихъ прилагательныхъ и мѣстоименій нѣкогда находилось на конечномъ слогѣ: им.-вин. ср. р. тоѐ, простоѐ, дорогоѐ, род. муж.-ср. р. простого́, дорогого́, дат. муж.-ср. р. простомý, дорогомý, род. женск. р. простыѣ, дорогиѣ, простоѣ, дорогоѣ, твор. женск. р. тоіо, простоіо, дорогоіо, вип. мн. муж. р. тыѣ, простыѣ, дорогиѣ и т. д. Въ виду этого малорусскія те, худé, хороше́ могутъ быть объяснены непосредственно изъ тоѐ, худоѐ, хорошее́ чрезъ стяженіе гласныхъ, а дóбре — какъ образовавшееся по аналогіи съ худé. Что до формъ им.-вин. ср. р. тѣе, худѣе и т. п., то это уже несомнѣнныя новообразования изъ те, худé, подъ вліяніемъ доброе и т. п.

Еще менѣе извѣстны малорусскія (главнымъ образомъ сѣверно-малорусскія, отчасти южно-бѣлорусскія) формы род. пад. ед. женск. р. мее, меі и моі, твее, твеі и твоі и т. д. (съ удареніемъ то на первомъ, то на второмъ гласномъ). Здѣсь е и о образовались изъ ое, т.-е. мее, моі восходятъ къ древнему моеѣ. Сходнаго происхожденія рѣдкія сѣверно-малорусскія формы твор. ед. мею.

Также очень мало извѣстны сѣверно-малорусскія (волынскія, пинскія, гродненскія) формы им.-вин. мн. чорне волосы, молоде = молодые. Здѣсь передъ нами случаи стяженія *ьмъ*, однородные съ тѣми, которые такъ распространены въ западно-славянскихъ языкахъ.

¹⁾ *Русскій Филологическій Вѣстникъ* 1895 г. № 3, стр. 102—103 (статья А. А. Шахматова).

²⁾ Срв. болгарскія слова женск. р. на *тъ* съ удареніемъ на членѣ: радостá и т. п.

Что до бѣлорусскихъ формъ им.-вин. мн. на *э* существительныхъ и *эе* прилагательныхъ: *столэ, домэ, быке, домовэе* = *домовые, большэе*, то при объясненіи ихъ необходимо принимать во вниманіе то обстоятельство, что на мѣстѣ *э* въ *столэ* въ южно-бѣлорусскихъ говорахъ, имѣющихъ на мѣстѣ древняго *ъ* дифтонгъ *іе*, мы находимъ дифтонгъ: *столыэ* и т. п., и связывать эти формы съ древне-русскими формами вин. мн. на *ъ*: *ключъ* и т. п.

30.

Великорусскіе говоры имѣютъ двѣ частицы *ко* и *ка*, совпадающія въ звукахъ въ акающихъ говорахъ и различающіяся въ окающихъ. Первая употребляется главнымъ образомъ при глагольныхъ формахъ (наше *дай-ка* и т. п.); вторая, кажется, — при именныхъ образованіяхъ и нарѣчіяхъ (олонецк. *здѣсь-ка, здѣ-ка-ва, Рыбниковъ, IV, 296*; пермск. *гдѣ-ка, Колосовъ, Замѣтки, 323*; срв. гродн.-заблуд. *ниня-ка, Этногр. Сб., III, 85*, болг. *ту-ка* и т. п. ¹⁾). Первую слѣдуетъ сопоставлять, повидимому, съ греч.-гомер. *κε(ν)*, также связанною съ глагольными формами; вторую — съ греч. *-τε, -κα*, лат. *-que*, слав. *-че, -ча* (= **ке, *кѣ*), связанными по преимуществу съ нарѣчіями.

Кромѣ названныхъ частицъ, въ великорусскихъ говорахъ то болѣе, то менѣе распространена еще частица *-тко*: *ты беритко, Колосовъ, Замѣтки, 163*; *знаю-вѣдаю теперя-тко, лебедушка, Славянская, ч. II, стр. 22*, употребляющаяся и при глагольныхъ формахъ (какъ *ко*), и при нарѣчіяхъ (какъ *ка*; подмосковн. *ужо-тка, туто-тка*); въ литературномъ языкѣ можно указать только грибоѣдовское: *вы, нынѣшніе, ну-тка*; изъ старыхъ текстовъ можно привести лишь изъ сочиненій протопопа Аввакума: *посмотри-тко (Матеріалы для исторіи раскола, V, 300; VIII, 33)*.

Оставляя въ сторонѣ *ко* (или также *ка*?) въ этой послѣдней частицѣ, взглянемъ на первый ея составной элементъ *т*.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (при нарѣчіяхъ) это *т* всего скорѣе можетъ быть объяснено изъ сокращенной формы мѣсто-

¹⁾ Польск. краковск. *ktosik, jakisik, tamok, dzisiaik* и т. п., вѣроятно, имѣетъ *к* изъ *ка*.

именія 2 л. *ти* (др.-русск. *тъ*); срв. великор. *туто-ти*, *нѣту-ти*! но въ большей части случаевъ видѣть въ *т* потомство древняго *dativus ethicus* не представляется возможности: *тко* изъ глагольныхъ формъ употребляется исключительно при формахъ 2 л. повелит. накл., обыкновенно ед. ч., изрѣдка множ. ч.: *не сиди-тка*, *Дунюшка*; *ты сходи-тка*, *поди*, *дѣвушка*; *погляди-тка*, *моя радость*; *ты суди-тка* мою просьбу („Великор. нар. пѣсни“, V, 133, 196, 286, 466) и т. п., гдѣ постановка формы 2 же лица въ значеніи *dat. eth.* не имѣетъ смысла.

Въ виду этого мы позволяемъ себѣ предложить другое объясненіе.

Одна изъ особенностей великорусскаго синтаксиса — употребленіе мѣстоименія при формахъ повелительнаго наклоненія, какъ передъ этими формами, такъ и послѣ нихъ: *ты* лети, лети, соколь; *ты* прости-прощай, милъ сердечный другъ; *вы* подите, приведите; *не сиди-ка ты*, *Дуня*; *не дуй-ка ты*, *Дуня* („Великор. нар. пѣсни“, V, 134), *скажи ты* мнѣ вотъ что; *скажи-ка ты* мнѣ вотъ что; *скажете вы* мнѣ вотъ что, и т. п. При постановкѣ мѣстоименія *ты* между формою повел. накл. и частицею *ко* (срв. въ Остромировомъ Ев.: тако молитесь *вы* ся 123), вслѣдствіе отсутствія на немъ какого бы то ни было ударенія, главный элементъ мѣстоименія отпалъ и *ты-ко* превратилось въ *тко*. Такимъ образомъ изъ: *скажи ты ко* мнѣ, получилось: *скажи тко* мнѣ.

31.

Синодальный списокъ Новгородской лѣтописи XIV в. имѣетъ собственныя имена Олькса, Ольксандръ и т. п. съ ъ. Онъ не стоитъ одиноко. Всѣ вообще древнѣйшіе наши памятники употребляютъ въ этихъ именахъ ъ довольно послѣдовательно. Святославовъ Сборникъ 1073 г. имѣетъ: Алькьсандра 162 об., Ольксандръ Македонъ 258, алъксандрѣне 249; Стихирарь 1157 года: Альксы (род.), Альксиѹ (зв.) 130; Стихирарь XII в. Академіи Наукъ: святаго Алькса 127, алъксандрьскааго 56 об.; Лѣствица XII в. Румянц. Муз. № 199: Альксандрова града 17; Уставъ церковный XII в. Синод. Библ. № 330: Альксия 93,

209 об., 210, 244 об. (постоянно); Тріодь XII в. Синод. Библ. № 319: Алѣксаньдру 47. Интересно въ записи Слово Исаака Сирина 1416 г. Имп. Публ. Библ.: князя Аксандра Ивановича (срв. Псковъ изъ Пльсковъ и т. п.).

32.

Малорусскіе говоры Галиціи имѣютъ *ж* въ *жосподарь* = *господарь*, вмѣсто ожидаемаго *з*.

Чешскій языкъ владѣетъ нѣсколькими словами съ неожиданнымъ *к*: *kitara* гитара, *kořalka* горѣлка, водка, *okurka*, *vo-kurka*, *okurek* огурецъ и т. п.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ обычнымъ въ языкахъ и говорахъ, не имѣющихъ звука *г* и знающихъ только звукъ *л*.

Заимствуя изъ другихъ языковъ слова съ звукомъ *г*, они замѣняютъ это *г* черезъ свое *к*.

Малорусск. *жосподарь* есть, конечно, не что иное какъ польск. *gospodarz*.

Чешск. *kořalka* — не что иное, какъ польск. *gorzałka*.

Чешск. *okurka* — не что иное, какъ польск. *ogurek*.

Принимая во вниманіе это явленіе, мы иногда можемъ прослѣдить пути заимствованія.

Такъ, сѣв.-русск. *кабать рубаха* надѣваемая поверхъ кафтана или полушубка (*Пам. книжка Арханг. губ. на 1864 г.*, стр. 47) надо связывать не прямо съ др.-в.-нѣмецкимъ прототипомъ *gawati*, а съ чешскимъ *kabát*.

Ново-нѣм. *gurke* надо связывать съ польск. *ogurek*, а не съ чешск. *okurka*; но ново-нѣм. диалектич. *wokurke*, очевидно, восходитъ къ чешск. *vo-kurka*.

33.

Мы пишемъ названіе рѣки *Нѣманъ* съ *н* и *а*. Бѣлорусы, живущіе близъ нея, называютъ ее *Нѣманъ*, род. пад. *Нѣмна*, малорусы—*Нѣмон*, род. *Нѣмна*, поляки—*Niemen*, род. *Niemna*. Эти данныя вполне соответствують старымъ даннымъ: литов-

скія лѣтописи имѣютъ *Немонъ, Немна* (*Поля. собр. р. лѣтоп., XVII, 229, 569*). Литовское названіе рѣки *Nemunas* вполне соответствуетъ славянскому **Цемънъ*.

34.

Лингвисты ломаютъ головы надъ *o* въ обще-слав. *господь* (ожидали бы *m*). Приходится ломать голову и надъ *o* въ русск. **бать* съ производными.

Связь его съ санскр. *pitā*, греч. *πατήρ*, лат. *pater* и т. д. несомнѣнна. Но почему въ русскомъ словѣ *o*, а не *m*, и почему въ немъ *a*, а не *o* (= *ä*)?

Мы рѣшаемся сдѣлать предположеніе.

Оба указанная нами слова — заимствованы славянами у ихъ древнихъ сосѣдей (потомъ отчасти ославянившихся и вошедшихъ въ составъ славянскаго племени) — скифо-сарматовъ.

Одно или нѣсколько нарѣчій обширнаго по своей территоріи скифо-сарматскаго языка, въ извѣстную эпоху и въ извѣстныхъ случаяхъ, имѣло замѣну глухихъ согласныхъ звонкими. Вслѣдствіе этого нѣсколько скифо-сарматскихъ словъ перешло въ обще-славянскій языкъ (или въ отдѣльные славянскіе языки) съ неожиданными для лингвистовъ звонкими согласными¹⁾.

Прежде ломали головы надъ *z* въ *szto* (при литовск. *šimtas*). Теперь, кажется, всѣ признали, что это числительное заимствовано славянами у сосѣдей, говорившихъ языкомъ иранской семьи.

¹⁾ Сверхъ того, въ скифо-сарматскихъ говорахъ древнѣйшее *p* могло перейти въ *f* или близкій къ *f* звукъ, который славянами былъ переданъ черезъ *b*. Срв. названіе кочевниковъ не-тюрковъ, жившихъ въ до-монгольскій періодъ въ южно-русской степи подъ властью русскихъ князей, — *берендѣи, берендичи* (изъ **bērni-*, съ полногласіемъ) и др. перс. имена *Γισσα-φέρυης, Фару-άσπηης* и т. п.

Мелкія замѣтки по морфологіи.

1.

Паисіевскій сборникъ XIV—XV в., не знающій графическаго употребленія *o* вм. *ъ* и наоборотъ, имѣеть Александро царь 153.

Въ документѣ 1511 г. мы читаемъ: архимандритъ Никандро (*Акты Θεодотова-Чеховскаго*, I, 67).

Очевидно, въ этихъ формахъ передъ нами тѣ же формы, что и въ современныхъ великорусск. Алексáндро, Никáндро, Пётро (въ акающихъ говорахъ съ *a* вм. конечнаго *o*), малорусск. Петро, Дніпро.

Стеченіе согласныхъ въ этихъ собственныхъ именахъ привело не къ вставкѣ глухого (*ъ* или *ь*), какъ въ Павълъ и т. п., а сначала къ сохраненію глухого (когда всѣ вообще конечные глухіе исчезли изъ произношенія), а потомъ, на общемъ основаніи, къ переходу глухого въ *o*.

Собственное имя *Маркъ* издревле является въ нашихъ текстахъ въ видѣ Марко: Рязанск. Кормчая 1284 г. 265 об., Чудовск. Кормчая к. XIV в. № 4, л. 302, Амартоль XIV в. 5 об., Сборникъ Чудова монастыря XIV в. № 23, л. 154 и др.

То же въ текстахъ южно-славянскихъ, какъ средне-болг. Хронографъ Манассіи XIV в., 67 об., 68 об.

Современные русскій, болгарскій и сербскій языки имѣють также Марко.

Несомнѣнно, на появленіе здѣсь *ko* вм. *kъ* повліяло существованіе многочисленныхъ уменьшительныхъ на *ko*, между прочимъ, и собственныхъ именъ.

Великорусскіе акающіе говоры иногда склоняють всѣ приведенныя имена по склоненію словъ женск. р. на *a*.

2.

Имена женск. р. на *a* имѣютъ въ русскомъ языкѣ формы им.-вин. мн. ч. съ одними и тѣми же звуками, но съ двойкимъ удареніемъ: 1) *жѡны* и 2) *жены́*, и т. п. Нѣкогда формы съ удареніемъ на концѣ были вполне обычны, ихъ въ большомъ числѣ мы находимъ во всѣхъ старыхъ русскихъ текстахъ XIV—XVII вв., гдѣ разставленныя ударенія принадлежатъ по преимуществу русскому языку; они по традиціи сохраняются въ церковныхъ книгахъ нашего времени; ихъ еще немало у писателей XVIII в. и начала XIX в. ¹⁾. Теперь они сохраняются только говорами.

Что значить эта двойственность ударенія, несомнѣнно древняя?

По нашему мнѣнію, мы имѣемъ дѣло съ остаткомъ глубокой древности, когда форма им. мн. отличалась отъ формы вин. мн. удареніемъ. Иначе говоря, форма *жѡны* нѣкогда была только формою имен. мн., а форма *жены́* — только формою вин. мн., или наоборотъ.

3.

Что такое польск. *dziś*? Проф. Лось („Сложныя слова въ польскомъ языкѣ“, стр. 42—43) говоритъ: „первоначальная польская форма звучала *дъньсь*“; отсюда уже *dziś*. Но изъ *дъньсь* не премѣнно получилось бы то же, что и въ другихъ языкахъ, т. е. нѣчто очень близкое къ русск. *днесь*, чешск. *днес*. Возможно одно объясненіе: *dzi* — есть не что иное, какъ древнѣйшая, не дошедшая ни въ какомъ древнемъ славянскомъ текстѣ форма имен. над. ед., употреблявшаяся также и какъ форма вин. ед. (срв. *пламы*, при основѣ *пламен-*, и т. п., съ употребленіемъ въ значеніи не только имен. ед., но и вин. ед.).

¹⁾ Нѣкоторое число примѣровъ въ нашихъ „Лекціяхъ по ист. р. яз.“, стр. 277.

4.

Формы род. п. ед. мѣстоименій уже давно интересуютъ ученыхъ, но нельзя сказать, чтобы предложенныя до сихъ поръ объясненія ихъ были сколько-нибудь удовлетворительны. По нашему мнѣнiю, изслѣдователи дѣлаютъ крупную ошибку, желая видѣть въ *кого* и т. п. и въ *чьсо* надежныя окончанія *го* и *со* и настаивая на сближенiи *со* съ санскритскимъ *śja*, вмѣсто того, чтобы принять въ этихъ формахъ за надежное окончанiе лишь конечное *о*.

Дѣло въ слѣдующемъ.

Основа *ког-* и т. п. находится не въ одной формѣ род. п.: она является также въ нарѣчiи *ког-да*, *кзг-да*. Близкия къ ней по образованiю основы извѣстны въ греческомъ языкѣ: *δίχ-ως*, *πανταχ-οῦ*, *ἀλλαχ-οῦ*, *ἐνιαχ-οῦ*, *πανταχ-οῖ*, *πανταχ-όσε*, *πανταχ-όθεν* и т. п., съ *χ* изъ обще-индо-европейскаго *gh*.

Основа *чьс-* имѣетъ еще болѣе многочисленныхъ родичей. Это — прусскія мѣстоименныя основы въ формахъ ед. ч. дат. *stes-mi*, *majas-mi* и санскритскія мѣстоименныя основы въ формахъ ед. ч. дат. *kas-māi*, мѣстн. *kas-min*, отложит. *kas-māt*, которыхъ надежныя окончанія родственны съ славянскими окончанiями дат. ед. *му*, твор. и мѣстн. *мъ*, дат. мн. *мъ* и др.

Надежное окончанiе *os*, превратившееся на славянской почвѣ въ *о*, — обычное окончанiе мѣстоименныхъ формъ родительнаго единственнаго: греческихъ *παντ-ός*, *τιν-ός*, латинскихъ *ej-us*, *cu-j-us* и др.

Очевидно, въ *ког-о*, *чьс-о* передъ нами формы, отличающіяся отъ другихъ надежныхъ формъ тѣхъ же мѣстоименiй основой, т.-е., находящiяся къ нимъ въ такомъ же отношенiи, въ какомъ находятся формы *мен-е*, *мзи-ть* къ формамъ *ми*, *ма*, или формы *τίς*, *τί* къ *τινός* и т. п.

Рядомъ съ обще-славянскою формою род. падежа *чьс-о* существуетъ старо-чешская форма того же пад. **чьс-е* (*čse*). Ея надежное окончанiе — то же, что въ *мен-е*, *словес-е* и т. п.

5.

Мы знаемъ, что русскій языкъ имѣетъ діалектическія формы род. п. *тея́*, *сея́* = тебя, себя и дат.-мѣстн. *тея́*, *сея́* = тебѣ, себѣ¹⁾. Лемки имѣютъ форму дат. *сой* (изъ *соі*? нашъ „Опытъ русск. діалектологіи“, *Жив. Ст.*, стр. 55). Новѣйшіе труды по западно-славянско́й діалектологіи показываютъ, что подобныя формы не чужды также моравскимъ, словацкимъ и польскимъ говорамъ.

Бартошъ въ своей „Моравско́й діалектологіи“ отмѣчаетъ формы родительнаго-винительнаго *teje*, *seje* (I, 118, 360) и дат.-мѣстн. *teje*, *seje* и *se* (I, 118). Малиновскій въ описаніи опольскаго говора указываетъ на форму дат. п. *se* (стр. 50), представляющую, очевидно, стяженіе *soje* или чего-нибудь подобнаго (съ твердымъ *s*); пѣсни изъ Краковскаго повѣта имѣютъ: *inon se stanęła, i tak ci se stoje* (1 л. ед) и т. п. (*Lud*, II, 340); о той же формѣ, какъ встрѣчающейся въ нѣкоторыхъ старопольскихъ текстахъ, говоритъ въ „Исторіи польскаго языка“ Калина: *wybij se to z głowy, dam se radę* (I, 336).

Какъ извѣстно, литовскія формы *taveš*, *savęs*, *tavė*, *savė* имѣютъ *v* и потому славянскія формы род. п. *тебе*, *себе* признаются всѣми за заимствованныя свое *б* изъ формъ дат. п. Въ виду этого представляется возможнымъ предполагать, что на славянско́й почвѣ существовали нѣкогда формы род. ед. **теве*, **севе*. Западно-славянскіе языки обнаруживаютъ нѣкоторую склонность къ опущенію *v* передъ *i*, *e* и замѣнѣ его *j*-томъ, особенно въ исходѣ словъ. Слѣдовательно, западно-славянскія формы род. *teje*, *seje* могли бы быть объяснены изъ древнѣйшихъ *teve*, *seve*, а формы дат. *teje*, *seje* и *se* = **soje* — какъ новообразовавшіяся подъ вліяніемъ формъ род. п.; но русскія формы представляютъ затрудненіе: русскій языкъ не знаетъ опущенія *v* передъ мягкими гласными.

Такимъ образомъ формы род. п. **теје*, **сеје* должны быть

¹⁾ См. наши „Исслѣдованія въ области русской грамматики“. Есть, хотя и рѣдко, форма дат.-мѣстн. **тоя́*, **соя́*.

признаны за болѣе древнія, чѣмъ до сихъ поръ думали, хотя и неясныя по образованію.

6.

Какъ извѣстно, древнія формы склоненія основъ на согласные звуки дошли до насъ въ ограниченномъ количествѣ. Въ виду этого не должно оставлять безъ вниманія тѣ скудные ихъ остатки, которые находятся въ древне-русскихъ памятникахъ.

Вотъ три формы дательнаго и творительнаго падежей двойственнаго числа отъ числительнаго *десять*:

яко *лѣтъ двѣмадесяма*, Патерикъ Синайскій XII в. 109 об.;
не боле четырь *межидесяма чять* (= *цать*) *даяти*, Ефремовская Кормчая XII в. 304,

третій *межидесяма*, Радзивиловскій списокъ Кіевской лѣтописи подъ 1141 г. (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, стр. 293).

Вотъ одна форма творительнаго падежа множественнаго числа:

десеми на *десяте* *лѣтъ царствіе* *соблюдь*, Хронографъ Амартола XV в. 28 об. (Имп. Публичная Библ., Q. IV. 35).

Повидимому, эти формы принадлежатъ древне-русскому языку; по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ находится въ памятникѣ вполне русскаго происхожденія.

Несомнѣнно, эти формы образованы одинаково съ формами дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей множественнаго числа основъ на *п*, сохранившимися въ памятникахъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, но всего болѣе въ памятникахъ древне-русскихъ. Такъ какъ и они довольно рѣдки, то вотъ нѣсколько извѣстныхъ намъ изъ древне-русскихъ текстовъ:

содомлямъ, Архангельское Ев. 1092 г. 125;

ерусалимамъ, *иерусалимамъ*, Минея 1096 г., по изданію Ягича стр. 161, 162 ¹⁾;

¹⁾ То же въ другихъ спискахъ тѣхъ же стихирь; въ Кондакарѣ XII—XIII в. Московскаго Общества исторіи и древностей: *иерусалимамъ* 27.

корюнтѣмъ (=коринѣянамъ), Пандекты Антіоха XI в. 217;
свѣтъ всіявѣшааго тѣмѣ жителямъ, Путятина Минея XI в.
76 об.;

волочамъ (=волочанамъ, жителямъ волока), договоръ Смоленска съ Ригою 1229 г., редакция В (*Русско-Ливонскіе Лѣтны*);

уличямъ (=уличанамъ), Повгородская лѣтопись по списку XIV в. 11 (фототипическое издание);

о галелияхъ, Галицкое Евангеліе около 1266 г. 84 об.;

о галелѣяхъ, Поликарпово Евангеліе 1307 г. 67;

егунтями, македонями, Толкованіе на слова Григорія Богослова XIV в. 63 (Синодальная Библ. № 954) ¹⁾.

Сверхъ того, мы должны привести одну форму винительнаго падежа единственнаго числа:

попърицю дѣвоѣ на десяти. лавра естъ, Патерикъ Синайскій XII в. 36.

Такъ какъ эта форма — въ своемъ родѣ единственная, то понятно, она можетъ быть объясняема простою опиской писца. Но должно сказать, что она сходна съ извѣстною намъ по сложнымъ словамъ формою *дева (=девять).

Девягорескъ, названіе города, въ русскомъ Сборникѣ XVI—XVII в. (*Срезневскій, Свѣдѣнія и Замѣтки, № XL, стр. 99*);

русское девясиль, старо-чешское *dewiesil* (*Listy Filologické* 1893 г., стр. 219), польское *dziewiosil*, сербское *дewесиль* (названіе растенія); срв. нѣмецкое *neunkraft* (названіе того же растенія);

русское девяносто (вторая часть не ясна; это слово не принадлежитъ къ числу новообразованій и извѣстно въ древнихъ текстахъ).

7.

Формы дат. ед. и мн. ч. личныхъ мѣстоименій въ славянскихъ языкахъ имѣютъ по двѣ формы: *мзнь* и *ми*, *тебѣ* (*тобѣ*)

¹⁾ Формы мѣстнаго падежа: *v Rybách* (именительный множ. Рыбапу), *v Chrabgách* (им. мн. Chrabрану) и т. п. живутъ до сихъ поръ у словаковъ. См. статью проф. Пастрнка въ *Slovenské Pohl'ady* 1894 г., стр. 253.

и *ти*, *намъ* и *ны*, *вамъ* и *вы*. Но славянскіе грамматики не отмѣтили до сихъ поръ существованія такой же пары формъ дат. пад. также двойств. числа. Только Миклошичъ упомянулъ какъ объ очень рѣдкомъ явленіи — объ употребленіи формъ вин. дв. ч. *на* и *ва* въ значеніи дат. двойств. („Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ“, вып. I, стр. 60); да вслѣдъ за нимъ Бругманъ обмолвился объ формѣ „вин.-дат. *на*“ (*Grundriss der vergleichenden Grammatik*). Но формы *на* и *ва* — формы не винит., а дат. пад. двойств. числа, лишь созвучныя съ формами винит. (срв формы дат. мн. *ны* и *вы* съ созвучными формами вин. мн.), и употребленіе ихъ не представляетъ чего-нибудь особеннаго (если принять во вниманіе рѣдкость употребленія формъ двойств. числа вообще). Вотъ имѣющіяся у насъ данныя: Супрасльская рукопись: *ѣже ва рекъ*, что *ва бысть*, стр. 150, 156; древне-русскій Патерикъ Синайскій XII в.: имѣние *ѣже ва бѣхъ* далъ 19 об.; древне-русскій Паремейникъ 1262 г.: *аще на не даси сести* 88; средне-болгарск. Орбелльская Тріодъ XIII в.: *то ва бждеть въ снѣдъ* 35; средне-болгарскій Сборникъ 1348 г.: *даж вама имѣние еже ва бѣхъ прѣжде далъ*; древне-русскій Прологъ XIV в. Синодальной Библіотеки № 247: *даю ва и свою часть* 268 об.; древне-русская Палея 1406 г.: *отъ всего повелѣ на богъ ясти* 37; Ипатскій сп. лѣт.: *аще ва Богъ поиметь брата моего* 369. Свидѣтельство Ипатскаго списка говоритъ за принадлежность формъ *на* и *ва* не только церковно-славянскому, но и древне-русскому языку.

8.

Извѣстно, что числительное *единъ—одинъ* въ церковно-славянскомъ, русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ, рядомъ съ нечленными (мѣстоименными) формами, имѣетъ еще формы членныя (съ окончаніями членныхъ прилагательныхъ).

Членныя формы, едва ли очень древнія, имѣютъ въ русскомъ языкѣ также числительныя *два* и *оба*, съ нѣсколькими своеобразными окончаніями.

Форма дат.-тв. *двѣима* (вмѣсто ожидаемой *двыима*) не

разъ встрѣчается въ Ипатскомъ сл. лѣт. (между прочимъ, стр. 96, 427, 480, 501).

Форма дат.-твор. *объима* также не разъ встрѣчается въ этомъ же памятникѣ (стр. 291, 295, 297, 521, 562); сверхъ того, форма *обима* находится въ Трѣбникѣ Шереметева XIV в. (изд. Общ. Др. Ис., л. 121) и въ Законѣ Судномъ по сл. XIV—XV в. (*Русск. Достопам.*, II, стр. 150).

Форма род.-мѣстн. *объихъ* обычна въ великорусскихъ документахъ XV—XVII вв.: *объихъ* великихъ князей, у *объихъ*, грамота 1456 г. А. А. Э I, 44; зовуть ихъ *объихъ*, въ *объихъ* селехъ, грамоты XVI в. *Акты Фед.-Чеховскаго* I, 152, 226, и др. (срв. болѣе древнюю юго-зап.-русскую форму *обью*: въ *обею* ушей, *обею* ноздрей, мѣстн., зап.-русск. Страсти Христовы XV в., изд. Общ. Др. Ис., стр. 27; по *обью* сторон(ь?), вкладная 1526 г. въ Ев. Кіевскаго Михайловскаго монастыря, *Крыжановскій*, стр. 170—171).

Современные великорусскіе говоры имѣютъ формы мн. ч. *объимъ*, *объихъ*, *объими* (рядомъ съ однозначными *обоимъ*, *обоихъ*, *обоими*, отъ прилаг. *обой*).

Приведенныя формы образованы одинаково съ членными формами: *тъи* изомроша, Ипатск. сл. л. 589, и т. п., за *такея* на смѣшки, сборникъ пѣсенъ Смирнова, стр. 81 (Владим. губ.), до *кеихъ* поръ¹⁾; срв. формы тв. ед. *тью* деревнею, *тью* землею и т. п., грамота 1473 г. А. Юр. 438.

Формы *треими* тысящами и *трѣими* сты, Ипатск. сл. л. 526 (при формѣ род. мн. *трѣи*, *трѣй*), едва ли могутъ быть названы членными.

9.

Общеизвѣстно, что для логическаго усиленія, одно изъ словъ въ предложеніи можетъ быть удвоено: „*чего-чего* я не видалъ“, „*все-все* я знаю“, „*едва-едва* успѣлъ“ и т. п. Но мало извѣстно, что такого рода удвоеніе слова ведетъ къ образованію новыхъ словъ въ языкѣ (которыя должны быть причисляе-

¹⁾ Срв. выше, стр. 34.

мы къ словамъ сложнымъ). Русскій языкъ имѣеть нѣсколько такихъ новыхъ словъ.

Прежде всего это — мѣстоименія *тотъ* и *сесь* (им.-вин. ед. муж. р.).

Мѣстоименіе *тотъ*, изъ *тѣ-тѣ*, засвидѣтельствовано памятниками съ XII—XIII вв.: такъ называемымъ Златоуструемъ XII в., л. 73 об., смоленскимъ договоромъ 1230 г., Прологомъ 1262 г., новгородскимъ договоромъ 1270 г., рядною Тѣшаты, галицкими грамотами конца XIV и начала XV в. и др. Современные великорусскіе говоры имѣють это мѣстоименіе едва ли не всѣ; изъ бѣлорусскихъ лишь немногіе окраинные; въ малорусскихъ говорахъ оно нерѣдко (здѣсь рядомъ съ им.-вин. ед. муж. рода *тотъ* — им. ед. женск. рода *тотѣ*, им.-вин. ед. ср. рода *тотѣ*, вин. ед. женск. рода *тотѣ*, твор. ед. *тотѣмъ* и *тотѣю* и т. п.).

Мѣстоименіе *сесь*, изъ *сѣ-сѣ*, засвидѣтельствовано памятниками съ XIV в.: Поликарповымъ Евангеліемъ 1307 г., лл. 34 об., 85, Ев. 1393 г., л. 50, Ев. XIV в. Троицкой Лавры № 5, л. 13, галицкою грамотою 1398 г., Лаврентьевскимъ спискомъ лѣтописи, стр. 182, Ипатскимъ спискомъ, стр. 137, 188, и др. Современные великорусскіе говоры имѣють его не всѣ (между прочимъ его не имѣеть подмосковный говоръ, хотя въ московскомъ дѣловомъ языкѣ XVII в. оно было; напр., см. *Дополн. къ Акт. Ист.*, т. VII, стр. 53, 1676 г.); въ нихъ это мѣстоименіе звучитъ и *сесь*, и *сѣсь*; въ бѣлорусскихъ говорахъ оно намъ неизвѣстно; малорусскіе говоры его имѣють, повидимому, не всѣ (въ нихъ рядомъ съ *сесь* — *сесѣ*, *сесѣ*, вин. *сесѣю*, тв. *сесѣмъ*, *сесѣю* и т. п.).

Другіе славянскіе языки этихъ мѣстоименій не имѣють (впрочемъ въ старо-чешскомъ отмѣчено *tet* = *тѣтѣ*; *Gebauer*, *Historická mluvnice*, III, 442); но въ нихъ встрѣчаются однородныя образованія: старо-чешск. им. ед. *tentýž*, род. *tohotož*, им. мн. *titíž*, род. *těchtýchž* и т. п. (*Gebauer*, III, 450—451). Сверхъ того, старый и новый чешскій языкъ имѣеть форму вин. ед. муж. рода мѣстоименія *и*: *jej*, изъ *jij* (*e* вмѣсто *i* — подъ вліяніемъ другихъ падежныхъ формъ того же мѣсто-

именія), рядомъ съ которою формы дат.-мѣстн. ед. женск. рода *jejej*, род. мн. *jejích*, дат. *jejím*, и др. (*Gebauer*, III, 468—469).

Далѣе передъ нами нарѣчіе *тото*: „ужь *тото* крови будетъ течь“, „*тото* будетъ пирь горой“, „*тото* вотъ вы подлый народъ такой“ (Островскій), „*тото* тошно, *тото* грустно“ (народная пѣсня), „*тото* мнѣ и радость, *тото* и веселье“ (народная пѣсня), восходящее къ мѣстоименію *то-то*, которое едва ли слѣдуетъ ставить въ непосредственную связь съ мѣстоименіемъ *тотъ*.

Далѣе передъ нами нарѣчіе *чуть-чуть*, восходящее къ формѣ неопредѣленнаго наклоненія.

Наконецъ, передъ нами предлогъ **взвз*. Нѣкоторые изъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ (данныя относятся къ говору Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи) имѣютъ: *вовз* чистомъ полѣ, *вовз* сине море, *вовз* высокъ теремъ (*Рыбниковъ*, Пѣсни, II, 250); часть южно-великорусскихъ, бѣлорусскіе и малорусскіе говоры имѣютъ *увз*, вмѣсто *вз*, очень часто, особенно передъ гласными: *увз* овсѣ (но также: *уво* снѣ). Совершенно такіе же предлоги находятся въ ново-болгарскомъ языкѣ: *евв* и *свс*.

Родственные индо-европейскіе языки имѣютъ подобныя слова, въ ограниченномъ впрочемъ количествѣ. Напомнимъ, между прочимъ, объ латинскихъ формахъ вин. ед. обычной *sese* и рѣдкихъ *теше*, *tete*, въ лексиконѣ Феста *ешеш* (при старолатинской формѣ вин. ед. *еш*, *ім*, отъ *іс*), объ латинскомъ *quisquis* (съ значеніемъ нашего *кто-кто*, *кто ни*).

Срв. употребленіе рядомъ словъ-синонимовъ въ родѣ *путь-дорога*, *для-ради*, гомеровск. *ἀμφι-περί*, и такихъ сложныхъ словъ, какъ польск. *оба-dwa*, греч. *ἄσ-τις*.

10.

Лаврентьевскій списокъ лѣтописи подъ 1177 г. сохранилъ одну важную форму вин. п.: Глѣбъ приѣха на Московъ. Она позволяетъ намъ смотрѣть какъ на древнія—на формы Ипатскаго списка: на *Моськви* (1175 г.), из *Москве*, до *Москвъ* (1176 г.). Изъ этихъ формъ видно, что первоначально слово *Москва* имѣ-

до формы: имен. п. *Москы*, род. *Москыве* и т. д., склоняясь по образцу *свекры* и другихъ именъ женск. р. на *ы*. Но въ XIV в. уже утвердилась новая форма имен. п. *Москва* и стала склоняться какъ всѣ имена женск. р. на *а*; срв. современн. *смоква*, *тыква*, *церква* и т. п. изъ *смокы*, *тыкы*, *църкы*.

Имя *Москы* (сначала только названіе рѣки) не было единственнымъ мѣстнымъ названіемъ на *ы* въ средней Россіи. Ипатскій списокъ подъ 1147 г. даетъ намъ: верхъ *Поротве*; первоначальная форма имен. п. должна быть **Пъръты*, род. *Пърътзве* и т. д. ¹⁾. Лаврентьевскій сп. подъ 1149 г.: отъ *Стрякве*, перешедше *Стряковъ*; подъ 1142 г.: по *Стрѣквы*; имен. п. долженъ быть *Стрякы* ²⁾.

Позволительно думать, что многія другія названія русскихъ рѣкъ, какъ *Непрядва*, *Смедва* (Тул. г.), *Болва* (Калужск.), *Пожва* (Ряз.), *Иква* (Волынск.), *Титва* (Черниг.), *Немолодва* (Черн.), первоначально имѣли форму имен. п. на *ы*. То же можно сказать и о названіи *Снова*—*Сновъ*, имѣющемъ значительное распространеніе (вѣроятно, изъ **Съны* или **Сьны*).

Языкъ, давшій намъ названія *Москвы* и т. п., вѣроятно, имѣлъ форму им. п. на *ѡ*.

11.

Основы церк.-слав. имперфекта на *аа*, *ѡа* (изъ *аја*, *ѡја*) стоятъ особнякомъ въ ряду славянскихъ глагольныхъ основъ; но не совсѣмъ. Основа *имаа-* (изъ *имајл-*), кромѣ имперфекта, находится въ церковно-славянской формѣ настоящаго времени *имаа-мь*. Другія подобныя основы извѣстны намъ лишь въ двойномъ видоизмѣненіи: 1) со стяженіемъ двухъ *а* въ одно *ѡ*, и *ѡ* и *а* въ одинъ *ѡ* — въ многочисленныхъ формахъ наст. вр. сербскихъ, чешскихъ, польскихъ и т. д.: сербск. *имѡм*, *игрѡм*, чешск. *шѡт*, *игѡт*, *знѡт*, *имѡт*, польск. *там*, *знам* (въ нѣкоторыхъ говорахъ: *том*, *знам*, съ *о* изъ *ѡ*), *имѡет*, и 2) съ опу-

¹⁾ Нынѣ *Протва* (Калужск. губ.).

²⁾ Рѣка въ Переяславскомъ княжествѣ (южномъ).

ніемъ *j*-та и послѣдовавшей вставкою *e* (подъ вліяніемъ основъ съ древнимъ *v*: *быва-ти*, *шива-ти* и т. п.) — въ многочисленныхъ формахъ всѣхъ временъ и наклоненій церковно-славянскихъ, чешскихъ и т. д.: церк.-слав. *страдава-ти*, *конъчава-ти*, *вѣнъчава-ти*, *отвѣщава-ти*, *недоумѣва-ти*, чешск. *областн.* (съ фреквентативнымъ значеніемъ) *sědávati*, *viděvati*. Но древніе памятники сохранили имперфектную основу въ ея неизмѣненномъ видѣ также въ нѣсколькихъ формахъ причастія на *лз*. Одна изъ нихъ находится въ Зографск. Евангелии: *стѣалъ* 37; другія найдены нами въ средне-болгарскихъ текстахъ: *аще ма бисте знаѣле* и *отѣца моего знаали бисте*, Ев. Григоровича XII в. № 1690, л. 54 об.; *аще ма бисте знаали* и *отѣца моего знаали бисте*, Карлинское Ев. XIII в., л. 22; *аще ма бисте знаяли*, *отѣца моего знаяли бисте*, Ев. Бѣлградск. Народн. Библи. XIII в. № 63, л. 20; *знаали*, Ев. Верковича XIII—XIV в. Q. I. 43, лл. 12, 12 об. (дважды); *знаати*, Сборникъ Григоровича XIV в. № 1703, л. 5 об.; срв. ново-болг. *живеал* (*Arch. für slav. Phil.*, XIII, 545), макед. *знаял*, *желаял*. Сербскій Шестодневъ 1263 г., списанный со средне-болгарскаго оригинала, имѣетъ: *вѣдѣати* 8, *ослабѣавѣша* 37 об.; русская Минея 1097 г.: *освѣщаянъ*, л. 58. Сверхъ того, молдавскія грамоты XV—XVI вв., писанныя на смѣшанномъ русско-болгарскомъ языкѣ, имѣютъ разнообразныя формы глагола *пріяяти* (между ними и форму неопред. накл.; сборникъ Уляницкаго, стр. 37, 38, 40 и друг.), съ значеніемъ ц.-слав. *пріяти*; польскіе говоры—формы глагола *ziajać* (*Sprawozd. Komiss. jez.*, IV, 352) = *зьяять (зѣвать) и сѣверно-великорусскіе говоры—формы глагола *съяять*, *зьяять* (сіять; *Пермскій Сборникъ*, I, 20; Пѣсни, собр. *Кирѣевскимъ*, IX, 128; *Р. Филол. Вѣстн.* 1899 г., № 1, 60; *Соколовъ*, *Великор. свад. пѣсни...* Саратов. губ., 37, и др.).

Столь широкое употребленіе имперфектныхъ основъ показываетъ, что намъ нѣтъ надобности придумывать хитрыя теоріи происхожденія славянскаго имперфекта, и что мы должны признать въ имперфектѣ одно изъ образованій сигматическаго аориста, не имѣющее значенія аориста вслѣдствіе того, что его основа имѣла сильно-длительное видовое значеніе ¹⁾.

¹⁾ Срв. нашу замѣтку въ *Р. Филолог. В.* 1882 г., № 2.

12.

Многимъ кажется смѣлымъ объясненіе въ древне-русской формѣ 1 л. мн. ч. *есмя* конечнаго *я* изъ *а*. Въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли эту форму поставить въ связь съ словинскими, словацкими, польскими формами 1 л. то множественнаго, то двойственнаго числа на *ма* (словинскія *sta*, *hodma*, польскія *śma*, *będziema*, словацкія *trhama*), и съ литовскими медіальными формами 1 л. мн. на *то-s*, русскіе родичи которыхъ, формы 1 л. мн. *знаема*, *дѣлаема*, указаны Далемъ въ говорѣ Вышневолоцкаго уѣзда? Срв. въ житіи св. Симона Воломскаго XVII в. (составленномъ на сѣверѣ Руси): двѣ женѣ повѣдаше о себѣ яко много скорбѣхома... обѣщахомася... прияхома (Синодальная Библіотека, № 406, лл. 36 об., 37), и въ одномъ Евангеліи XVII же в.: *есма*, *пріидема*, *сотворима* (Описание рукописей Московской Синодальной Библіотеки, I, 288).

13.

Бѣлорусскіе говоры Могилевской губ. имѣютъ формы 3 л. ед. и мн. наст. вр. на *ти*:

по мнѣ, широкой дорози, *йдути* и *ѣдутъ*,
 пусть не *ожидаяти* ето лѣтечко мене,
 пусть *ожидаяти* послѣ зимы,
 што ето за мѣсячко: ночьюю *свѣтити*, а днемъ не,
 што ето за другъ: лѣтомъ *ходити*, зимой не,
 рѣчи *говорати*, любить Ванюшку *хотятъ*,
 голова *загорѣлася* была, *горити*, *горити*,
 во такъ игрушку (грушу) *садыати*, во такъ поливають,
 отецъ и мацѣ до школы *пойдуци*,
 подружки *говорати*, мене *глупою* зовутъ,
 жонки *йдути*, *обѣдати* *несути*,
 уся хлопци *бѣгути* ¹⁾, и др.

¹⁾ Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, вып. I—II, стр. 80, 90, 103, 117, 180, 184, 199, 213, 230, 231 (въ пѣсняхъ).

Эти формы не чужды великорусскимъ говорамъ: въ Калужской губ.: кого мнѣ любить *будети?* ¹⁾; въ Олонецкой губ.:

Онѣ пѣсенку, лебедушки, спѣваютьи,

Мнѣ волюшку онѣ да спотѣшаюти

И меня вотъ, дѣвушку, онѣ да звеселяюти ²⁾.

Прежде мы готовы были видѣть въ нихъ архаическія формы 3 л. съ особымъ окончаніемъ, совершенно отличнымъ отъ окончанія *тъ* ³⁾. Но теперь намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что эти формы — потомки тѣхъ древне-русскихъ формъ 3 л. на *ти*, которыя образовались изъ формъ на *тъ* при послѣдующемъ *j*-тѣ (*ведети* и, *ведути* и т. п.) ⁴⁾ и которыя особенно часто встрѣчаются въ древне-русскихъ текстахъ кievскаго и галицко-волынскаго происхожденія.

Сравни формы 1-го л. ед. имперфекта на *хи*, старыя хорватскія (между прочимъ въ рукописяхъ Крижанича) и современныя чакавскія: *говорахи*, *копахи*, *хояхи* (= церк.-слав. *хождаахъ*). Покойный Гейтлеръ возводилъ *хи* этихъ формъ къ *хы*, *сы*, *sup*, *sum*, *sam* ⁵⁾. Но едва ли это окончаніе не находится въ тѣснѣйшей связи съ окончаніемъ формъ 3-го л. ед. и мн. *ты* древнихъ церковно-славянскихъ памятниковъ, образовавшимся изъ *тъ* при послѣдующемъ *j*-тѣ: *ведетьы* и, и т. п. ⁶⁾, и не восходитъ къ окончанію *хы* формъ *ведѣахы* и (съ послѣдующимъ *j*-томъ).

14.

Древне-русскіе списки съ церк.-слав. оригиналовъ нерѣдко имѣютъ формы 2 л. ед. *хощи* и *обрящи* въ двухъ значеніяхъ: 1) повел. н. и 2) изъявит. н. (по преимуществу въ придаточныхъ предложеніяхъ):

не упадаися на доброту женъскѣ и женѣ не *похошти*,
Пандекты Антіоха XI в. 40 об.;

¹⁾ *Калужскія Губернскія Вѣдомости* 1860 г., № 27—28 (въ пѣснѣ).

²⁾ *Славянская*, Описаніе русск. крестьянской свадьбы, II, 13.

³⁾ Изслѣдованія въ области русской грамматики.

⁴⁾ Срв. нашъ „Древній церковно-славянскій языкъ“, стр. 104.

⁵⁾ *Rad Jugoslovenske Akademije*, кн. LVIII, 1881 г.

⁶⁾ Нашъ „Древній церковно-славянскій языкъ“, стр. 103

не отиди ни *взсхоуци* себе отълучити, Синайскій Патерикъ XII в. 66 об.;

обряуци ἀναζητήσου, Тріодь Постн XII в. Синод. Библи. № 319, л. 240;

приобряуци κτήσα, Лѣствица XII в. 194, и т. п.;

блюдися, коликы *хоуци* труды погубити, Синайск. Патер. XII в. 11 об.;

рече ми: *хоуци* ли, да глаголю, Син. Пат. 134;

аще *хоуци* друга и створити, то вельми одължи его, Златоструй XII в. 18 об.;

ельма велии еси, тольма смираися, и *обряштил* благодать, Панд. Ант. 99; и т. п.

Церк.-слав. формѣ *хоуци* соотвѣтствуетъ др.-русск. *хочь*, теперь въ русскихъ говорахъ звучащая или *хочь*, или *хошь*.

Образованная одинаково съ ц.-слав. *виждь*, *даждь* и др., др.-русск. *вижь*, *дажь* и др., она показываетъ, что въ ней мы имѣемъ дѣло съ древнею формою желательнаго накл., отчасти сохранившею это свое значеніе, но главнымъ образомъ получившею значенія повел. и изъявит. накл.

Существованіе церк.-слав. формъ въ родѣ *вижди*, *дажди*, правда, рѣдкихъ, подкрѣпляетъ наше мнѣніе о большей древности окончанія *ь* въ **хоуць*, *хочь* передъ окончаніемъ *и* въ *хоуци*.

Кромѣ формъ *хоуци* и *обряуци*, мы имѣемъ форму *можь*. Ея образованіе должно быть однородно съ образованіемъ *даждь*, **хоуць*.

Форма *можь* (произносится: *мош*) въ онежскихъ былинахъ имѣетъ значеніе 2 л. ед. изъяв. н.: *бѹде (если) мошь отлить ты кровь, не мошь ты живѣ бытъ* (*Гильфердингъ*, стр. 97, 92), и т. п.

Малорусское *можь* употребляется безъ яснаго значенія лица, въ смыслѣ нашего *можно*: така красота, що не *можь* ся надивити; на дворі морозь, гуляти не *можь*; ту стояти не *можь*, и т. п.

Сербскія народныя пѣсни имѣютъ *мош* = можешь: акол' не *мош* одвести сватова (*Караджичъ*, II), и т. п.

Старые чешскіе тексты имѣютъ *тожъ* и *тиоужъ* то съ значеніемъ 3 л. ед., то въ смыслѣ *можно*: *miřeniĭ ne tmož své*

kuožè proměnitì, to již jinak ne *muož* byti (Svatovitský Ru: kopis, стр. 157, 189), и т. п.

Первоначальное значеніе формы *можь* — 2-е и 3-е л. ед. ед. желательн. (=могъ бы) и далѣе изъяс. п.

Русская форма 2 л. ед. повел. не *трожь* = не трогай и польская *prosz* — одного образованія съ формою *можь*. Въ нихъ *ж* и *ш* образовалось изъ *ĵ* и *šĵ*, гдѣ *ĵ* принадлежитъ, очевидно, суффиксу желат. п.

15.

Проф. В. К. Поржезинскій полагаетъ, что формы возвратнаго залога на славянской и литовской почвахъ — явленіе вполне новое.

„То немногое, читаемъ мы у него („Возвратная форма глаголовъ въ литовскомъ и латышскомъ языкахъ“, стр. 86), что намъ извѣстно изъ прусскаго языка, съ достаточной ясностью свидѣтельствуетъ въ пользу того, что въ *общепалтійскую эпоху* не было еще формы возвратнаго залога... Мы имѣемъ неопровержимое свидѣтельство (при всѣхъ недостаткахъ текстовъ) въ пользу того, что въ прусскомъ языкѣ извѣстны были только словосочетанія, заключающія въ своемъ составѣ глаголъ и возвратное мѣстоименіе“. Авторъ ссылается на „Thesaurus“ Нессельмана, стр. 150, гдѣ однако нѣтъ ничего, что подтверждало бы его слова. Но дѣло не въ этомъ, а вообще въ памятникахъ прусскаго языка. При поверхностномъ даже сличеніи прусскаго перевода „Катехизиса“ и „Энхиридіона“ съ ихъ нѣмецкими оригиналами видно, что этотъ переводъ букваленъ до бессмысленности, что переводчикъ слѣдовалъ за нѣмецкимъ текстомъ буква за буквой, передавая каждый нѣмецкій членъ черезъ прусское указательное мѣстоименіе, каждое нѣмецкое *miſch, dich, sich* — черезъ соотвѣтствующія прусскія мѣстоименныя формы. Такимъ образомъ, искать у него существовавшихъ въ прусскомъ языкѣ возвратныхъ формъ невозможно, и все, что имъ дается для перевода нѣмецкихъ возвратныхъ формъ, не имѣетъ никакого отношенія къ живымъ прусскимъ возвратнымъ формамъ. Словомъ, даже спорнаго

свидѣтельства pro или contra для даннаго случая прусскіе тексты въ себѣ не заключаютъ.

По мнѣнію проф. Поржезинскаго, старыя образованія (каковы и формы возвр. зал.) сначала утрачиваются языкомъ; потомъ слѣдуетъ періодъ въ жизни языка, когда языкъ обходится безъ старыхъ образованій и не имѣетъ еще новыхъ; наконецъ уже онъ создаетъ эти послѣднія.

Но это мнѣніе не подтверждается исторіей языка. Она говоритъ о тѣсной связи старыхъ образованій съ новыми, объ ихъ сожителствѣ рядомъ и объ вытѣсненіи однихъ, устарѣвшихъ, другими, болѣе живыми. Такимъ образомъ, славянскія и литовскія формы возвр. зал., не смотря на то, что по своему образованію они далеки отъ формъ возвр. зал. санскритскихъ, греческихъ, латинскихъ, по своему значенію и употребленію находятся въ близкомъ родствѣ съ ними и восходятъ (опять таки только по значенію и употребленію) къ формамъ возвр. зал. обще-индо-европейскаго праязыка.

16.

Какъ извѣстно, древне-русскія и чешскія причастія настоящаго времени на *a*: *рька*, *йка*, *ида*, *йда* (= церк.-слав. *река*, *иды*) и т. п., объясняются учеными различно. Они находятся въ языкахъ, утратившихъ носовые гласные, и ихъ *a* можетъ быть возводимо къ *а*. Но до сихъ поръ никто не обратилъ вниманія на польскія причастія. Нѣсколько лѣтъ назадъ открытыя проф. Брюкнеромъ въ Имп. Публичной Библіотекѣ польскіе отрывки XIV в., отличающіеся богатствомъ архаическихъ чертъ языка ¹⁾, имѣютъ нѣсколько разъ причастную форму *rzeка*, при которой лишь одинъ разъ находится форма *rzeke*. Г. Брюкнеръ видитъ въ ней чехизмъ, но безъ малѣйшаго основанія: памятникъ не имѣетъ несомнѣнныхъ чехизмовъ (кромѣ формы дат. *nikomeshi* никому, о которой однако слѣдуетъ еще произвести

¹⁾ Въ нихъ находится рядъ формъ аориста (изъ нихъ формы 3-го л. мн. съ окончаніемъ *chq*), форма *jesć* (=есть), формы им. и вин. мн. ч. ср. р мѣстоименій (*ta ista słowa*), формы *togo*, *tomu*. Отрывки („Kazania Świętokrzyskie“) изданы въ *Prace Filologiczne*, т. III, вып. 3, 1891 г.

изслѣдованіе); частое употребленіе этой формы и ея *e* говорятъ въ пользу ея вполне польскаго происхожденія; другія данныя также заставляютъ смотрѣть на нее, какъ на польскій архаизмъ. Она не составляетъ особенности петербургскихъ отрывковъ и не разъ встрѣчается въ Шарошпатацкой Библии XV в.: *rzeka*, съ тѣмъ же *e*, рядомъ съ формою *rzke*. Только при ея помощи можетъ быть объясненъ такой современный польскій потомокъ причастныхъ формъ, какъ *chocia* (ц.-слав. *хотѣ*; срв. въ петербургскихъ отрывкахъ: *robudzaję*, *ramięta-ję* и т. п.; въ Шарошпатацкой Библии: *winię*, *chcę*).

Польскія формы *rzeka* и *chocia* дѣлаютъ очевиднымъ, что *a* древне-русскихъ и чешскихъ причастій не можетъ быть объяснено какъ *a* въ современныхъ русскихъ *идя*, *неся*, и что сего необходимо ставить въ непосредственную связь съ *ь* въ церк.-слав. *рекъ* и т. п.

Проф. Калина въ своей „Исторіи польскаго языка“ о причастныхъ формахъ на *a* не упоминаетъ.

Т о л т р ы.

Малорусы Подольской губ. называютъ находящіеся у нихъ отроги Карпатскихъ горъ, высокіе холмы съ усѣченными вершинами — *тоўтры*, *толтры*. Если мы припомнимъ возможность здѣсь диссимиляціи плавныхъ, то мы возстановимъ древнѣйшую русскую форму этого названія въ видѣ **тзртри*, **тзртзри* или **тзртзри* ¹⁾.

Др.-чешское *Trtri* (Козма Пражскій; списки имѣютъ написанія *tritri*, *tritry*) вполне подтверждаетъ наше возстановленіе.

Трудно сомнѣваться, что есть какая-то связь между формою **Тзртри* и нынѣ существующею обще-употребительною у ближайшихъ славянъ *Tatry*, род. *Tatrou*; такъ, какъ извѣстно, называютъ отдѣльныя части Карпатъ. Приходится предположить, что **Тзртри* перешло къ славянамъ отъ первоначальныхъ собственниковъ этого названія и представляетъ древнѣйшую форму названія, а **Татри* получено славянами много позже, когда они уже сдѣлались собственниками или мѣсть ближайшихъ къ Карпатамъ, или самыхъ Карпатъ.

См. выше — сказанное нами о названіяхъ *Селигеръ* и *Бескидъ*.

¹⁾ Синайскій Требникъ, по изд. Гейтлера стр. 94, имѣетъ: въ глѣбины *трѣторъскыя* прѣданъ. Рѣчь идетъ, конечно, о классическомъ Тартарѣ.

П о п р а д ъ.

Горная рѣчка, носящая названіе *Попрадъ*, притокъ Дунайца (притока Вислы), вытекаетъ изъ словацкой области (изъ Татръ) и течетъ въ предѣлахъ угорскихъ между горами. Ея названіе — сложное слово, вторая часть котораго тождественна со второй частью названія рѣчки *Сно-породъ* или *Сне-породъ*, извѣстнаго намъ изъ лѣтописи по Ипатскому списку подъ 1170 и 1187 гг. и изъ нѣсколькихъ позднихъ документовъ; нынѣ *Слѣпородъ*, въ Полтавской губ., близъ Лубенъ (притокъ Днѣпра). Первоначальная форма этой части — *пърд*-, необъяснимая при помощи славянскихъ языковъ.

Тождество двухъ названій для рѣчки, одного въ Закарпатьѣ, другого у Днѣпра, свидѣтельствуетъ о близкомъ родствѣ населенія въ этихъ мѣстахъ въ до-славянскую эпоху.

Срв еще названія рѣкъ: 1) *Торецъ* и *Ториця* (притоки Тисы) въ Угорской Руси, *Торъ* (притокъ Донца) между Дономъ и Днѣпромъ и *Торуса* въ Калужской губ.; 2) *Вагъ* (притокъ Дуная) въ словацкихъ предѣлахъ и *Вага* (притокъ Десны) въ Черниговской губерніи.

Нѣсколько этнографическихъ названій.

1. Чехъ.

Рядомъ съ обычною формою *чехъ* древне-русскіе тексты имѣютъ менѣе обычную форму *чахъ*. Такъ, въ Лаврентьевскомъ сп. лѣт. (стр. 25) мы читаемъ *чахи* (вин. мн.); въ Троицкомъ сп. лѣт. (тамъ же): *чахи*; въ Ипатскомъ спискѣ (стр. 102): *чяхы*. Академическій списокъ Суздальской лѣт XV вѣка имѣетъ *Чахове* (им. мн.; Лѣт. по Лавр. сп., стр. 476), и т. п. Однородные случаи употребленія формы *чахъ* мы встрѣчаемъ въ другихъ спискахъ русскихъ лѣтописей (не исключая и сводной лѣтописи московскихъ царей XVI—XVII в.), въ документахъ „Крымскихъ дѣлъ“, связанныхъ съ московской великокняжеской канцеляріей (здѣсь въ документѣ 1492 г.: о *частяхъ, чаской* — король — съ угорскимъ бился), въ юго-западно-русскомъ переводѣ польскаго Вислицкаго статута (здѣсь: *часкаричь* = чешскій языкъ). Населеніе Архангельской губ. еще сохраняетъ выраженіе Начальной лѣтописи „между *чахи* и *ляхи*“ въ значеніи: ни то, ни се ¹⁾.

Изъ южно-славянскихъ текстовъ мы можемъ указать лишь на одинъ сербскій списокъ апокрифа, гдѣ *чахове*, им. мн. (рядомъ съ *чехъ, чешкаа; Тихонравовъ*, Пам. отреч. р. литер. II, 441). Въ западно-славянскихъ текстахъ мы не нашли формы *чахъ*; но надо отмѣтить приведенныя Гебауэромъ въ его старо-

¹⁾ Любопытно, что въ верхне-лужицкомъ языкѣ есть выраженіе: *to su moje śechi i lechi* (*Wisła*, X, 148), въ значеніи: это — все мое достояніе.

чешскомъ словарѣ старыя чешскія мѣстныя названія *Sachov* и *Sachovici*.

Мы не согласны ни съ одной изъ предложенныхъ этимологій слова *чехъ*. Намъ кажется, что послѣднее необходимо считать образованнымъ одинаково съ словами обще-сл. **лѣхъ*¹⁾ и русскимъ *польхъ* (откуда *польшукъ*). Первое, въ виду др.-русск. прилагательнаго **лѣдъскъ* польскій, должно считаться производнымъ отъ **лѣда*; второе находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ *польсье* лѣсистая страна. Первоначальный видъ слова *чехъ*—*чехъ*, кажется, опредѣляется ср.-в.-нѣмецкимъ *kebse concubina*, и др.-сѣвернымъ *kefser Sklawe* (Kluge); срв. нѣм. *sklawe*, англо-сакс. *wealh Sklawe*; мы можемъ его возстановить въ видѣ **кѣпсъ*, *кѣпсъ*.

Если мы правы, видя въ *чехъ* *чехъ* корень *чеп*—*чан*, мы должны связать эти слова съ русскими глаголами *чепати*, *чанати* зацѣплять, захватывать, родственники которыхъ имѣются во всѣхъ славянскихъ языкахъ, и съ существительными русск. *чанъ*, ст.-чешск. *čep*, *čar* (Gebauer) цѣпъ, болг. *чепъ*, *чепка* сукъ, *чепатъ* суковатый, русск. *чепица*, *чепыца* деревянная часть плуга (Даль), польск. *czariga*, *czepiga* id., и т. п.

2. Хорватъ.

Списки нашей Начальной лѣтописи, говоря о *хорватахъ*, передаютъ ихъ названіе двойкимъ способомъ. Лаврентьевскій списокъ имѣетъ *хрвате* 5, *хрвате* 12, *храваты* 44 (дважды), *хорваты*, *хорватскыя* 119; въ Троицкомъ си. было *хрвате* и *хорвате*; въ другихъ спискахъ постоянно: *хорвате*. Написаніе *хорватъ* легко объяснимо изъ *хрзватъ* (срв., между прочимъ, *гортанъ* изъ *грзтанъ*); а написаніе *хрзватъ* имѣетъ всѣ признаки древности. Константинъ Багрянородный пишетъ: *Χρωβάτοι*, *Βελοχρωβάτοι*; въ грамотѣ объ учрежденіи пражской епископіи (подлинной или подложной, для насъ безразлично, въ виду ея несомнѣнной древности): *Словати et altera Chrovati*; грамоты

¹⁾ На *л* въ этомъ словѣ указываютъ сербскія формы *лехъ*, *леси* (наприм. въ записяхъ сербскихъ книгъ, у Л. Стожовича №№ 1092, 1094).

хорватскихъ князей, царь, угорскихъ королей изстари имѣютъ *Chrovati, Chrobati, Croati* (см. „Rječnik“ Юго-славянской Ак. II.); здѣсь въ *ro* можно видѣть только передачу славянскаго *рѣ*, никакъ не *ѣр*.

Странное *Charvat*, извѣстное изъ старыхъ чешскихъ текстовъ, живетъ до сихъ поръ у прибалтійскихъ словинцевъ. Они всякаго мужчину (или мужика) называютъ *karvatk* (*Tetzer, Die Slovinzen, стр. 2*)¹⁾.

Вторая часть разсматриваемаго здѣсь этнографическаго названія обращаетъ на себя вниманіе близостью ко второй же части скифо-сарматскихъ племенныхъ названій: *Σαρμάται, Σορμάται, Παραλάται, Αδχάται*.

3. Г ъ т и н ъ и друг.

Др.-русскіе памятники знаютъ народное названіе *гѣтинъ*, мн. ч. *гѣте*.

Документы Новгорода и Смоленска XIII—XIV вѣковъ такъ именуютъ жителей о. Готланда. Слово о полку Игоревѣ называетъ этимъ названіемъ готовъ жившихъ въ концѣ XII в. въ Крыму. Святцы при церковныхъ книгахъ и Прологъ пользуются имъ для обозначенія готовъ вообще (Апостоль 1307 г.: Савы *Гтина* 163 об.; Прологъ XIII в. Типогр. Библ. № 372, подъ 15 апрѣля, когда воспоминается церковью страсть св. Саввы Готина: *гѣтинъ, гѣтскому князю, страны гѣтския*, и т. п.).

Памятники, переведенные съ греческаго на церковно-славянскій языкъ не въ Россіи, имѣютъ только: *готѣ*, мн. *готѣи*.

Германская форма, легшая въ основаніе древне-русскаго названія, имѣла на мѣстѣ славянскаго *ѣ* германское *ū*: *gut*.

¹⁾ Срв статью проф. Поливки: „*Chorvát, Charvát či Chrvát?*“, *Slovansky' Sbornik* 1884 г. Гейтлеръ связывалъ названіе *хорватъ* съ тѣтовск. *šarvas* оружіе, *šarvotas* вооруженный („*Etimologija imena Hrvat*“, *Rad*, XXXIV, 1876 г.), — по нашему мнѣнію, неудачно. Проф. Браунъ сближаетъ это названіе съ германскимъ названіемъ Карпатскихъ горъ *Harfatha*, — также неудачно.

Наша Начальная лѣтопись по старшимъ спискамъ имѣетъ нерѣдко написаніе *тѣрѣзъ*, мн. ч. *тѣрѣци*. Такъ назывались у русскихъ до-монгольскаго періода кочевники тюркскаго происхожденія (изъ сыновъ Измаиловыхъ, какъ выражается подъ 1096 годомъ авторъ лѣтописи), родственные съ печенѣгами и половцами. Они были, повидимому, остаткомъ большого племени, нѣкогда игравшаго роль въ южно-русской степи, вынужденные напоромъ своихъ единоплеменниковъ отойти къ русскимъ поселеніямъ и отдаться подъ защиту и покровительство русскихъ князей. Послѣ татарскаго нашествія на Русь объ нихъ въ нашихъ источникахъ нѣтъ уже извѣстій.

Если мы сравнимъ ихъ названіе съ названіемъ русск. *тѣрокъ*, *тѣрка*, мн. *тѣрки*, сербск *тѣракъ*, *тѣрѣци*, польск. *turk* и т. п., то мы увидимъ ихъ значительную звуковую близость. Разница въ одномъ: древне-русская форма имѣетъ *ѣ*, а новѣйшая славянская — *у* послѣ *т*.

Начальная лѣтопись, переименовывая народы Балтійскаго побережья, упоминаетъ о племени *кѣрсы*. Это, конечно, то племя, которое у позднѣйшихъ литовцевъ называется *kuršē*, а у латышей *kuršē*, одно лицо изъ этого племени — *kuršaitis*. И здѣсь мы имѣемъ слав. *ѣ* на мѣстѣ чужого *й*.

Слово о полку Игоревѣ, говоря о половцахъ, одинъ разъ называетъ этотъ народъ *хынозъ* или *хынова* („великое буйство подаста хынови“) и одинъ же разъ употребляетъ прилагательное *хыновъскъ* (чему мычещи *хыновъскыя* стрѣлки = зачѣмъ несешь половецкія стрѣлы); сверхъ того, одинъ разъ въ немъ употреблено названіе *Хынова*, можетъ быть, для обозначенія варварскаго народа вообще (многы страны Хынова, Литва, ятвязи, Деремела и половци сулицы своя поврѣгоша).

Передѣлка Слова о полку Игоревѣ XIV в., Задонщина употребляетъ названіе *хынове* въ значеніи: татары: на восточной сторонѣ жребій Симвъ, тамъ родишася *хынове* поганые тата-

рова; идутъ *хынове* на русскую землю; рядомъ прилагательное *хыновскій* въ значеніи татарскій ¹⁾).

Трудно сомнѣваться, что первоначально др.-русское *хынъ*, мн. ч. *хынове* было обще-славянскимъ названіемъ народа гунновъ: греч. Οὔνοϛ, лат. Hunus, Hunus, др.-в.-нѣм. hūn.

Здѣсь мы имѣемъ соотвѣтствіе славянскаго *ы* звуку *ū* другихъ языковъ.

Поляки и чехи называютъ саксонца *sas*. У старыхъ сербовъ и болгаръ было въ употребленіи этнографическое названіе *сасинъ*, повидимому, въ значеніи: саксонецъ ²⁾. Оба слова — и *Сасъ*, и *Сасинъ* — знали и старые русскіе, но пользовались ими какъ-будто исключительно въ качествѣ личныхъ собственныхъ именъ (отъ которыхъ затѣмъ пошли мѣстныя названія). Одна изъ двинскихъ грамотъ XV в. упоминаетъ о лицахъ: *Сасини* дѣтѣ (*Акты Юрид.*, 111) ³⁾. Германскій оригиналь звучалъ *saks-*.

Данія (первоначально германское племя *дановъ*) въ 1-й Новгородской лѣтописи по Синодальному списку называется *Донь*, а датскій король въ зап.-русскихъ лѣтописяхъ именуется: *доньскій* (*Полн. собр. р. лѣтоп.* XVII, 61, 176, 177). Срв. польск. *dmieczyk* датчанинъ, съ *и* изъ *о*.

Всѣ ⁴⁾ приведенныя выше этнографическія названія (кромя послѣдняго) своими звуковыми особенностями: *ъ* на мѣстѣ *ū* другихъ языковъ, *ы* на мѣстѣ *ū* другихъ языковъ и *с* на мѣстѣ *жс* другого языка — свидѣтельствуютъ, что носившіе ихъ народы были извѣстны славянамъ еще въ глубинѣ обще-славян-

¹⁾ По изданію *Шамбинаго*, стр. 120, 123, 126, 127.

²⁾ Одинъ изъ дубровницкихъ писателей — Антунъ *Сасинъ*.

³⁾ Одинъ текстъ южно-славянскаго происхожденія отличаетъ *са-си* отъ *нѣмьци*. *Тихонравовъ*, Пам. отреч. р. литер. II, 446

⁴⁾ О *Весь*, гдѣ *с* изъ болѣе древняго *жс*, объ *Ижера*, гдѣ *ж* изъ *с*, и др. см. выше — въ статьѣ о названіи озера *Селигеръ*.

скаго періода, задолго до распаденія обще-славянскаго языка на отдѣльные славянскіе языки, когда чужому *й* стало соотвѣтствовать славянское *у*¹⁾.

Послѣднее же названіе — *Донь* — своимъ *о* на мѣстѣ германскаго *а*, находящимся — что важно — въ двухъ славянскихъ языкахъ, говоритъ только объ нѣкоторой древности знакомства славянъ съ германскими данами.

4. Половцы.

Миклошичъ въ своемъ „Этимологическомъ словарѣ слав. яз.“ (стр. 256) находитъ невозможнымъ приводить въ связь русское названіе народа *половцы* и чешское *plavci* съ прилагательными церковно-славянскимъ *плавъ*, русскимъ *половый*, потому что, по его мнѣнію, половцы не были бѣлокурными. Подѣло не въ томъ, было ли въ половцахъ что-нибудь „половаго“, а въ названіи ихъ главной орды. Мы знаемъ нѣсколько названій татарскихъ ордъ, между прочимъ, орду *синюю*; нѣмцы называли половцевъ *Blawen, Blauen* — синими, голубыми; словинское и сербское *плав*, между прочимъ, значить: голубой; малорусское *половый* иногда употребляется какъ опредѣленіе воловъ голубоватаго цвѣта. Въ виду этого, можно думать, что половцы были названы у насъ, у другихъ славянъ и у нѣмцевъ по имени своей главной орды, такъ что связь ихъ славянскихъ названій съ *плавъ, половый* не подлежитъ сомнѣнію.

Собственное названіе половцевъ было, въ русской передачѣ, — *кумане* (Начальная лѣтопись подъ 1096 г.: *кумани*, рекше половцы), откуда русское собственное имя, превратившееся потомъ въ фамилію: *Куманинъ, Ко(а)манинъ*.

5. Рахмане.

Объясняя русское слово *рахманый*, Миклошичъ („Этим. словарь“) находитъ возможнымъ оставить въ сторонѣ древне-

¹⁾ Это соотвѣтствіе славянскаго *у* — въ *пруси* (Начальная лѣтопись) и друг.

русское *врахмане* — *βράχμανοι*, но неосновательно. Разказы объ индійскихъ брахманахъ въ Александріи, въ апокрифическомъ хожденіи Зосимы и т. п. сдѣлали чрезвычайно популярнымъ у насъ имя *рахмановъ*, вслѣдствіе чего не представляется невозможнымъ образованіе у насъ отъ него прилагательнаго *рахманный* съ значеніями: чудной¹⁾, смиренный. Во всякомъ случаѣ связь приведенныхъ Миклошичемъ малорусскихъ *рахманинъ* (постимо якъ *рахманы*), *рахманьскій* (великдень) съ древне-русскими *рахманами* не подлежитъ сомнѣнію.

Превращеніе *врахмане* въ *рахмане* относится ко времени не позднѣе XIV в. Василій архіеп. Новгородскій въ своемъ посланіи о земномъ раѣ пишетъ это слово безъ *в*. Въ текстахъ XV—XVII вв. форма его безъ *в* вполне обычна²⁾.

6. Срацининъ.

Близкая связь этого церк.-слав. слова съ греч. *Σαρακηνός* и лат. *Saracēnus* не подлежитъ сомнѣнію, но отъ котораго изъ нихъ оно происходитъ?

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить: ни отъ того, ни отъ другого.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такимъ же словомъ, какъ ц.-сл. *цръкы*, др.-русск. *църькы*, какъ *цъсарь*, *цѣсарь*, какъ *оцъть*, какъ *Беръ*, имя города, = *Βερροία* (въ *Берѣ*, *Берѣ*, *Путятинѣ* Миняя XI в. 61, 108; *Бера* Фрачьскааго, Святосл. Сб. 1073 г. 263, и др.), которыя перешли къ славянамъ Балканскаго полуострова отъ болѣе ранняго, очень смѣшаннаго населенія этого полуострова; въ составъ послѣдняго входили элементы греческіе, романскіе, германскіе и др. Повидимому, греческія слова нерѣдко произносились съ латинскимъ *ц*³⁾ и съ латинскимъ же удареніемъ. На мѣстѣ греческой *β* слышалось не *в*, какъ у грековъ, а *б*, и т. п.

1) У Аблесимова: „што ты это чудесишь? этакій *рахманный*!“ (Мельникъ, колдунъ...).

2) *Поповъ*, Обзоръ хронографовъ, I, 30, 34, 35 и др.

3) Всѣ латинскія слова въ ц.-сл. яз. имѣютъ *ц* на мѣстѣ лат. *c*, не *ч*

Въ срацининъ *ц* принадлежитъ латинскому произношенію, а слѣдующее за нимъ *и* ¹⁾ — греческому. Опущеніе *а* послѣ *с*, повидимому, также греческое; срв. *парьмя пароцѣа* въ Свят. Сб. 1073 г. 155, *пармя* въ Уставѣ Церк. XII в. Моск. Синод. Библ. 24, 25, 32 об. и др., *сноксарь соуаξάριου* въ томъ же Уставѣ 48 об., 66 об. и др. ²⁾.

Др.-русск. сорочининъ представляетъ скорѣе самостоятельное заимствованіе изъ греч., чѣмъ передѣлку ц.-слав. слова.

¹⁾ Здѣсь мы ожидали бы ѣ: срв. словѣнинъ, критѣнинъ и т. п.

²⁾ Ц.-сл. *Сръдыць* (нынѣ Софія) можетъ восходить къ греч. *Σαρδική*, съ латинскимъ *ц* на мѣстѣ *к*.

Два личных имени.

1) Глѣбъ.

Собственное имя *Глѣбъ* въ надписи на рисункѣ Святославова Сборника 1073 г. написано съ *з* послѣ *г*: Гзлѣбъ. Остальные древне-русскіе тексты, въ которыхъ это имя встрѣчается часто, не имѣютъ въ немъ *з*.

Оно извѣстно только у русскихъ и въ началѣ исторической эпохи было въ употребленіи, повидимому, главнымъ образомъ въ княжескомъ родѣ Рюриковичей.

Во второй части съ нимъ совпадаетъ имя *Улѣбъ*, сохраненное договоромъ Игоря съ греками (вариантъ: *Олѣбъ*). Его носить лицо не княжескаго рода. Сверхъ того, упоминаются *Улѣбъ* тысяцкій въ Кіевѣ (Ипатск. сп. лѣтоп. подъ 1146 г.) и *Улѣбъ* новгородскій посадникъ XI—XII в. (1-я Новгородская лѣт.). Это, вѣроятно — одно и то же лицо.

Старо-чешскій ономастиконъ знаетъ собственное имя *Dět-leb*¹⁾, имѣющее ту же вторую часть.

Эта часть говоритъ о германскомъ происхожденіи всѣхъ трехъ именъ.

Если имя *Гзлѣбъ* по происхожденію — германское имя, то первая его часть должна звучать по-германски *gut-* или *gud-*. Слѣдовательно, первоначальная славянская форма имени была Гъд(т)-лѣбъ.

Заимствованіе этого²⁾ имени славянами могло произойти

¹⁾ Въ документахъ XI—XIII вв. — *Detheleb, Dietlebus, Duleibus (Erben, Regesta Bohemiae et Moraviae, I, указатель)*.

²⁾ Близкія къ *Улѣбъ* скандинавскія формы имени приведены Томсеномъ; это — *Oleifr, Olaf, Olafir, Ulaifr*. Но др.-сѣв. *f* русскими обыкновенно передается черезъ *ф, в, н*: *Фарлофъ, Фрастѣнъ — Црастѣнъ, Мал-*

только тогда, когда еще не совершилось въ обще-славянскомъ языкѣ измѣненія группъ *dl* и *tl* въ *l*, и когда норманны еще не могли имѣть значительнаго вліянія на славянъ¹⁾.

Какое именно германское племя дало славянамъ имя *Гльбъ*, пусть рѣшаютъ германисты.

2) Олъстѣнь.

Договоръ Игоря съ греками имѣетъ личное имя *Фрастѣнь*, *Ирастѣнь*, по Томсену, отъ скандин. *Freysteinn*. Оно стоитъ въ русскомъ ономастиконѣ столь одиноко, что приходится видѣть въ немъ одно изъ многочисленныхъ скандинавскихъ именъ этого договора.

Его вторая часть находится еще въ имени *Олъстѣнь*, которое носитъ рязанскій бояринъ, упомянутый въ Лаврентьевск. сп. лѣт. подъ 1177 г. Впрочемъ приведенное написаніе принадлежитъ Радзивиловскому и Академическому спискамъ; а Лаврент. списокъ имѣетъ *Олъстѣнь*.

Искоростѣнь, род. п. -я, имя города въ Древлянской землѣ. По образованію, это — прилагательное отъ личнаго имени *Искоростѣнь*.

Полкъстѣнь, род. п. -я, имя города въ южно-русской степи, упомянутого подъ 1125 г. (Лавр. сп.). И это названіе — прилагат. отъ личнаго имени.

Данныя русскаго языка не даютъ объясненія. Повидимому, эти имена — скандинавскаго или вообще германскаго происхожденія.

Фрѣдъ, *Рулавъ*, — очень рѣдко черезъ *б*. Значитъ, возможно, что имя *Улѣбъ* заимствовано у другихъ германцевъ

¹⁾ Отмѣтимъ два мѣстныхъ названія. Одно — *Сѣитязь*. Оно принадлежитъ двумъ озерамъ 1) во Владимиро-волинскомъ уѣздѣ Волинской губ. и 2) въ Новогрудскомъ уѣздѣ Минской губ. О первомъ см. въ *Кіевск. Старинѣ* 1901 г. № 3, стр. 144. Другое, названіе города (нынѣ Гродн. губ.), въ зап.-русск. актахъ XVI в пишется *Ганязь* а теперь — *Гонюндзь* = польск. *Goniądz*. Окончаніе *-aszь*, какъ извѣстно, свойственно германизмамъ.

Русскія мѣстныя названія и языкъ скиѳовъ и сарматовъ.

I.

Когда мы начинаемъ заниматься мѣстными названіями славянской и особенно русской территоріи, когда намъ приходится разсматривать древне-русскія личныя имена и современныя русскія фамиліи, когда мы имѣемъ дѣло съ заимствованными словами въ обще-славянскомъ или русскомъ языкѣ, — мы непременно сталкиваемся съ вопросомъ объ языкѣ скиѳовъ и сарматовъ, или объ языкѣ тѣхъ старѣйшихъ обитателей русской равнины и сосѣднихъ съ нею пространствъ Европы и Азіи, которые у древнихъ писателей называются общими именами скиѳовъ и сарматовъ.

То немногое, что можно сказать объ языкѣ скиѳовъ и сарматовъ, сводится къ слѣдующему.

Скиѳскія и сарматскія племена, а также племена болѣе позднихъ *аланъ* (точнѣе: *халанъ*)¹⁾ и *роксаланъ*²⁾, говорили нарѣчіями одного и того же языка, единственнымъ остаткомъ котораго въ наши дни является оссетинскій языкъ.

Этотъ скиѳо-сарматскій языкъ принадлежалъ къ иранской вѣтви индо-европейскихъ языковъ и былъ очень близокъ къ языкамъ зендскому (или древне-бактрійскому) и древне-персидскому. Къ сожалѣнію, нашъ матеріаль изъ этихъ двухъ языковъ почти столь же скуденъ, какъ скуденъ матеріаль изъ языка скиѳо-сарматскаго.

1) Амміанъ Марцеллинъ пишетъ: *Halani*.

2) Можетъ быть, *рос-халанъ*?

Скиѳо-сарматы, какъ и иранцы, въ извѣстныхъ случаяхъ имѣли:

h на мѣстѣ санскр. s;

sr на мѣстѣ санскр. sv, sv (aspa конь = санскр. asva : Ἀριστοί, т. е. *Aryam-asrā = Καλλιπίδαи, „прекрасноконные“;

ai на мѣстѣ санскр. a (raiti = санскр. pati = господинъ : Αια-παίδης, Σπαργα-παίδης);

h, d на мѣстѣ санскр. bh, dh (скиѳы-рабы въ греческихъ комодіяхъ замѣняютъ греч. придыхательные согласные соответствующими чистыми).

Близость скиѳо-сарматскаго языка къ древне-персидскому особенно ясно видна при сличеніи собственныхъ именъ скиѳо-сарматскихъ и древне-персидскихъ: ихъ элементы иногда совпадаютъ, какъ можно видѣть изъ сопоставленія сарм. Σαιτα-φάρυης и др.-перс. Τισσα-φέρυης и т. п. Срв. также имя скиѳскаго царя Ὀχτα-μασάδας и зенд. Mazda-οχτα¹⁾.

Но, безъ сомнѣнія, языкъ скиѳовъ и сарматовъ имѣлъ свои отличія отъ иранскихъ языковъ, и общія, и диалектическія; мы можемъ догадываться, что нѣкоторые говоры имѣли глухіе согласные на мѣстѣ болѣе древнихъ звонкихъ, или наоборотъ, что ѣ при извѣстныхъ условіяхъ звучало глухо, что древняя долгота отчасти исчезла. Но идти далѣе догадокъ мы пока не имѣемъ права.

Скиѳо-сарматскій матеріалъ — почти исключительно имена собственные: рѣкъ, горъ, городовъ, народовъ, лицъ. Онъ намъ сохраненъ главнымъ образомъ греческими писателями, получившими его изъ источниковъ далеко не лучшихъ, въ самой неточной передачѣ греческими буквами, съ частымъ приближеніемъ скиѳо-сарматскихъ словъ къ созвучнымъ греческимъ словамъ. Такъ, скиѳское названіе Днѣпра звучитъ у грековъ Βοροσθένης, гдѣ явственно чувствуется вліяніе греч βορά и σθένος. Мы

¹⁾ Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1905, стр. 1159. „von Mazda (божество) ausgesprochen, verkündet“. Мы беремъ др.-бактр. и др.-персидск. данныя главнымъ образомъ изъ этого труда Бартоломэ.

должны имѣть въ виду, что греки не имѣли звуковъ *j*, *v*, *ž* (*dž*), *č*, *š*, которые — судя по всему — были у скивовъ и сарматовъ.

II.

Территорія скивовъ и сарматовъ можетъ быть опредѣлена только путемъ изслѣдованія современныхъ мѣстныхъ названій въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ. Если мы имѣемъ одни и тѣ же по-русскія и не-славянскія по происхожденію имена *рльз* и *озерз*, — мы должны думать, что они перешли къ славянамъ изъ одного и того же языка. Мы имѣемъ названія рѣкъ:

Цна, болѣе древнее *Тьсна*: 1) большой притокъ Оки, 2) притокъ Мокши, 3) притокъ Припяти, 4) въ Московской и Рязанской губ., 5) въ Тверской губ. (въ озерной области);

Десна. 1) притокъ Днѣпра, 2) притокъ южн. Буга, 3) въ Московской губ.; срв. *Дисна*;

**Рѣша*: 1) *Ориша* въ Могилевской губ.; 2) *Орша* въ Тверской губ., 3) *Прша* въ Волынк. губ., 4) *Рѣша* въ Черниговскомъ княжествѣ, упомянута въ Ипатскомъ сп лѣтоп., стр. 439;

Чечора: 1) въ Орловской губ., въ Дмитровскомъ уѣздѣ, 2) въ Орловской губ., въ Трубчевскомъ уѣздѣ, 3) въ Тульской губ., 4) въ Москвѣ, 5) въ Могилевской губ. (притокъ Сожа);

Одра: 1) въ Пруссіи, 2) въ Черниговской губ.; срв. *Одровь*, притокъ Днѣпра, въ Могилевской губ., болѣе древняя форма им. ед **Одры*;

Самара: 1) притокъ Волги, 2) притокъ Днѣпра, 3) въ Орловской губ.;

Сула: 1) притокъ Днѣпра, 2) притокъ Нѣмана;

Сѣт-омль въ Кіевѣ, упомянута въ Начальной лѣтописи;

Сет-уха въ Орловской губ.; *Сѣт-унь* подъ Москвой, *Сет-евка* въ Тульской губ.; и т. п. ¹⁾.

Та же территория опредѣляется нахожденіемъ на ней рѣкъ съ именами животныхъ и — рѣже — растеній: *Бобрз*,

¹⁾ См. еще выше, въ статьѣ *Попрадъ*.

Вепрь, Медвѣдица, Песъ (Черниг. губ.), *Ворона, Гоголь* (Тульской губ.), *Гусь, Колъ* (Рязанск. губ.), *Синичка* (въ Москвѣ), *Сосна* и т. п. Въ предѣлахъ этой территоріи рѣки съ однородными названіями почти неизвѣстны.

Славяне заняли только часть скифо-сарматской территоріи, съ другой частью — южно-русской степью — они были болѣе или менѣе хорошо знакомы, но въ ней кочевали *угры, козары, печенги, половци, торжи* съ одной стороны и *берендѣи, коуи* съ другой ¹⁾. Последніе народы, не включаемые авторомъ Начальной лѣтописи въ число „сыновъ Измаиловыхъ“, т. е. тюрковъ, представляютъ собою остатки скифо-сарматскихъ племенъ, прежнихъ хозяевъ южно-русской степи. — Нѣкоторыя части были заняты литовцами и западными финнами.

Литовцы („Голядь“) еще въ историческое время находились на рѣкѣ Протвѣ, въ предѣлахъ Московской (гдѣ еще существуетъ деревня *Голяди*) и Калужской губ. Судя по мѣстнымъ названіямъ, они жили также въ Орловской губ. (тамъ двѣ деревни и теперь называются *Голяжье*). Съ ними приходилось воевать русскимъ князьямъ. Кромѣ упомянутаго лѣтописью похода на Голядь, къ этимъ литовцамъ, вѣроятно, относится зимній походъ черниговскихъ Ольговичей 1205 г., упомянутый Суздальскою лѣтописью по Лаврентьевскому списку. Голядь рано ассимилировалась съ русскими сосѣдями.

Западные финны заняли, повидимому, лишь нѣкоторыя мѣста въ Московской губ. и въ юго-западной части Тверской губ. Память объ нихъ сохранилась въ мѣстномъ названіи (отъ озера?) въ Звенигородскомъ удѣлѣ Московскаго княжества *Истерва* [„съ Истею ²⁾“, съ *Истервою*“, говорится въ духовныхъ московскихъ вел. князей Ивана Ивановича и др., XIV в.] = *Исть-ерва*, гдѣ вторая часть объясняется всего лучше при помощи западно-финскаго *järwi* озеро ³⁾. Но финны удержались

¹⁾ Принадлежность къ слав. народности *тиверьцевъ*, этихъ „толковинъ“ = толковниковъ, переводчиковъ, — подлежитъ сомнѣнію.

²⁾ Современн. *Иста, Истица* (Моск. и Тульск. губ.). Объ волости *Истерва* см. въ ст. Дебольскаго, *Зап. Имп. Русск. Археолог. Общ.* т. XII, (1901 г.).

³⁾ 1-ая Новгородская лѣт. упоминаетъ о рѣкѣ близъ Ладожскаго озера *Уъерва* (подъ 1310 г., стр. 311).

здѣсь недолго, сохранивъ большую часть древнихъ, до-финскихъ названій рѣкъ и озеръ и передавъ ихъ новымъ населенкамъ — русскимъ. Звуковая особенность вышеприведеннаго *Истерва* — нѣтъ полногласія — показываетъ, что это названіе было русскими получено уже по окончаніи обще-славянскаго періода, во всякомъ случаѣ послѣ Р. Хр. ¹⁾.

III.

Какъ извѣстно, передъ началомъ нашей эры скиѣы исчезли изъ южной Россіи и на мѣстѣ ихъ древніе писатели знаютъ уже сарматовъ. Одновременно названія большихъ рѣкъ южной Россіи, почти всѣ, измѣнились. вмѣсто *Βορυσθένης* скиѣской эпохи появился *Δάναπρις*; вмѣсто *Τόρας* — *Danaster*; вмѣсто *Ἰπαις* — *Vagus*. Последнее обстоятельство заставляетъ думать, что сарматы пришли въ южно-русскую степь съ сѣвера, гдѣ находятся среднія и верхнія части названныхъ рѣкъ, изъ волинскаго, кіевскаго и черниговскаго Полѣсья, и что они принесли съ собою на югъ свои названія рѣкъ и ими замѣнили древнѣйшія скиѣскія.

Народъ, оттѣснившій на югъ сарматовъ, — славяне. Занявъ постепенно тѣ обширныя лѣсныя пространства, въ которыхъ раньше жили сарматы и въ которыхъ остались жить остатки сарматовъ, скоро ославянившіеся, — славяне получили отъ нихъ мѣстныя названія рѣкъ и проч.

По мѣрѣ звуковыхъ измѣненій въ обще-славянскомъ языкѣ, происходили измѣненія и въ мѣстныхъ названіяхъ. Группы *ai* и *ei* превратились въ носовые гласные *ж* и *л*, группа *яр* превратилась въ *ра*, *ро* или *оро* (смотря по говору обще-славянскаго языка); дифтонги *ai* и *au* превратились въ *ъ* и *у*, гор-танные и зубные согласные, при извѣстныхъ условіяхъ, смягчились; группы *дл* и *тл* могли утратить свои зубные, и т. д. Вслѣдствіе этого мѣстныя названія средней Россіи теперь не имѣютъ ничего несогласнаго съ фонетикой исконныхъ русскихъ словъ, и, на примѣръ, въ нихъ нѣтъ сочетаній *ге*, *же*, *хе*, а соче-

¹⁾ Срв. выше, статью о названіи *Селигеръ*.

танія *ш, ж, ш* всегда восходятъ къ болѣе древнимъ *ш, ж, жь*, которыя должны передавать сарматскія *gū, kū, hū* или что-нибудь близкое.

Когда русскій языкъ началъ свое историческое существованіе и въ немъ произошло исчезновеніе глухихъ въ срединѣ словъ, — и этому измѣненію, со всѣми его разнообразными послѣдствіями, вполне подчинились мѣстныя названія.

Отсюда для изслѣдователя мѣстныхъ названій необходимость постоянно считаться съ фонетическими особенностями обще-славянскаго и русскаго языковъ и помнить о возможности разнообразныхъ звуковыхъ измѣненій.

Вотъ три примѣра.

Названіе рѣки *Чечера* можетъ имѣть звукъ *ч* и изъ сарматскаго *ч*, и изъ сарматскаго *ж*.

Въ названіи рѣки *Гжатъ* сочетаніе *жа* можетъ быть и изъ сарматскаго *жа*, и изъ сарматскаго *гѣ*. Оно могло имѣть передъ *ж* глухой гласный, и тогда на мѣстѣ нынѣшняго *г* могло быть *ж*. Словомъ, сарматскій прототипъ могъ звучать, между прочимъ, приблизительно *kūgētī*.

Названіе рѣки *Меца* (притокъ Зуши, въ Орловской губ.) можетъ восходить къ болѣе древнему **Мьтсна*, **Мьтсна*, **Мьдсна* и т. п. Срв. современн. *Цна* при дошедшемъ до насъ изъ XV в. написаніи *Тсна*.

Благодаря своему знакомству съ сарматскимъ языкомъ, славяне перевели на свой языкъ большое число мѣстныхъ сарматскихъ названій, когда послѣднія совпадали съ обычными словами сарматскаго языка. Отсюда упомянутыя выше названія рѣкъ въ родѣ *Бобръ, Ворона, Сосна*; отсюда же такія, какъ *Молочна*, рѣка въ Черниговскомъ княжествѣ, упомянутая въ лѣтописи подъ 1169 г.

Не слѣдуетъ забывать, что въ историческое время, до самаго нашествія монголовъ, на границахъ южно-русскихъ княжествъ жили потомки или родичи сарматовъ — берендѣи и др. — и играли довольно значительную роль въ политическихъ событіяхъ этихъ княжествъ. Многіе изъ русскихъ должны были знать ихъ языкъ. Большое число мѣстныхъ названій въ степи, дошедшее въ лѣтописяхъ или сохраняющееся до сихъ поръ,

можетъ принадлежать ихъ языкамъ и носить до извѣстной степени звуковую окраску ихъ языковъ.

Точно также названія, какъ *Голубой мѣсъ* или *Черный мѣсъ* (оба, повидимому, въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губ., на ея юго-востокѣ), могутъ быть переводомъ берендѣйскихъ названій.

Названіе рѣчки *Ерель* (нынѣ *Орель*, Екатериносл. губ.), притока Днѣпра, въ нашихъ лѣтописяхъ иногда сопровождается переводомъ: *Умъ, Угомъ*¹⁾, а иногда замѣняется названіемъ *Умъ* (Лаврент. сп. лѣт. подъ 1185 г.). Какому бы языку, сарматскому, или берендѣйскому, ни принадлежало это названіе, потомокъ скиѣскаго *Γέρρος*, — очевидно, славяне до-историческаго времени или русскіе X—XIII вв. знали, что оно на этомъ языкѣ означало: уголь²⁾.

IV.

Несомнѣнно, написание *Danastr-* не точно передавало звуки сарматскаго названія Др.-русск. **Дзньстръ* позволяетъ поправить его на *Danaistr-*: слав. *ъ* не рѣдко восходитъ къ дифтонгу *ai*. Въ этомъ видѣ сарматское названіе намъ сравнительно понятно; оно состоитъ изъ нарицательнаго *dana* рѣка (срв. зендское авест. *dānu-* рѣка, оссетинск. *-don* рѣка) и *istr-*, то самое названіе рѣки, которое мы имѣемъ въ скиѣскомъ *Ἴστρος* Дунай, современномъ *Истра* (рѣчка около Москвы).

Написание *Δάναπρις* также должно быть исправлено при помощи др.-русск. *Дзньтръ* (съ *з* — въ Толковой Паллѣ XIV в.)

¹⁾ *Ерелью* русскіе XII вѣка называли не только рѣку, но и мѣстность. Въ лѣтописи по III. сп. подъ 1183 г. мы читаемъ на мѣстѣ нарицаемъ Ерель, *еюже Русь зовуть Угомъ*. Срв. у Геродота названіе мѣстности, гдѣ погребались скиѣскіе цари *Γέρροι*, „ἐς ἃ Βορροθίνης ἐστὶ προσπλωτός“, „до которой можно идти по Днѣпру на судахъ“ (до пороговъ?).

²⁾ Извѣстны двѣ рѣчки съ именемъ *Орель*, одна въ Харьковской и Екатеринославской, другая въ Черниговской губ. О первой мы читаемъ: „Отъ истоковъ Тора верстахъ въ 30 впадаетъ рѣчка Орелька въ рѣку Орель и образуетъ уголь на границѣ Харьковской губ. съ Екатеринославской“ (*Аристовъ*, О землѣ Половецкой, въ *Извѣстіяхъ Им.-Филолог. Института въ Пѣтербургѣ* 1877 г.; стр. 225).

* *Дѣнѣпръ*. Вторая часть сарматскаго названія должна была звучать *ipr-* (срв. названіе рѣчки *Ибрѣ* въ Волынск. губ.).

Написаніе *Πόρτα* (такъ. по Геродоту, скиѣы называли р. Прутъ) исправляется при помощи др.-русск. **Иѣручѣ*, соврем. *Прутѣ*. Въ серединѣ скиѣскаго слова должно было быть или дифтонгъ *ai*, или сочетаніе *ai* ¹⁾).

Разсмотрѣніе этихъ трехъ названій приводитъ насъ къ выводу, что скиѣо-сарм. *a*, *o* при какихъ-то условіяхъ передано славянами черезъ ихъ *ѣ*, даже то *a*, которому въ зендѣ соответствуетъ *ā*. Срв. *z* въ *szto*.

Геродотовскія названія Дона и Днѣпра *Τάναϊς* и *Βορυσθένης* имѣютъ въ себѣ то же нарицательное *dana*, только съ *t* вмѣсто древняго *d*. *Τάναϊς*, очевидно, состоитъ изъ *dan(a)-avi*; слѣдовательно, это — то же названіе, что и сарм. **Danavi*, названіе Дуная, переданное намъ греками въ видѣ *Δαυούβιος*, *Danuvius* (съ *u* на мѣстѣ сарм. *a*!). Вторая его часть — *avi* — извѣстна какъ названіе рѣчки впадающей въ Черное море, повидимому, Дуная: *Ava* (у Равенскаго Космографа). Въ *Βορυσθένης* вторая часть — видоизмѣненное во вкусѣ греческаго языка *tana* = *dana*.

Эти названія позволяютъ сдѣлать выводъ, что въ скиѣскихъ говорахъ при какихъ-то условіяхъ древнее *d* перешло въ соответствующее ему глухое *t*.

Срв. наше предположеніе, что скиѣское имя Небесной Афродиты *Ἀργίπασα* (Герод.) есть не что иное, какъ *argu-pasa* = прекрасно-рукая, гдѣ *pasa* объясняется изъ зендск. *bāzu* рука и др.-перс. *Φαρυά-βαζος*, *Αρτό-βαζος*; оссет. *базу* локоть ²⁾).

¹⁾ Срв геродотовское названіе одного изъ сѣверныхъ притоковъ Дуная (Серета?) *Τιάραντος* и русскія названія рѣкъ *Збручѣ* (изъ ¹⁾*Сѣбручѣ*, ¹⁾*Сѣбручѣ*), *Черучѣ* (Тульск. губ.) и городовъ *Баручѣ* (въ Переяславск. княжествѣ; лѣтопись по Ип. сп. подъ 1126, 1174 гг.) и *Вручий* (изъ ²⁾*Вѣручѣ*?). Последнее — прилагат. отъ личнаго имени ¹⁾*Вѣручѣ*? Польская фамилія (прежде личное имя) *Вагасц* показываетъ, что русск. *у* — изъ **ж**.

²⁾ *Arch. fur slav Phil.* XXVII, 242 и XXVIII, 450.

V.

Нѣскольکو замѣчаній объ отдѣльныхъ названіяхъ.

Березина — имя 1) большого притока Днѣпра и 2) рѣчки въ Тульской губ.

Его нерѣдко сопоставляютъ съ скиѣскимъ названіемъ Днѣпра *Βοροσθένης*. Не говоря уже о томъ, что въ послѣднемъ β находится, повидимому, на мѣстѣ скиѣскаго *υ* (гунны, по Иордану, называли Днѣпръ *Var*), — другіе звуки такъ мало совпадаютъ, что созвучіе этихъ двухъ словъ — только кажущееся.

Скорѣе *Березина* — славянское слово, означающее: березовая вѣтка (срв. *дубина*, *хворостина* и т. п.).

Овидій и Плиній сохранили названіе рѣчки впадающей въ Черное море между Борисѣномъ и Тиромъ *Rhode*. Оно — греческое, = *ῥοδῆ* вѣтка розы, и представляетъ собою переводъ соотвѣтствующаго по значенію скиѣскаго или сарматскаго слова. То же можно сказать о другомъ названіи рѣчки — *Λόχος* (Герод.). И оно — греческое, передающее значеніе скиѣскаго названія, тожественное названіе *Волкъ* принадлежитъ теперь притоку южн. Буга. Упомянемъ о названіи города *Ἀλέκτωρ*, при слияніи Борисѣна и Гипаниса, которое сохранено Діономъ Хрисостомомъ ¹⁾.

Кыевъ — имя не только большого русскаго города, но также поселеній сербскаго, упомянутаго въ С.-Стефанскомъ хрисовулѣ, и двухъ чешскихъ, нынѣ существующихъ; Начальная лѣтопись знаетъ *Кіевецъ* на Дунаѣ ²⁾. Его происхождение отъ *кый* палка, черезъ посредство собственнаго имени, — несомнѣнно. Это названіе — новѣе самаго города. Скандинавскіе источники знаютъ на Днѣпрѣ „Днѣпровскій городъ“, или „городъ Днѣпра“, и этотъ городъ, повидимому, — нашъ Кіевъ,

¹⁾ Птолемей знаетъ рѣку *Καρκινίτης* къ востоку отъ Гипаниса, передъ Таврическимъ полуостровомъ. Здѣсь былъ городъ *Κάρκινα*, у Плинія и Мелы — *Сагсіне*. На основаніи санскр. *какапа*-, можно думать, что скиѣское **кагкѣпа* значило: пѣтухъ.

²⁾ Деревня *Кіево*, въ нынѣшней Тульской губерніи, упоминается въ Писцовой книгѣ 1593 г. *Шумаковъ*, Сотницы, стр. 160.

Константинъ Багрянородный упоминаетъ о древнемъ имени Кіева *Σαρβατάς*. Птолемей знаетъ городъ на Днѣпрѣ выше Ольвіи *Μητρόπολις*.

Послѣднее названіе обращаетъ на себя наше вниманіе.

Начальная лѣтопись влагаетъ въ уста Олегу слова о Кіевѣ: се буди *мати градомъ* русьскимъ. Слово *городъ* по-русски — муж. р.; почему же Олегъ назвалъ Кіевъ не отцомъ, а матерью городовъ? Какъ-будто автору лѣтописи приходилось слышать, что Кіевъ — *мать-городъ* (гдѣ *городъ* онъ принималъ за форму род. п. мн. ч.). Если такъ, мы можемъ предположить, что птолемеевъ *Μητρόπολις* находился на мѣстѣ историческаго Кіева и что воспоминаніе о старомъ названіи жило еще въ Кіевѣ XI—XII вв.

Сомнительно, чтобы сарматскій оригиналь греческаго имени звучалъ близко къ *Σαρβατάς* Константина.

Древніе упоминаютъ объ *Αἰπόλιον*, городъ между Истромъ и Тиромъ. Это имя: Козій городъ или Коза-городъ, вмѣстѣ съ вышеприведенными, показываетъ, что скиѣи и сарматы дѣлали названія не только для рѣкъ своей земли, но и для городковъ, — изъ нарицательныхъ именъ съ разнообразными значеніями¹⁾, съ прибавленіемъ къ нимъ, когда было нужно, слова городъ. Послѣднее, повидимому, составляетъ вторую часть названій поселеній *Ἰφι-οὔσσα* и *Νί-οσσα* (срв. санскр. *vāstu*).

Птолемей знаетъ городъ къ востоку отъ Днѣпра съ именемъ *Ἀζαγάριον*. Первая часть этого имени напоминаетъ зенд. корень *уаз* быть святымъ (срв. греч. *ἅγιος*), а вторая — зенд. *gairi* гора. Повидимому, сарматское названіе города имѣло значеніе: святая гора. Любопытно, что Стефанъ Византіецъ знаетъ въ Скиѣи мѣстность *Ἁγίου ὄρος*, и что теперь названіе *Святыхъ горы* сохраняется за невысокими горами у Дона въ Воронежской губ. (гдѣ съ недавняго времени Святогорскій монастырь).

¹⁾ Срв. еще названіе горъ *Πεύκη* (= сосна). Данныя относительно скиѣскихъ и сарматскихъ названій рѣкъ, городовъ и пр. собраны въ трудѣ проф. Л. Нидерле, *Starověké zpravy o zeměpisu východní Evropy, v Praze, 1899.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Предисловіе	1
Древнѣйшія славянскія названія монеты и хронологія обще славянскаго смягченія гортанныхъ	1
Названія озера Селигера въ связи съ вопросомъ о пра-славянской родинѣ	5
Бескидъ	10
Мелкія замѣтки по славянской и русской фонетикѣ.	11
Мелкія замѣтки по морфологіи	59
Толтры	77
Попрадъ.	78
Нѣсколько этнографическихъ названій. 1. Чехъ. 2. Хорватъ. 3 Гѣтинъ и др. 4. Половци. 5. Рахмане. 6. Срацининъ.	79
Два личныхъ имени. 1. Глѣбъ. 2. Ольствѣнъ.	87
Русскія мѣстныя названія и языкъ скиѳовъ и сарматовъ	89

№ 847. 0012
БИБЛИОТЕКА СССР
И. П. Б. И.

Цѣна 1 руб.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 4-е. — Ц. 2 р.

Переводная литература Московской Руси. Библиографическіе
матеріалы. — Ц. 2 р.

Матеріалы и изслѣдованія въ области славянской филологіи и
археологіи. — Ц. 1 р. 50 к.

СЛН 8/41